Н. В. УСЕНКО
В ПОХОДАХ ОКЕАНСКИХ

Н. В. УСЕНКО

В ПОХОДАХ ОКЕАНСКИХ

МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1979

68.66
У74

Усенко Н. В.

У74 В походах океанских.— М.: ДОСААФ, 1979.— 144 с.

55 к.

Автор очерков — Герой Советского Союза вице-адмирал Н. В. Усенко, участник кругосветного похода на атомной подводной лодке, увлеченно рассказывает о советских моряках, несущих почетную морскую вахту вдали от родных берегов. Чувство глубокой любви к Родине, гордость ее доверием объединяет людей, овладевших сложнейшей военной техникой и стоящих на страже наших морских рубежей.

Для широкого читателя.

У $\frac{11204—087}{072(02)—79}$ 43—79 1304040500

ББК
68.66

1. ПЕРВЫЕ ПОЛПРЕДЫ

Здравствуй, флот!

В детские и юношеские годы многие грезят морем, плаваниями, открытиями. И это естественно. Детство — пора мечтаний.

Путь на флот у каждого свой. Мне не пришлось выбирать — быть или не быть моряком. Мое детство связано с Ленинградом — городом морской славы, где все напоминает о героическом прошлом русского флота, о революционных и боевых традициях военных моряков. Здесь, как и в другом портовом городе, ощущается дыхание моря, флота. Море, корабли, флот властно врываются в жизнь юного ленинградца. По праздникам в Неву входят боевые корабли, восхищая мальчишек своим видом. В обычные и выходные дни по проспектам и улицам города горделиво шествуют моряки — в бескозырках с развевающимися ленточками, в форменках с голубыми воротниками, покоряя своей выправкой. По утрам на берегах Невы разносятся свистки боцманских дудок, мелодичный звон рынд.

Ленинград — город-герой. Мне посчастливилось, что мои детство и юность пролетели в этом славном городе. Ему я в большой степени обязан тем, что стал моряком. Можно уверенно сказать, что война, блокада ускорили этот выбор. Я видел мужество и отвагу моряков при защите города, встречал многих из них, и они оставили глубокий след в моем сердце — силой духа, непреклонностью воли, твердым желанием отстоять город. Жизнь, обстановка заставили нас раньше времени связать свою судьбу с флотом. Даже через много лет в моей памяти отчетливо сохранились такие

моменты, как медкомиссия, пребывание в экипаже, переодевание в новую форму и переход на корабль. Каждый этот момент был по-своему волнующим.

Вспоминаю переход из экипажа на корабль. На мне новенькая, «с иголочки» форма, она чуть великовата, но все равно в ней так приятно идти. Я шагаю твердо, постукивая тяжелыми рабочими флотскими ботинками. Они тупоносые, с двумя металлическими заклепками, шнурок — ремешок из сыромятной кожи. Тельняшка плотно обхватывает грудь. Она еще ни разу не стирана, поэтому чуть покалывает, но я этого не замечаю. Мне кажется, что на меня обращают внимание, и делаю вид, что это меня нисколько не интересует: гордо иду на свой корабль, и до остального мне нет никакого дела.

День выдался яркий, солнечный. С Невы потягивало холодком, еще не прошел ладожский лед, но в прикрытых от ветра местах тепло. Я вспотел, потому что надел на себя все, что положено, в том числе белые рубашку и кальсоны с завязками, такие я никогда до этого не носил.

Скоро мы достигли цели. Прямо на нас смотрел огромный корабль. Три большие трубы, высокие мачты, мостик, шлюпбалки — все это сразу захватило меня, взволновало. Хотелось скорее ступить на палубу и почувствовать себя полноправным членом экипажа этого огромного корабля. Я тогда не обратил внимания на то, что на палубе не видно людей.

Пройдя мимо часового, мы поднялись по трапу на ют. Здесь меня передали дежурному по кораблю. Старшина на прощание кивнул мне:

— Рубай компот, корешок, он жирный.— Эту фразу он произнес вместо «до свидания».

Первые впечатления всегда сильные и запоминаются надолго. На смену радости, что сбылась мечта стать моряком, пришло разочарование. Мне грезились крейсера и эсминцы, грозные орудия, торпедные аппараты, стремительные атаки... А на корабле, куда меня назначили, не было ни одной, даже маленькой, пушчонки. Стояли две сорокапятимиллиметровые пушки, да и те недавно сняли. Экипаж на нем совсем небольшой. Молодых ребят почти не было. Одни пожилые матросы. Машина законсервирована, приборы сняты. На спарде-

АВРОРА

ках насыпан шлак, чтобы от попадания зажигательных бомб деревянная палуба не загорелась. Холодные пустынные кубрики, такие же длинные коридоры. Единственное место, где мне понравилось,— это машинное отделение. Трудно передать те чувства, какие я испытал, очутившись в этом огромном помещении с двумя гигантскими паровыми машинами. Кованые стальные шатуны, литые мотыли, кулисы, манометры, вакуумметры поражали воображение; мне не терпелось все это увидеть в движении, познать всю премудрость устройства этих механизмов. Здесь, в машинном отделении, как нигде в другом месте на корабле, чувствовалась жизнь. Машины бездействовали, казалось, гигант дремал...

Вот почему я без колебания согласился учиться на машиниста. Ученик-машинист — вот первая моя флотская должность и военно-морская профессия. Любовь к своей профессии и к военной службе, к кораблю прививал мне первый мой начальник Константин Иванович Егерев. В моих глазах он был авторитетнейшим человеком, и я с почтением относился к нему, старшему краснофлотцу, командиру отделения машинистов, хотя лет ему было немного — примерно двадцать пять. Но он был человеком весьма эрудированным. Много читал и понимал толк в литературе. Кроме того, он неплохо рисовал, что нас особенно сблизило. Ко мне он относился строго, но душевно. Этот человек и заронил в мою душу те зерна, которые проросли, породив чувство привязанности к флоту, любовь к его традициям, и определили мою судьбу кадрового военного.

Время вносило коррективы. Если, скажем, сначала я был очень разочарован, попав на учебный корабль «Комсомолец», то впоследствии, благодаря именно Константину Егереву, был доволен тем, что начал флотскую биографию на корабле, который стал подлинной школой для многих поколений советских моряков. Именно «Комсомольцу» выпала честь быть первым советским кораблем, который совершил дальнее плавание. Работая в машинном отделении, обучая меня специальности машиниста, Егерев рассказывал об истории нашего корабля — рассказывал образно, с воодушевлением. Много лет прошло с той поры, а в моей памяти сохранились подробности истории корабля-ве-

терана. Построенный по заказу царского правительства на верфях Круппа в Германии корабль с 1903 года был в составе русского флота под названием «Океан». Во время империалистической войны он использовался как госпитальное судно. В 1922 году в честь принятия комсомолом шефства над флотом «Океан» обрел новое имя «Комсомолец».

В революционную летопись моряков Балтики немало ярких страниц вписал корабль-ветеран. Здесь после окончания курсов машинных унтер-офицеров в Кронштадте летом 1916 года проходил корабельную практику Анатолий Железняков. Он вел на корабле революционную агитацию. Более трехсот матросов с этого корабля участвовали в демонстрации 3—4 июля. В дни Октябрьского вооруженного восстания весь экипаж (на корабле остались только больные) с оружием в руках на минном заградителе «Амур» отправился в Петроград в распоряжение Военно-революционного комитета. 25 октября моряки с «Океана» принимали участие в штурме Зимнего. В годы гражданской войны они сражались на многочисленных фронтах, защищали колыбель Октября — Петроград.

Как-то вечером старшина обратил мое внимание на газету.

— Вот послушай, что писал Леонид Соболев о нашем корабле. Он служил на нем старшим штурманом и был участником первого после гражданской войны похода корабля за границу в 1924 году.— Взяв газету «Красный Балтийский флот», он прочитал:— «Удивительно изящный его силуэт с тремя наклоненными назад могучими трубами, с высокими мачтами, с безупречной линией надстроек, его корма, подобранная над водой в готовности мягко и властно отбить удар любой догоняющей волны, его стремительный форштевень, наклоненный вперед как бы в нетерпеливом порыве к движению,— все это как-то по-новому поразило мое воображение».

Я слушал как зачарованный. Много лет спустя мне довелось встретиться с участниками первого заграничного похода советских военных кораблей и мне снова вспомнился Константин Егерев, который так ярко и образно рассказывал об этой замечательной странице в истории флота.

Под флагом Родины

История этого плавания такова. Летом 1924 года на учебные корабли «Аврора» и «Комсомолец» прибыли курсанты военно-морских учебных заведений. Это были будущие красные командиры советского военного флота.

Долго готовились корабли к первому заграничному плаванию. Грузили продукты, принимали воду. Особенно много сил отнимала погрузка «чернослива» — так называли уголь. Мне пришлось испытать эту трудную, изнурительную работу. При погрузке угля личный состав БЧ-5 обычно работает внизу, в угольных ямах. Тусклый свет едва проникает сквозь черную угольную пыль. В помещении душно. Стоишь под шахтой, куда ссыпают уголь, и лопатой отбрасываешь его от горловины в самые отдаленные уголки. Уж кажется, разламывается спина, руки не держат лопату, а сверху все сыплется и сыплется «чернослив». Еле дождешься конца смены. А после нее, отмывшись в бане, валишься без чувств на койку и — опять в смену.

Мы принимали уголь только в угольные ямы — бункера, а тогда, в первом походе, запаслись им так, чтобы нигде не пополняться: капиталисты могли не продать уголь, в то время не очень-то считались с молодой Советской республикой. Вот и пришлось складывать мешки с углем на верхней палубе, на спардеке, ссыпать прямо в трюмы. А после погрузки угля объявлялся аврал — уборка. Все тщательно мылось. Деревянная верхняя палуба драилась песком и мылом до белизны. После такой уборки корабли выглядели празднично, нарядно.

Утром 9 июля Кронштадт провожал корабли. На «Авроре» и «Комсомольце» экипажи выстроились по большому сбору. Гремели медные трубы оркестров. Жители Кронштадта собрались на берегу Петровского парка, на набережной, чтобы проводить корабли в море.

«По местам стоять, с якоря сниматься» — эта команда дублировала сигнал колоколов громкого боя и посвист боцманских дудок. Корабли медленно разворачивались. Впереди флагман «Аврора», за ним — «Комсомолец»... Позади Толбухин маяк, за ним Шепелев...

А вот и остров Лавансаари. Скрылась родная земля.

— Представляешь, какой удивительный мир предстал перед моряками в этом походе?— спрашивал меня Егерев.

Прошли мыс Скаген. Позади Балтийское море. Корабли вышли в Атлантику. Океан встретил советских моряков неприветливо. Корабли большие. «Аврора» имела солидное водоизмещение, около семи тысяч тонн, а «Комсомолец» и того больше — одиннадцать тысяч! И все равно эти громадины раскачало сильно. А на большом корабле качку труднее переносить, чем на малом. Моряки с нетерпением ждали прихода в в порт. На пути в Архангельск предусматривался заход в норвежский порт Берген, а на обратном пути — в Тронхейм. К тому времени многие капиталистические государства уже признали Советский Союз. Признали и скандинавские страны, и предстоящий визит должен был как бы закрепить этот дипломатический акт, показать трудящимся капиталистических стран, что моряки Страны Советов способны плавать и выполнять поставленные задачи.

Утром 15 июля 1924 года «Аврора» и «Комсомолец» стали на якоря в бухте Бергена. Увидев советские военные корабли, норвежцы по достоинству оценили чистоту и порядок на них, приветливость и высокую культуру экипажей. Норвежские коммунисты, выражая настроение жителей всего города, предложили морякам провести ряд встреч с трудящимися предприятий. Такие встречи состоялись. Казалось, весь город вышел на улицы,— так было многолюдно в день, когда советские моряки большим отрядом, строем под оркестр прошли по улицам Бергена. Прогулке предшествовал вечер дружбы, который проводился по инициативе норвежских коммунистов.

А 18 июля на «Авроре» состоялось совместное собрание советских и норвежских коммунистов. На нем присутствовало более 150 человек.

Особенно запомнилась морякам встреча с Александрой Михайловной Коллонтай. Женщина-комиссар, женщина-дипломат, соратница В. И. Ленина, она высоко оценила роль и значение этого первого похода кораблей революционной России за границу. Будучи послом Советского Союза в Норвегии, она специально при-

ехала в портовый город, чтобы подчеркнуть важность этого визита. Посетив оба корабля, А. М. Коллонтай выступила на митинге с проникновенными, теплыми словами в адрес моряков:

— Вы сделали чудо! Через сутки после вашего прибытия даже лютующая буржуазная печать вынуждена писать о прекрасном содержании кораблей Красного флота и, в отличие от матросов флотов других стран, о безупречном поведении на берегу.

В торжественной обстановке советский посол вручила правительственные награды — ордена слушателям училищ, участникам подавления кронштадтского контрреволюционного мятежа.

Рассказывая эту историю, Егерев протянул мне листок бумаги, на котором его твердым почерком было написано:

«С великой гордостью и светлой радостью буду вспоминать посещение кораблями нашего революционного флота норвежских вод. Образцовый порядок, дисциплина служебная и крепкая товарищеская спайка комсостава и команды, а также и политсостава делают эту плавучую территорию Союза образцом для коммунистического революционного флота. Каждый моряк должен быть не только моряком-бойцом, но и коммунистом, живущим, работающим и созидающим новую жизнь в духе товарища Ленина». Эти слова принадлежали Коллонтай. Она написала их в книге почетных посетителей корабля.

Тогда, слушая рассказ о дальнем походе, я завидовал его участникам и в глубине души крепло желание сходить в плавание, ощутить неоглядность океанских просторов, вступить в единоборство с суровой стихией. И в то же время не верилось, что настанет час и механизмы оживут, придут в движение. А пока корабль стоял у стенки набережной, израненный, беспомощный. Попаданием нескольких артиллерийских снарядов было разрушено дизель-динамо, повреждены борт в районе кубрика БЧ-5 и штурманская рубка... Думалось: когда это все будет восстановлено? Тем не менее именно тогда у меня возникло желание сделать все, что в моих силах, чтобы вдохнуть жизнь во все эти механизмы.

Это удалось осуществить только к концу войны. Осенью 1944 года «Комсомолец» был отремонтирован на одном из ленинградских судоремонтных заводов. И снова забилось сердце ветерана, ожили могучие машины, корабль вышел в море. Летом 1945 года с курсантами военно-морского инженерного училища «Комсомолец» совершил поход в Хельсинки. Много лет корабль-ветеран служил Советскому Военно-Морскому Флоту.

С того первого заграничного похода прошло более полувека. В августе 1974 года редакция журнала «Морской сборник» провела встречу с участниками этого похода. Выступая на этой встрече, член Военного совета — начальник политического управления Военно-Морского Флота адмирал В. М. Гришанов сказал:

— Зерна, брошенные вами, дорогие товарищи, дали добрые всходы. Дальние океанские плавания, дружественные и официальные визиты стали не просто традицией, а нормой, правилом повседневной жизни нашего флота в мирное время. Без этого сейчас немыслима его боевая и политическая подготовка. Советских матросов, старшин, мичманов и офицеров называют морскими полпредами социалистической Родины. Наш Военно-Морской Флот вышел на просторы Мирового океана, с честью выполняет дипломатическую и интернациональную миссии, вносит весомый вклад в осуществление внешнеполитической программы нашей партии.

Впоследствии за время службы я был неоднократно участником дальних океанских походов как на подводных лодках, так и на надводных кораблях. Но где бы я ни плавал, мне всегда вспоминаются мои первые дни службы и первый выход в море на корабле-ветеране, носящем замечательное молодое имя — «Комсомолец».

2. ПОДВОДНАЯ ОРБИТА

Заботы земные

Новость была настолько неожиданной, что я допоздна не мог уснуть. Еще утром во время осмотра и проворачивания механизмов старпом объявил по трансляции, что командиры боевых частей приглашаются перед обедом в каюту командира в казарме. Береговой кабинет называется каютой, так же как и помещение, где живет личный состав, называют кубриком — такова флотская традиция. Предстоящее совещание было необычным хотя бы потому, что проводить его решили в каюте командира, а не в ленинской комнате, где мы обычно собирали офицерский состав. К тому же никого, ни старпома, ни меня, то есть своих ближайших заместителей, командир не предупредил о том, какой вопрос намерен обсудить с нами.

Совещание было коротким. Выслушав доклад о состоянии техники по боевым частям, командир помолчал, а потом, намекнув о необходимости сохранения тайны, сказал, что нам предстоит большое и длительное плавание, нужно все продумать, взвесить и приступить к подготовке: «Все, больше пока ничего не могу вам сказать. Личному составу объявите, что лодка примет участие в сложном учении, которое будет продолжительным по срокам и проводиться в удаленных районах океана».

Отпустив офицеров, командир задержал меня в кабинете. То, что я узнал, меня взволновало. Оказывается, экипажу поставлена задача — совершить трансокеанское плавание. Командир, понизив голос, сказал:

— О сроках и маршруте перехода будет известно позже. Скажу тебе, что пойдем в составе отряда. Это усложняет задачу. Готовиться надо тщательно. Главное, чтобы каждый матрос, старшина, офицер,— понимаешь, каждый!— отнесся к этой задаче со всей ответственностью.

Вот так задача! Значит, пойдем не на полюс, не в высокие широты под лед, а на юг! Я принес политическую карту мира — другой под руками не было,— и мы долго рассматривали океан, рассуждая о предстоящем походе.

К тому времени мы уже знали о кругосветных плаваниях американских лодок и понимали, что для решения подобных задач требуется высокая морская выучка и хорошие надежные корабли. Мы со Столяровым, как и каждый подводник, ждали того дня, когда наши советские атомоходы проложат подводную трассу через глубины Мирового океана. Но не думали, что счастье быть первыми выпадет на долю нашего экипажа.

Началась работа по подготовке к дальнему походу. Надо заметить, что подводники любят плавать и всегда относятся к подготовке корабля к походу с большой ответственностью. Многое тут нужно сделать каждому члену экипажа, тем более офицеру. Штурман готовит навигационные приборы, карты, лоции. Инженеры-механики — главную энергетическую установку и ее сердце — ядерный реактор, хлопочут о запасных деталях.

У меня, политработника, свои заботы: расстановка коммунистов по боевым сменам, инструктаж активистов, подбор литературы, кинофильмов, проверка ассортимента продуктов, подготовка коков.

В эти дни особенно важно быть всегда с людьми, видеть их в деле, трудиться вместе с ними, особенно во время авралов, таких, как погрузка боеприпаса, топлива, продуктов. Здесь сила личного примера имеет исключительное значение.

Я люблю авральные работы. Здесь весь экипаж охвачен подъемом, энтузиазмом. Никого не нужно понукать — все работают с полной отдачей. Но с особой энергией моряки трудятся, когда наравне со всеми на

аврале работают командир, старпом, все офицеры. Тогда вроде и нет усталости, и люди не замечают, что идет холодный дождь со снегом.

Вот идет погрузка продуктов. Ящики, банки, мешки — все проходит в узкие люки, все аккуратно, заботливо укладывается в провизионных кладовых. Здесь и быстрорастворимый кофе, и специальной, сублиминационной сушки клубника, и сушеные овощи, и картофель натуральный.

— Русский человек не может без картошки,— смеется командир Лев Николаевич Столяров.— А вот американцы, уходя в дальний поход, берут больше кофе, чем картофеля.

— У каждой нации свои привычки,— поддерживаю я разговор.

— Джон Стил в своей книге о плавании «Сидрэгона» неплохо все это описал...

Кстати, книга о плавании американских подводников заняла свое место в нашей походной библиотеке. Кроме политической, географической и военной литературы в библиотеке — художественная проза и поэзия, приключения, сатира и юмор. Чтение станет в океанских глубинах и отдыхом, и разрядкой.

В подготовке к походу немалую помощь оказали нам флагманские специалисты, офицеры политотдела и штаба. Один из них капитан 2 ранга-инженер Иван Федорович Морозов хлопотал с таким энтузиазмом, будто сам был членом нашего экипажа. Секрет весь в том, что совсем недавно Морозов возглавлял электромеханическую боевую часть на нашем атомоходе. С самого рождения корабля, с того момента, когда сформировался экипаж, он руководил замечательным коллективом специалистов по управлению ядерным реактором, сложными системами энергетики и живучести атомной подводной лодки.

Как-то встретились мы в отсеке — он проверял укомплектованность энергетической установки запасными частями,— побеседовали.

— Откровенно говоря, очень хочется пойти в это плавание,— сказал Иван Федорович.— Когда наша лодка (он всегда говорил «наша») уходит в море даже не-

надолго, а я остаюсь на берегу, мне даже на душе нехорошо делается.— Подумав, решительно заявил: — Буду проситься, дойду до большого начальника. Поможете, а?

Мне тоже очень хотелось, чтобы Морозова послали в поход. Мы вместе прошли не одну тысячу миль, по-товарищески сблизились, достигли того уровня взаимопонимания, когда без лишних слов решаются самые сложные задачи. Главное же, конечно,— широкая техническая эрудиция и большой инженерный опыт Ивана Федоровича. Иметь такого человека на борту в трудном плавании — еще одна гарантия успеха. Нетрудно догадаться, сколь радостным было для меня известие о том, что Иван Федорович Морозов пойдет с нами в плавание.

У всех полно забот. Наш корабельный врач Борис Павлович отлично знает состояние здоровья каждого члена экипажа, тем не менее никому спуску не дает — всех направляет в поликлинику на всестороннее диспансерное обследование. На это уходит драгоценное время, и кое-кто склонен миновать того или иного специалиста.

— Уволь от стоматолога,— умоляет лейтенант Петр Харченко и показывает в ослепительной улыбке все свои тридцать два зуба.

— Не уволю! Не пойдешь к стоматологу — не допущу к походу!— Обычно мягкий, добродушный, Борис Павлович проявляет сейчас завидную твердость.

Я невольно улыбаюсь и советую Петру Харченко прислушаться к требованию непреклонного доктора. Вспомнился один из походов: мне пришлось ассистировать доктору при проведении полостной операции, когда лодка шла в подводном положении. После операции Борис Павлович признался:

— Жаловался мне матрос в базе, мол, живот чуть побаливает, а как в море идти — так все зажило. Тогда поверил, а сейчас, во время операции, не раз ругал себя за покладистость.

— Правильно, Борис Павлович,— поддерживаю его,— построже вы с нами. Море любит сильных и здоровых.

— И сытых,— добавляет он, улыбаясь.— Бегу в провизионку. Медконтроль и там нужен.

В хлопотах и напряженной работе незаметно пролетело время.

Как-то вечером в моем береговом кабинете собрались корабельные активисты — секретарь парторганизации Геннадий Мироненко, секретарь комсомольской организации Павел Киливник, члены бюро Ратмир Марочкин, Николай Прокопович и другие моряки. Речь шла об организации политико-воспитательной работы и социалистического соревнования в плавании. В разгар беседы в кабинет вошли офицеры из политотдела. С ними инспектор политуправления флота капитан 2 ранга Виктор Николаевич Харитонов, хорошо известный мне политработник.

— Иду с вами в плавание,— сказал он.— Вижу, разговор идет о том, что считать центром работы с людьми в плавании — подразделение или боевую походную смену. Ну и как порешили?

— А что тут нам решать?— заметил я.— Опыт подсказывает: смена — центр.

— Значит, все-таки смена, боевая смена, а не подразделение? — спросил Харитонов и выжидательно замолчал.

Я с недоумением взглянул на него: дескать, к чему дискуссия, вместе плавали, убедились на практике.

— Так-то оно так,— продолжал инспектор.— Но вот в документах пока еще говорится о подразделении, а не о боевой смене.

Мы помолчали. Потом Харитонов уверенно отрубил:

— Жизнь подскажет — будет и в документе записано как надо.

Беседа наша шла допоздна, а утром мы, старшие офицеры, узнали о дне выхода кораблей из базы.

Новая страница

На редкость холодная морозная погода установилась во всем Заполярье. Студеный ветер пронизывал насквозь, казалось, леденил душу. Полярная ночь вступила в свою силу. В полдень чуть забрезжит серый рассвет и снова сгустится темнота. Лишь снега, отражая сполохи северного сияния, дарят скупой свет, позволяющий ориентироваться и отличить дорогу от снежной целины.

Наша уютная бухта, всем на удивление, покрылась коркой льда. Ночью было слышно, как работяга-буксир с тугим хрустом разрушал эту корку, освобождая атомным кораблям дорогу в океан. С высоты ходового мостика подводной лодки видно, как темная поверхность воды с осколками льда лентой тянется вдаль, туда, где мигают то зеленым, то красным светом входные створные огни.

На мостике — мы втроем: командир, старпом и я. Наш командир капитан 2 ранга Лев Николаевич Столяров — опытный моряк. Он долго командовал дизельной подводной лодкой, затем был старпомом на атомной. Много плавал. Сейчас новый поход. Я вижу, он волнуется, поглядывает то в нос корабля, то в корму. На носовой надстройке и в корме видны шеренги матросов — это швартовые команды, они ждут приказания, чтобы убрать последние концы, выбранные с берега.

Среди провожающих на стенке — командующий флотом, члены Военного совета, офицеры политуправления и штаба. Они посматривают то на часы, то на наш мостик.

Несмотря на добротную меховую одежду, по спине пробегает холодок. «Это больше от волнения»,— подумалось мне, но я придвинулся ближе к рубочному люку, откуда струился теплый поток воздуха.

— Отдать носовой! — как-то особенно жестко, будто чужим голосом, приказывает командир.

Вздрогнул корпус, постепенно увеличивается расстояние до пирса. Винты, работая враздрай, гонят жутковато-черную, будто деготь, воду. Небольшие льдинки мелодично звенят, стукаясь о корпус подводной лодки.

Затягиваясь терпкой теплотой табачного дыма, я подумал: «Как не скоро мы увидим эти суровые, но милые сердцу родные края!»

Еще несколько часов на поверхности, а затем уйдем в глубины океана, с тем чтобы, преодолев огромное расстояние, вернуться на Родину с другой стороны планеты. Уходим на запад, а вернемся с востока... Как много сделано нашим народом, нашей партией, чтобы Военно-Морской Флот, как и все Вооруженные Силы, имел самую современную боевую технику, самое современное оружие!

Так сложилась моя флотская судьба, что в разных должностях мне посчастливилось служить и на надводных кораблях, и на подводных лодках. Начинал я службу на «Комсомольце», затем после училища попал на торпедные катера, а после этого служил на дизель-электрических подводных лодках. Это были отличные подводные корабли. Тем не менее научно-техническая революция властно сказала свое слово. На наших глазах шло коренное обновление флота. Мы видели, как в послевоенном строительстве кораблей стали учитываться новейшие достижения отечественной науки и техники.

Подводники особенно остро почувствовали это, когда овладели ядерной энергетикой. Атомный реактор, как источник энергии, произвел революцию в развитии подводных лодок. Могучая атомная энергия обеспечила высокие скорости движения, позволила решить многие бытовые проблемы, но самое главное — позволила отказаться от аккумуляторных батарей как единственного источника энергии для подводного хода. Теперь атомоходу нет необходимости всплывать на поверхность, чтобы зарядить аккумуляторную батарею; подводная лодка стала настоящим подводным кораблем!

Службой на атомоходах мы очень гордились. И видели в то время свою главную задачу в том, чтобы умело управлять могучей техникой, полностью использовать заложенные в ней огромные возможности. И мы учились... Учились в классах, кабинетах, на тренажерах, в отсеках лодки. Учились все — от командира корабля до кока. Затем мы учились плавать, плавать как можно дальше и дольше, приобретая практические навыки в морской, океанской службе. И научились!

В 1961 году газета «Известия» рассказала всему миру о буднях первой советской атомной подводной лодки, а в 1962 году атомоход «Ленинский комсомол», которым командовал капитан 2 ранга Л. Жильцов, пройдя под панцирем льдов Арктики, успешно достиг Северного полюса. Несколько позже весь мир узнал о том, что плавание подо льдами Северного полюса для советских атомных подводных лодок стало обычным делом — другие атомоходы без особого труда также достигали вершины Земли.

И вот настало время открыть новую страницу в истории освоения атомного подводного флота. Мы должны были совершить не одиночное плавание, а группой кораблей, не вблизи от родных берегов, а на большом удалении, в районах, где у нас нет, как, скажем, у американцев, военно-морских баз. Нам предстояло пройти огромное расстояние — через все климатические зоны нашей планеты, через два великих океана и множество морей!

Мало осуществить плавание. Нам надлежало проверить работу сложнейших установок, систем и механизмов в разных температурных режимах, обобщить многочисленные наблюдения за гидрологической обстановкой на пути движения. И самое главное — отработать взаимодействие, управление, тактические приемы.

Мне особенно запомнился семинар, или, точнее сказать групповое упражнение, которое провел с нами начальник штаба Северного флота вице-адмирал Г. М. Егоров. В тактическом кабинете были собраны все руководители перехода: командиры, замполиты, командиры боевых частей. Вопросы, вводные — самые неожиданные, но в то же время очень жизненные.

— Вы потеряли связь, что будете делать?— вопрос командиру.

— Ваши действия по уклонению от айсберга...— отвечать должен вахтенный офицер.

— Как будете снимать усталость, морально-психологическую перегрузку? — вопрос мне.

Но больше всего вопросов — командиру отряда контр-адмиралу А. И. Сорокину. Я поражался тому объему знаний, которым он должен был располагать...

— Ну что, покурим последний разок? — прервал мои раздумья командир. Он предложил мне сигарету, зябко поежился, потер руки. Под козырьком немного теплее, но все равно собачий холод.

Я возразил шуткой:

— В теплые края идем, эта мысль должна согревать, осталось-то еще часок, не более...

Говоря о пустяках, мы словно хотели отвлечься от главного, а невольно думалось: выдержим ли? Ведь мы — первые. Тогда я понял, что и командира одолевают примерно те же мысли, что и меня.

Как бы взвешивая наши возможности, бюджет духовных и физических сил людей, мы стали довольно придирчиво оценивать сильные и слабые стороны боевых частей и экипажа в целом. Помнится, в этом разговоре командир с удовлетворением отметил, что экипаж сплочен, слит воедино каким-то особым духом общности, и ему легко управлять таким коллективом.

Слушая командира, я невольно прикинул: сколько же миль с этим экипажем мы уже прошли? Сколько на борту наших коренных подводников-атомников? Большинство! И каждый второй — либо мастер военного дела, либо специалист высокого класса. Полнокровная партийная организация, активно работают комсомольцы.

Как в капле воды отражается мир, так в нашем экипаже отражаются жизнь и успехи нашего народа. Почти все — люди с высшим и средним образованием, представители семи национальностей несут вахту на боевых постах и отсеках.

— Что же получается с расстановкой актива? У нас в каждом отсеке есть коммунист? — полуспрашивая, полуутверждая, говорит командир.

Треть экипажа — коммунисты, а в каждом отсеке их несколько. Мне подумалось, что наш корабль в этом отношении не исключение, он такой же, как многие другие.

«Задраен верхний рубочный...»

Мы стали ощущать качку: корабль вышел в океан. Я спустился по трапу в центральный отсек. После леденящего холода особенно остро ощущаешь разлитое по отсекам атомохода тепло.

Здесь по-домашнему уютно. Яркий свет плафонов, теплое дыхание механизмов, их деловитый рокот и негромкое гудение, спокойствие и четкость в докладах вахтенных. Это все создает настроение уверенности и некоторой будничности. Мне было ясно, почему. Нашей подводной лодке в этом году пришлось много плавать, выполняя различные учебно-боевые задачи. Люди привыкли к морю. Но сейчас экипаж еще ничего не знал о тех необычайных задачах, которые нам пред-

стояло выполнить. По понятным соображениям мы не могли до поры сказать что-либо, кроме того, что пойдем в море далеко и надолго и что надо тщательно готовиться...

Частые каркающие сигналы ревуна возвестили о том, что начинается погружение.

— Задраен верхний рубочный люк! Боцман, погружаться на глубину...— скомандовал командир.

Раздался глухой шум — это забортная вода ворвалась в балластные цистерны. В отсеках наступила тишина. Короткие доклады. Легкое постукивание гидравлических машинок клапанов вентиляции, дифферент на нос. Заняли свои места в шахтах выдвижные устройства; развернут за ненадобностью трап, по которому в надводном положении моряки выходят наверх. Стрелка глубиномера ползет вверх, все глубже и глубже уходят под воду наши корабли. «Начинается наша подводная орбита!» — подумалось мне.

Долгий напряженный день завершился. В календаре перечеркнута одна цифра — первый день плавания. Он был настолько насыщен событиями, делами, что казалось, прошла целая вечность.

Подводная жизнь приобрела свой ритм, свой особенный, свойственный только подводникам, режим. В этот первый день нашей кругосветки я записал в дневнике: «Волнение и суета, связанные с подготовкой к плаванию, закончились только после погружения. Несмотря на неоднократные указания командования последние несколько дней перед выходом в океан больше отдыхать— это у нас не получилось. «Как можно отдыхать, когда идем в плавание?»— говорили подводники. Мы с благодарностью отмечали, что нам помогали в подготовке и другие экипажи и проявлена была трогательная забота со стороны интендантов».

С погружением провели радиомитинг. По трансляции выступил командир, разъяснил задачу. Зачитал обращение Главнокомандующего Военно-Морским Флотом. Моряки возбуждены — они только сейчас узнали цель похода и маршрут. В жилых отсеках вывешены карты мира, где дана разметка маршрута. Идут горячие споры, подводники размышляют, спрашивают.

«Вам предстоит пройти по океанам и морям, где более ста лет не ходили русские военные моряки»,— эти слова из обращения главкома глубоко взволновали экипаж, наполнили чувством гордости за оказанное доверие.

Мы знаем, какое большое внимание развитию атомного флота и нашему походу уделяет Военный совет Военно-Морского Флота. Вспоминаются совещания, которые проводил главком, приезжая к нам, его внимание ко всем, даже небольшим, проблемам. Ровная спокойная речь, терпеливое заслушивание командиров кораблей, политработников, командиров боевых частей, особенно электромеханических. Нас поражали осведомленность главкома, понимание наших вопросов, умение подсказать пути решения проблемы и здесь же дать указание Главному штабу, командованию флота.

— А что, мы вроде бы магелланы? — спрашивает турбинист Сергей Червоний.

Я смеюсь:

— Да, магелланы атомного флота, советские мореходы.

— Это ж сколько миль-то намотает лаг! — любопытствует турбинист.

— Тысяч двадцать, если не больше,— отвечает ему штурманский электрик Иван Анцулевич. Но говорит он несколько неуверенно, вопросительно смотрит на меня.

Я подтверждаю:

— Длина экватора сорок тысяч километров. Это почти двадцать две тысячи миль. Но не это главное. Нам предстоит и большая исследовательская работа. Необходимо проверить работу механизмов в различных условиях и режимах, обитаемость отсеков.

Я рассказал морякам о большой напряженной деятельности советского народа по выполнению пятилетнего плана, на цифрах и примерах проиллюстрировал заботу партии о благе народа, об укреплении обороноспособности страны. Особое место в моем рассказе заняла тема подготовки к предстоящему тогда XXIII съезду партии.

— Как вы думаете, если мы соцсоревнование начнем под девизом «XXIII съезду — наша отличная вахта, наша подводная орбита»? — спросил вахтенный инженер-механик второй боевой смены Мироненко.

— Хорошая мысль,— согласился я.

Именно такой девиз соревнования мы называли с командиром, когда думали о походе. Мне было очень приятно, что секретарь парторганизации нашего атомохода капитан-лейтенант-инженер Геннадий Михайлович Мироненко сам пришел к такой идее.

— Поговорите об этом на собрании боевой смены,— советую я ему.— Пусть люди сами все продумают, прочувствуют, взвесят...

К вечеру пришел ко мне в каюту Геннадий Михайлович. В руках он держал листок бумаги. Лицо секретаря озабоченно:

— Вот посмотрите, что получилось. Это принято на собрании смены.

Я взял в руки листок, но в нем трудно было что-либо разобрать. Он весь исписан, перечеркнут разными чернилами — видно, что над ним основательно поработали.

— Вы, пожалуйста, сами,— предложил я Геннадию Михайловичу.

Он смущенно улыбнулся и прочитал:

«...Все свои дела мы посвящаем родной партии, ее XXIII съезду. Каждый из нас обязуется высоко нести честь и достоинство советского моряка-подводника. Мы обязуемся:

проявлять высочайшую бдительность при несении ходовой вахты;

развернуть борьбу за секунды при выполнении боевых нормативов;

внести 15 рационализаторских предложений;

отработать взаимозаменяемость внутри команд;

освоить смежные специальности...»

В этот же день радиотрансляция возвестила по всему кораблю о почине второй боевой смены. Соревнование началось.

Подводные будни

Поход только начинался, впереди многие недели без солнца, без звезд, без дня и ночи, без голубизны неба и зелени трав...

Жизнь под водой определяется не сменой дня и ночи, а четким графиком вахт. Время бежит нетороп-

ливо. Улеглись волнения, связанные с началом плавания. Постепенно жизнь вошла в размеренный ритм. Дни стали очень похожи друг на друга. Вахты, занятия, учебные упражнения, отработка слаженности боевых постов и снова вахты...

Если бы вы спросили подводника, чем он занимается, находясь длительное время в прочном корпусе атомохода, он бы, наверное, ответил: «А ничем особенным — вахту несем, учимся, читаем, отдыхаем...»

Действительно, каждому подводнику, согласно боевому расписанию, определена вахта, обязанности. Таков порядок: все, что должен делать каждый член экипажа, записано в Корабельной организации. В этом документе, как в хорошей пьесе, каждому отведена своя роль. В нем с особой флотской предусмотрительностью определены обязанности каждого подводника при различных обстоятельствах, в которых может оказаться подводная лодка,— в бою, при приеме топлива, погрузке боеприпаса, по приборкам, занятиям; каждому матросу определены койка, рундук, бачок...— все продумано, расписано, узаконено.

Весь экипаж разделен на три самостоятельные боевые смены, которые обеспечивают ход корабля, его жизнедеятельность и боеготовность. В каждой смене свое руководство — вахтенный офицер, вахтенный инженер-механик, парторг, комсорг, агитаторы...

Теперь, под водой, жизнь на атомоходе пойдет строго по распорядку дня: вахта, отдых, учеба, тренировки, приборки, занятия... Это многоликая, но в то же время довольно однообразная жизнь. Она идет в спокойном русле, сначала действует умиротворяюще, радует спокойствием, затем начинает кого-то раздражать, у других порождает меланхолию, равнодушие, а у некоторых пессимизм...

Многое сделали наши кораблестроители, чтобы в тесном объеме герметичного отсека человек не очень чувствовал неестественность своего существования. Здесь обилие мягкого дневного света, уютные каюты, современные кондиционеры дают приятную прохладу или тепло. Даже окраска помещений, пультов, отсеков сделана на основе последних достижений науки — подобран такой колер, чтобы цвет способствовал активной работе, не утомлял глаз.

И все же мы знали, что это не заменит земных условий, к которым привык человек. Ну хотя бы, к примеру, общение с окружающей средой, не только биологической, но и социальной. Как только корабль отходит от берега, сразу сужается круг лиц, с кем имеет связь, контакты моряк. Также сокращается поток информации. Ведь телевидение, печать, радио, кино прочно вошли в наш быт. Они несут обилие информации, которая стала для нас жизненной потребностью, а ограничение этого потока сказывается на психике человека.

И мы, понимая это, стремились как-то компенсировать недостаток внешней информации ежедневными радиогазетами, постоянным общением с людьми, четко продуманной организацией работ, вахт, сна, отдыха. Особое внимание было уделено физической закалке моряков. Приходилось учитывать, что на подводной лодке, при всех ее сравнительно больших размерах, нет места для прогулок, и недостаток физической нагрузки будет сказываться. Поэтому были взяты на вооружение такие спортивные снаряды, как гантели, эспандеры, двухпудовые гири.

Физзарядка стала неотъемлемой частью распорядка дня. Кроме того, врач следил, чтобы каждый подводник регулярно принимал ультрафиолетовое облучение кварцевой лампой. По этому поводу наши шутники даже сочинили стихи:

Нет у нас разноцветных шезлонгов,
Ни к чему нам такая обуза:
Ярко светит подводное солнце,
Приходи, подставляй свое пузо!

Физкультура помогала сохранить форму. Надо заметить, что немало смекалки и изобретательности проявили в этом отношении и сами подводники.

В одном из отсеков я застал моряка, который почему-то рассыпал по палубе спички. Смотрю, он не собирает их сразу, а по одной складывает в коробочку.

— Это сразу пятьдесят два наклона,— поясняет моряк.— К тому же спички — дерево. Их понюхаешь — лесом пахнет, будто и легче становится. Курить вот бросил перед погружением. Мне почти каждую ночь снится, что курю. Просто наваждение какое-то,— сетует моряк.

Я сочувствую, но для порядка говорю о вреде куре-

ния, о лошади, которую убивает никотин одной сигареты. В то время на атомных подводных лодках не было курительного салона, поэтому с мечтой о сигарете мы расставались всем экипажем, как только над нами смыкались волны.

Забот у меня не убывает. С каждым днем подводная жизнь настойчиво требует решения различных проблем. Выяснилось, что не очень удачно продумана система оценочных баллов в социалистическом соревновании и ее надо дорабатывать, посоветоваться с партийным бюро. Надо усовершенствовать выпуск радиогазеты и, если возможно, рассказывать о морских обитателях, но главное — чем живет тот подзвездный мир, который мы оставили за поверхностью океана. Нужно подготовиться к докладу на партийном собрании, поговорить с командиром, секретарем партбюро. Агитаторам нужно дать новый материал, «подпитать» их цифрами, фактами...

Побывал на камбузе, побеседовал с коками. У них хороший ассортимент продуктов. Готовят вкусно. Моряки довольны. На коках лежит ответственная задача. Если что-то не ладится, скажем, у электрика, то это не всегда чувствуют другие члены экипажа, лишь бы был ход и свет. А вот если у коков что-то не так, это каждый сразу почувствует, едва сядет за стол. А ведь за стол садятся все по нескольку раз в сутки!

Политзанятия... Политинформации... Заботы... Вахты...

Обойти отсеки, повидаться с людьми. Как настроение экипажа, что волнует? Своевременно откликнуться на вопрос, отреагировать на негативное, дать ход новому, полезному.

Помогла ли критика?

Завершился очередной день нашего большого плавания. Вернувшись в каюту, я по привычке перечеркнул еще одну цифру в календаре — она была уже не однозначная. Разменяли вторую декаду. Сел в кресло и только теперь почувствовал, как сильно устал. Невольно подумалось: если бы каждый член экипажа имел, подобно мне, возможность несколько раз в день проходить по кораблю от носа до кормы и обратно, то, наверное, не

пришлось бы психологам говорить о «сенсорном голоде», который угрожает космонавтам, подводникам — людям, действующим в ограниченном объеме.

Чтобы знать настроение экипажа, надо постоянно бывать с людьми, присутствовать на тренировках, посещать боевые посты, камбуз, лазарет... Все это не только занимает немало времени, но и требует физической закалки. Дело в том, что на подводной лодке, которая разделена водонепроницаемыми переборками, не так-то просто пройти из одного отсека в другой. Надо поднять тугой рычаг кремальерного затвора, нажать на ручку защелки, осторожно придерживая массивную стальную дверь, с определенной ловкостью нырнуть в люк. После этого плотно и надежно дверь закрыть. А дверей-то не одна! К исходу дня чувствуешь, как наливаются мышцы тяжестью.

Каждые сутки я стараюсь сделать краткую запись своих впечатлений: поход ведь необычный, много из того, что происходит сейчас на атомоходе, наши наблюдения за работой техники, за поведением людей — все это станет материалом для глубокого анализа, пригодится для тех, кто потом пойдет подобной дорогой. Мы на этом пути первые, но, естественно, не последние.

Только сел я подводить итог дня и делать записи в дневник, как ко мне пришел турбинист второй боевой смены Сергей Червоний.

— Что у вас? — спрашиваю, хотя догадываюсь, что его привело ко мне.

Только что закончилась передача радиогазеты, в которой прозвучал довольно едкий фельетон о «позабытом, позаброшенном» масляном насосе, который находился в его, Червония, заведовании. При очередной проверке на масляном насосе была обнаружена пыль, медяшки потускнели, чувствовалось, что рука Червония к нему давненько не прикасалась.

«Позабыт, позаброшен с молодых, юных лет» — на мотив известной песни беспризорников двадцатых годов пел насос в этом фельетоне и жаловался на свою сиротскую судьбу. Конечно, не мог Червоний этого не слышать, а если сам не услышал, то ему уж наверняка все рассказали в деталях и с интонациями.

— Так что же случилось, товарищ Червоний? — спрашиваю я, стремясь дать разрядку молчанию, которое становилось тягостным.

Он быстро заговорил, загорячился:

— Опозорили по всему кораблю! За весь поход замечаний даже вот такусеньких нэ було.— Показал он на ноготь мизинца, сбиваясь с русского на украинский язык.

Я ждал: пусть выговорится — легче станет. Но он и сам замолчал, его, видимо, насторожило, что я не возражаю.

— Фельетон правильный. Вы не первый год служите, знаете традицию подводников и крылатую поговорку: «Техника любит ласку, чистоту и смазку». Всей боевой смене баллы сброшены из-за вашего «позабытого».

Убеждать и утешать Червония больше не пришлось. Он ушел, а я был уверен, что моряк отправился в отсек, где будет работать с тройным усердием, чтобы вернуть доброе имя. Самолюбивый парень. Для него этот фельетон сильнее дисциплинарного взыскания.

Я вспомнил, как два года назад обратил на него внимание.

Был хмурый осенний день. В Заполярье осень приходит рано. Выстроенные в одну шеренгу, молодые матросы, прибывшие из учебного отряда, зябко поеживались. Около каждого — вещевой мешок, рабочие ботинки, добросовестно стоптанные на строевых занятиях в учебном отряде. Все будто бы одинаковые, незнакомые. Только лица разные и глаза...

Еще будучи замполитом на дизельных подводных лодках, я старался обязательно бывать на приеме молодого пополнения. Ему я придавал особое значение: с первого знакомства и впечатления начинаются совместная работа, сложная жизнь подводников, с этого момента берут свое начало процесс воспитания будущих «покорителей глубин океанов», формирование у них тех специфических качеств, которыми должны обладать военные люди, моряки-подводники. Смотришь на них, на будущих членов экипажа, и стремишься угадать, с чем он идет к нам. Будет ли он помощником в сложном и многогранном процессе, который называется службой, или пойдет трудной дорогой ломки граж-

данских привычек, с недоверием и трудом воспринимая подводную службу с ее спецификой. Разные люди, разные глаза, выражающие свое, особенное: тревогу, озабоченность, настороженность, насмешку, уважение... и многое сложное, непередаваемое. Одни смотрят прямо в лицо, другие куда-то мимо...

Не знаю, чем, но одни, темно-карие, привлекли внимание. Я остановился. Они смотрели как-то особенно доверчиво. Мне захотелось заговорить с парнем. Не успел я задать вопрос, как он тут же:

— Матрос Червоний, ученик-турбинист...

Меня поразила эта готовность. Я подумал: «Этот парень будет заметный».

Он действительно был заметным. Нет, не своими выдающимися способностями, не особым каким-то талантом. Его «заметность» была, если так можно выразиться, в неугомонности, в активности, в стремлении сделать что-то важное, значительное. Одних это настораживало: «Лезет везде, все ему надо — выслуживается...» Другие принимали его таким, как он есть: «Старательный, любит корабль, за коллектив готов в огонь и в воду...»

Первый год на лодке для него был трудным. Командир турбинной группы лейтенант Петр Харченко отнесся к нему настороженно: «Говорлив больно, за все хватается, а на самостоятельное управление боевым постом еще не сдал».

Однако время шло, и мнение о Сергее Червонии менялось. «Звезд с неба не хватает, а уж если взялся за дело, то можно не проверять — сделает как надо». «Серьезный парень...» — говорилось о нем на комсомольском собрании перед походом.

Во время бесед с матросом вырисовывалась его жизнь до призыва. Воспитывался Сергей на Украине в селе Грушка Кировоградской области. Семья большая. Отец Порфирий Михайлович не работник: без руки и слепой совсем — таким с войны пришел. Мать Ольга Давыдовна тоже хворая. Вот и помогал Сергей, самый старший в семье, по хозяйству. Пришлось везде успевать: и в школе, и дома. Работы уйма!

С началом нашего кругосветного плавания он всячески стремился принести своей смене дополнительные

очки в соревновании. Не без улыбки вспоминаю его усердие. Как-то Червоний пришел ко мне в каюту.

— Вот, на конкурс стихи...— застенчиво краснея, сказал он.— Как, добавится балл нашей смене?

Я прочитал стихи. Они были весьма посредственные, но не хотелось его огорчать, и я сослался на жюри: дескать, оно рассмотрит в конце первого этапа плавания.

На другой день он принес рационализаторское предложение:

— А теперь как, добавят?

— И теперь не знаю,— ответил я,— этим вопросом займется инженер-механик.

Предложение его тоже не было оригинальным.

Вот так, видимо, борясь за честь мундира смены, он и забыл про свое заведование, масляный насос. Я представил, сколько горьких минут пережил Сергей Червоний!

На другой день во время обхода корабля, я решил побеседовать с командиром отделения турбинистов старшиной 2-й статьи Александром Смагиным. Фельетон о подчиненном он тоже, наверное, принял без восторга...

— Вот посмотрите, прошу вас. У меня порядок. Насос...— будто только того и ждал, когда я приду, заговорил Червоний, едва я вошел в турбинный отсек.

Рядом с Червонием стоял Смагин. «Проработка состоялась,— подумал я.— Червоний вон до сих пор красный!»

— Ну и как,— обратился я к Смагину,— можно давать заметку «Критика помогла»?

— Можно,— ответил Смагин, с укоризной глядя на Червония.

Петр Харченко — командир турбинной группы

Команда турбинистов — это труженики горячего цеха. Они славились у нас дружбой. И в этом была большая заслуга их командира Петра Харченко.

Вспоминаю начало его службы. Молодой лейтенант еще не прибыл к нам, но мы уже были о нем наслышаны. Как-то пригласил меня к себе заместитель командира по политчасти Иван Иванович и говорит:

— К вам на лодку прибывает молодой офицер. Присмотритесь к нему. Дело не в том, что он усатый и с бакенбардами,— Иван Иванович усмехнулся,— хотя я давненько таких гусаров не видал. На теплоходе я его приметил, когда возвращался с женой из отпуска. Он вел себя не вполне прилично.

Вернувшись, я попросил принести мне личное дело Харченко. Через несколько минут я рассматривал в в красных корочках новенькое личное дело. «Лейтенант-инженер Харченко Петр Федорович»,— читал я внимательно. Учился средне. Мать, отец — колхозники. Набор избитых терминов: «усидчив, уставы знает, морские качества хорошие...» Словом, ничего особенного. Типичная аттестация. Смотрю внимательно на фотографию. Усы не были такими вызывающими, как мне представили. Мои раздумья прервал стук в дверь. Лейтенант Харченко вошел смело строевым шагом. Представился. Я с любопытством рассматривал его. Высокого роста. Усы казацкие, саблями. Небольшие бакенбарды. Хорошо отутюженные брюки, белизной сверкает рубашка. Из-под фуражки выбилась прядь русых волос. Тщательно выбрит.

Я предложил ему сесть, а сам внимательно наблюдал, как он держится. Когда я задал ему вопрос: «Как добрались?»— он опустил голову и долго молчал, чувствуя, что вопрос мной задан неспроста...

Беседа приоткрыла в характере лейтенанта немногое. Скоро Харченко сам проявил себя. Он не очень-то робел перед авторитетами старых подводников, довольно резко ответил одному из уважаемых на корабле инженеру Петру Смирнову, когда тот пытался что-то подсказать ему. Дескать, нечего меня поучать, сам знаю.

Был и такой случай. Харченко повздорил с дежурным по кораблю. Дежурный не знал, что турбинисты работали ночью и, увидев спящих матросов после подъема, приказал дневальному всех поднять. Турбинисты поднялись, убрали койки и сидели сонные, сердитые, ожидая, когда начальство разберется в несправедливости.

Харченко еще и не ложился, когда услышал шум в кубрике. Он выскочил из каюты и, не стесняясь в выражениях, высказал дежурному много оскорбительных

слов. В ответ на это дежурный написал жалобу. Пришлось разбираться. Словом, опять лейтенант стал предметом обсуждения.

И все же я с симпатией относился к Харченко, потому что видел его старательность. Команда турбинистов оставалась одной из лучших в экипаже, а случай с дежурным показал и другую сторону — заботу офицера о своих подчиненных. Тем не менее партбюро все же заслушало лейтенанта.

После этого заседания бюро Харченко как-то сник, видно, затаил обиду, но больше не ссорился с офицерами. Он много времени проводил в турбинном отсеке и с личным составом в команде.

Видя это, я не торопился вмешиваться. Мне хотелось, чтобы он как следует наладил отношения со старшинами.

В техническом отношении Харченко был подготовлен хорошо, поэтому просить помощи у старшин стеснялся. А сам нередко попадал впросак, что вызывало усмешку у старшин. Со временем молодой лейтенант-инженер понял свои ошибки. Но становление проходило трудно. Пять с лишним лет постигал Харченко премудрость инженерного расчета и боевого использования механизмов. Долго еще он познавал «сопромат» человеческих характеров и «механику» людских душ. И познал. Теперь в походе, встречаясь с ним, я с большой теплотой думал, что не ошиблись мы в нем, увидев за внешними, порой не очень приятными проявлениями главные черты его характера — любовь к службе и высокую ответственность за дело, которому мы служим.

Ка-то на досуге мы с ним разговорились о судьбах людских. Он с улыбкой рассказывал:

— Готовился я когда-то на надводные корабли, а попал на нашу лодку. Прикинул: тоже неплохо — техника новая, экипаж сплаванный, легко будет!

Вскинув на меня глаза, задумчиво поглаживая свои казацкие усы, он с улыбкой сказал:

— Было нелегко. Здорово меня взяли в оборот. А уж заседание партбюро, так, наверное, на всю жизнь запомнится! Знаете, я иногда думаю о том времени и на ум приходит мысль, что тогда я был каким-то ино-

родным телом по отношению к экипажу и экипаж меня обратил в свою частицу, как бы освоил, переварил...

Я согласился. Разве это не так?

Говорит Москва

Лаг отсчитывает мили, уже много дней перечеркнуто в моем календаре. По графику сеанс связи. Во время него мы принимаем радиограммы из штаба флота и, если понадобится, докладываем о делах. Эти моменты я использую для того, чтобы послушать радио, записать на магнитную пленку последние известия, а потом во время обеда или ужина рассказать о них экипажу. Я спешу в радиорубку.

Здесь не очень-то развернешься. Человек будто сжат со всех сторон приборами. Впрочем, радисты не замечают этого и со сноровкой привычных к тесноте людей делают свое дело. У каждого из них, как и у всех на подводной лодке, свое заведование, свои обязанности и заботы. А в целом радиорубка — их коллективный, или, как считается на кораблях, групповой боевой пост. Особенно мне запомнилась «троица».

Русский Александр Гусаков, литовец Римгаутас Гирчус, абхазец Анатолий Герия — три «Г». Сейчас они все в радиорубке, каждый на своем посту, готовятся к очень важному для нас сеансу радиосвязи. Не спеша, молча, как будто в задумчивости, вращает тумблеры, настраивает контуры мичман Гусаков. Римгаутас Гирчус заранее надел головные телефоны и готовится к работе на передачу.

Гирчус атлетического сложения. Его серые глаза, спрятанные под развитыми надбровными дугами, всегда серьезны. Немногословность и грузность придают моряку особую внушительность. Видимо, поэтому Гирчуса в шутку назвали «грандиозус». Его большие и сильные руки созданы будто для кузнечного дела. Но работает он на ключе, как пианист,— виртуозно, легко выполняя нормативы радиста первого класса. А как преображается суровое лицо этого моряка, когда он смеется! Ясная, несколько застенчивая улыбка делает лицо светлым, приветливым. В этой улыбке весь Римгаутас Гирчус с его добротой, честностью, скромностью.

Осторожно, чтобы не мешать радистам, я пробира-

юсь на приготовленное место и надеваю телефоны. В меня будто врывается целый мир, переполненный звуками музыки, тресками разрядов, писком морзянки. Я вращаю ручку настройки, ищу Москву, хочу поймать родной наш «Маяк». Слышно плохо. Невольно мелькает тревожная мысль: пройдет ли наше донесение? Но тут же сосредоточиваюсь. Передается сообщение ТАСС. На Венеру доставлен советский вымпел. Новая победа нашей замечательной науки и техники. Почти все газеты мира уделили этому событию большое внимание.

В Москве закончил работу пленум Союза советских композиторов.

Мурманская область удостоена высокой награды. Ей вручен орден Ленина...

Жизнь родной страны, такой далекой от нас, находящихся в глубинах океана, идет своим чередом.

Стоп! Вот сообщение, которое представляет интерес. Не раз мне задавали вопрос: нашли или нет американцы свои ядерные бомбы, потерянные в январе 1966 года у испанской деревни Паломарес? Как известно, в те годы поборники «холодной войны» всячески пытались запугать народы ядерной мощью США. Вот и доигрались. Один из самолетов В-52 во время заправки взорвался. В ясном небе вспыхнула молния. Четыре бомбы упали с развалившегося на части самолета. Одна из них скрылась в водах Средиземного моря. Общественное мнение протестовало. Собрался Совет Безопасности. Решался вопрос о посылке комиссии в Испанию. Найти одну из бомб не удавалось.

Никто тогда не знал, что только в апреле, почти через три месяца, 20-мегатонное чудовище, длиной около трех с половиной метров, будет доставлено в испанский порт Гарруга на подводной лодке «Петрел», эскортируемой одиннадцатью военными кораблями.

Но вот постепенно исчез голос диктора. В телефонах шипение. Тишина. Сеанс связи окончен. Снял наушники. Вижу, Гусаков посвистывает, просматривает перфоленту.

— Радио передано, квитанция получена,— говорит Герия, не обращаясь ни к кому, а я понимаю: он делится радостью, успехом своей работы, своих товарищей.

Мне знакомо это чувство, и я, заражаясь атмосферой хорошо сделанного дела, спешу в центральный отсек. Короткое общение с внешним миром внесло и сюда оживление. Рассказав командиру о новостях планеты, думаю: «Теперь опять надолго хватит в отсеках разговоров о советских межпланетных станциях, о больших успехах нашей экономики, науки и техники. Новый заряд бодрости внесет этот контакт с внешним миром. Естественно, порадует подводников и тот факт, что теперь, получив наше донесение, там, на Родине, знают: у нас все в порядке!»

Атомоход идет на глубине. Теперь только акустики прослушивают то, что делается на поверхности океана.

Вчера над нами «прошлепал» винтами какой-то сухогруз или танкер. Это было несколько необычно. Вот уже несколько суток акустики пишут в журнал: «Горизонт чист». Более недели они не слышали ничего, кроме мелодичного посвиста дельфинов да какого-то металлического скрежета неизвестного подводного обитателя. Мы ушли в сторону от международных морских дорог.

Глубокая ночь. Мы в кают-компании, то есть в отсеке. Начальник радиотехнической службы Николай Сергеевич Верховых и я отстояли трудную вахту, которая в обиходе называется «собака». Это вахта с нуля до четырех. Добрые люди спят блаженно, видят сны, а на флоте в это время кто-то правит службу. У меня уже прошло желание спать, я решил заняться своими дневниковыми записями. Настолько привык к этому, что испытываю укоры совести, когда не сделаю несколько заметок о прожитом дне.

Николай Сергеевич стоял «собаку» вахтенным офицером. Это ответственное дело. Вахтенный офицер руководит всем личным составом смены, отвечает за несение вахты каждым подводником, он обязан четко знать, кто на каком боевом посту стоит, на что способен, какова степень его обученности.

Сейчас он сидит молча, насупившись, старательно начисто заполняет вахтенный журнал — это должен делать каждый вахтенный офицер после смены. Мне кажется, не случайно он пришел именно сюда, в кают-компанию: мог бы заполнять журнал и в своей каюте

или в одной из рубок, скажем, в рубке радиометриста (под водой там вахта не несется), но он пришел сюда. Видимо, хотел разрядить обстановку. Я делал вид, что занят своим делом: заполнял дневник, увлекся, вроде бы и позабыл обо всем.

Прошедший день был каким-то суматошным. Сплошные неудачи. Будто мешок с неприятностями развязался, и они как из рога изобилия посыпались одна за другой. Началось это еще утром. Помощник командира грубо, бестактно накричал на коков. Сгорели булочки, которые пеклись ночным коком к завтраку. Конечно, это халатность, это плохо, но зачем же повышать голос? Мне пришлось вмешаться. Он обиделся. «Когда проявишь требовательность — плохо, а на прошлом партсобрании сами же говорили...» Без долгих рассуждений я довольно резко сказал помощнику, что он не молодой лейтенант и должен прекрасно понимать, что нет ничего общего между грубостью и требовательностью.

Не успели мы позавтракать, как услышали сигнал ревуна: он означал сброс аварийной защиты реактора. Позже выяснилось, что все в порядке. А сигнал был ложный. Прозвучал он по вине инженера, который, ремонтируя приборы, неосторожно тронул не тот контакт.

В довершение ко всем бедам что-то беспокоило радистов, что очень расстраивало Верховых. Гусаков смотрел описание какого-то прибора. Командир терпеливо ждал. Наконец и его терпение лопнуло. Он подозвал Верховых и негромко о чем-то с ним поговорил. По тому, как покраснело лицо Николая Сергеевича, было нетрудно догадаться, о чем шел разговор. Надо сказать, что Верховых обладал явно выраженным холерическим типом нервной системы. Он моментально вспыхивал по любому, даже пустяковому поводу. На критику он реагировал болезненно. Но к делу относился всегда с большой ответственностью и очень переживал, если в подчиненной ему службе что-то не клеилось. После того как радисты послали сигнал, они ждут подтверждения, что его приняли на берегу. В обиходе это называют «получить квитанцию». Получили квитанцию, значит, все в порядке, радисты сработали добротно. Нет квитанции — что-то не так.

Вот и тогда мы дольше обычного ждали квитанцию. Поэтому Верховых нервничал, он ходил от одной рубки

к другой, хмурился, потирал лоб. В это время появился в центральном посту лейтенант Марочкин. Я знал, зачем он пришел. Он выполнял мое указание: в очередной сеанс связи записать последние известия. Как редактор радиогазеты, он охотно это делал, имея возможность пообщаться с внешним миром, послушать, что принесет радиоволна с Родины.

Я показал жестом Марочкину, чтобы он делал то, ради чего пришел. Тот подошел к окну рубки, просунул в него голову. В это время на него коршуном налетел Верховых. Он взял Марочкина за руку и потянул его от окна. Марочкин, с трудом убрав голову из окошечка, недоуменно посмотрел на Николая Сергеевича. Выслушав раздраженную речь и видя необычный вид Верховых, он обиженно отдернул руку и бросил взгляд в мою сторону. Я не мог это пропустить, отозвал Верховых в сторону и негромко, но очень серьезно его отчитал. Позднее я объявил ему взыскание — выговор за бестактность к младшим, имея в виду Марочкина, и к старшим, имея в виду себя.

Николай Сергеевич пришел к нам с дизельной лодки. Умелый методист, он добился хороших результатов в воспитании личного состава своей службы, которая была одна из самых сложных: в нее входили акустики, радиометристы, радисты. Как говорят, глаза и уши подводной лодки. Все команды у него были отличными, и вся радиотехническая служба по итогам года стала отличной. Акустики имели репутацию лучших на соединении. Радисты неоднократно завоевывали призы в состязаниях на первенство. Радиометристы тоже были впереди. Моряки, его подчиненные, всегда были обеспечены обмундированием, каждый знал, когда ему заступать в наряд, чья очередь чистить картошку. Словом, в большом и малом в его подразделении был порядок.

Да, командир он способный, но характер у него был «взрывной». Он — человек настроения. Временами Верховых — добрый, приветливый и даже застенчиво кроткий человек. Но случаются минуты, подобные той, когда он утром во время сеанса связи разрядился на Марочкина.

Сейчас, сидя в кают-компании, я посматривал на него. «Теперь-то ты, голубчик, остыл»,— подумал я.

А Верховых словно ждал, когда я стану складывать свои тетрадки.

Он подошел к холодильнику:

— Может, салом с чесночком побалуемся? Все равно не на ночь,— предложил он.

Я не мог отказаться. Понимал: ему не сало нужно, а повод, чтобы завязать разговор. Охотно приняв бутерброд с салом, я предложил:

— А как насчет кофейку?

Верховых быстро разыскал в буфете кофе, сахар. Кают-компания наполнилась ароматом кофе. Когда мы закончили наш поздний ужин, Николай Сергеевич негромко и со смущением заговорил наконец о том, чего я от него ждал.

— Вы извините за мою утреннюю бестактность, так нехорошо получилось. Я сожалею и прошу извинить. Перед Марочкиным я уже извинился...

Я помолчал, сделал небольшую выдержку и сказал:

— Раз вы прочувствовали свою неправоту, выговор, который я объявил вам утром, снимаю. Но думаю, что главную роль сыграл не выговор, а ваша совесть. Не так ли?

Верховых вздохнул:

— Конечно, совесть!

Его величество Нептун

Несколько дней назад командир объявил экипажу, что наш атомоход пересек Северный тропик. Это вызвало немалое оживление. Повысился интерес к карте, на которой отмечали маршрут плавания. Большинство обычно связывало понятие «тропик» с чем-то непременно африканским: пальмами, джунглями, палящим солнцем, синью высокого неба... Но теперь, по правде говоря, все это представлялось весьма и весьма абстрактно, хотя мы уже и находились в тропиках. Трудно было перенести себя, хотя бы и мысленно, из корпуса атомохода в африканские джунгли. Тем более что микроклимат в отсеках был отрегулирован на славу. Кондиционеры работали надежно, подавая прохладный воздух.

И все же о тропиках мы имели точные данные. Несмотря на довольно солидную толщу воды над кораблем, термометры показывали, что за бортом теплее, чем на сочинских пляжах, в самое жаркое время года.

— Наверное, у нас найдутся желающие искупаться в тропиках,— сказал командир.— Надо подготовить душевые,— отдал он распоряжение инженер-механику.

Энтузиастов попасть под забортную струю набралось немало — пришлось установить очередность. Душевые заработали на полную мощность.

— Пусть купаются, забортной воды не жалко, здесь нечего экономить,— добродушно приговаривал командир электромеханической боевой части.

Это, пожалуй, единственный случай, когда наши инженер-механики не поскупились на воду. Обычно же от них исходит жесткая требовательность по режиму экономии воды, электроэнергии, моторесурса. Конечно, ядерная энергетика по-новому решила многие проблемы обитаемости. Теперь, скажем, уж нет той суровой необходимости в сбережении каждого литра пресной воды, какая была на дизельных подводных лодках. Однако железный закон моря — иметь резерв на непредвиденный случай — остается в силе. Весьма строгим и беспощадным учителем был много веков для человека океан, и его уроки забывать нельзя.

Не удержался от соблазна встать под струю «натуральной», забортной, воды и я. Надо было видеть моряков в эти минуты! Они весело переговаривались, смеялись, дурачились, подставляя под тропическую воду лицо, фыркая, ловили губами солоновато-горькие капли.

Приняв душ и приладив к синей спецовке новый белый воротничок, я поспешил в центральный пост: подходило время встречи Нептуна. Ведь праздник пересечения экватора — это встреча с Нептуном. И надо сделать все для того, чтобы у каждого подводника навсегда остался в памяти этот примечательный факт в биографии, которым так гордятся моряки.

Готовились мы к празднику основательно, ибо и шутливый ритуал несет немалый эмоциональный заряд, а значит, способствует снятию психологических нагрузок, без которых не обходится долгое и трудное пла-

вание. Мы старались все предусмотреть: кого включить в свиту Нептуна, как поэффектнее организовать его шествие по кораблю. Был даже разработан сценарий: кому и что Нептун должен сказать, в каком порядке он будет вручать грамоты. Кстати, еще когда мы шли вблизи Полярного круга, по кораблю был объявлен конкурс на лучший текст грамоты.

Вот уже несколько дней подряд, собравшись после вахты в кают-компании, группа активистов во главе с секретарем комсомольского бюро Павлом Киливником горячо обсуждала все детали предстоящего праздника. Кажется, обо всем договорились, только один вопрос — кто же возьмет на себя роль Нептуна — оставался открытым. Наверное, каждый из них хотел бы быть в роли главного героя.

После всестороннего обсуждения выбор пал на Петра Смирнова. Старейший член экипажа, капитан-лейтенант Петр Смирнов пользовался большим авторитетом и всеобщей симпатией на подводной лодке. И не только потому, что имел специальность, которая на атомоходе особенно уважаема (он был инженером-управленцем), но прежде всего потому, что обладал отменными душевными качествами, умением расположить к себе человека, найти путь к его сердцу.

На роль Нептуна Петр Смирнов подходил и внешностью. Рослый, крупный, он сохранил румянец, несмотря на длительное пребывание под водой. Курносый широкий нос, голубые глаза, приветливая улыбка делали его лицо обаятельным.

Состав свиты владыки океанов определялся фантазией устроителей праздника. На сей раз свита сложилась быстро: Виночерпий (какой же Нептун без виночерпия!), Пережиток — образ хулигана и любителя табачного зелья, Фальсификатор и Очковтиратель — темные носители старого, отмирающего, всего, что отправляется на морское дно к Нептуну. Русалка, пожалуй, была единственным светлым исключением в этой компании. Кстати, пока никто не знал, на кого пал жребий играть принцессу подводного царства.

Первыми об этом узнали подводники, несущие вахту в центральном посту. Командир корабля, посмотрев на часы, обратился к капитан-лейтенанту Петру Омельченко:

— Штурман, ваше слово.

Штурман сообщил по трансляции о том, что настал заветный момент, когда наш атомоход пересекает экватор. После слов штурмана в отсеках на какой-то момент воцарилась тишина. Ее нарушил доклад акустика о том, что он слышит какой-то непонятный шум, звуки марша и пение. «Очевидно,— закончил доклад акустик,— к нам приближается царь Нептун».

Мы с командиром переглянулись. Он кивнул на микрофон, дескать, действуй! Я объявил по кораблю, что к нам на борт пожаловал царь морей и океанов Нептун. Дружным «Ура!» ответили моряки, они с нетерпением ждали этого момента.

На подводной лодке все начинается с центрального поста. Это главный командный пункт, мозг корабля, здесь вершится судьба любой задачи, которую решает экипаж. Вот почему Нептун со свитой прибыл прежде всего в центральный пост. Вид морского царя величественно-важный. Роскошная седая борода, косматые брови. Голову украшает блестящая корона. В руках трезубец — символ державной океанской власти. Плащ, на котором изображены морские чудовища, поддерживают живописные слуги — негритосы. Удивила всех Русалка.

— Вот это да! — послышался возглас из штурманской рубки.

— Хороша чертовка! — с восхищением заметил командир.

В стройной, изящной фигуре Русалки мы с трудом угадали главного старшину Владимира Новикова. Длинные волосы, аккуратно подхваченные яркой лентой, чуть подкрашены губы, кокетливые взгляды — настоящая Русалка!

Нептун между тем басовито запел свой гимн:

— Я, царь морей! И всех зверей, и кораблей!
— Ты царь морей, ты царь зверей
и кораблей, и кораблей! —

подхватила под аккомпанемент аккордеона свита владыки.

— Я, властелин морских богатств,
Пришел поздравить, друзья, вас!..

Словно по команде пение прекратилось, и воцарилась тишина.

— Здорово отработано!— заметил кто-то с восторгом.

Нептун опалил его суровым взглядом,— дескать, помолчи! — и обратился к командиру:

— Чьи вы, люди, будете? Куда путь держите? Ответствуй, служивый!

Смотрю: Лев Николаевич, командир наш, смутился. Ситуация необычная: от командира (от самого командира!) требуют ответа, да еще столь строго и властно. Но он быстро нашелся и с достоинством доложил, что мы люди советские, мореходы известные, выполняем наказ Родины, по воле партии Ленина совершаем плавание подводное, кругосветное...

Величественно кивнув головой и похвалив командира за бодрый рапорт, Нептун не без ехидства заметил:

— Что-то от тебя, служивый, дымком попахивает, не балуешься ли зельем дьявольским?

Лев Николаевич опять смутился, видно, не ожидал он этого каверзного вопроса.

— Каюсь, грешен, владыка. Вчера у компрессора пару затяжек сделал,— покаянно признался он под общий хохот.

Так началось торжественное шествие Нептуна по отсекам атомохода. Хлебом и солью встречали подводники морского царя. В свою очередь владыка вручал каждому подводнику почетный диплом — свидетельство о переходе экватора.

— Вот, получил аттестат зрелости,— подняв над головой диплом, с восторгом сказал турбинист Александр Смагин.

Оно и действительно так: наше долгое и трудное плавание — это серьезный экзамен на зрелость, духовную и техническую, моральную и психологическую.

Из отсека в отсек степенно шествует Нептун со свитой. Обычно праздник заканчивается всеобщей купелью. Но это возможно лишь на надводном корабле. На подводной лодке — замкнутый объем, здесь строгий режим влажности, химического состава воздуха, в целом обитаемости. Но без купели же нельзя! Вот и ухитряются спутники морского царя: кому полстакана мор-

ской воды за воротник, кому нальют из чайника тихонечко в карман спецовки.

А Нептун серьезно и въедливо ведет разговор, требует ответа на вопросы, которые порой ставят иных в тупик.

— А где это ты, любезный, таким словам пакостным научился, которыми уста нередко оскверняешь? — задал он вопрос любителю крепкого словца.

— Не из-за тебя ли, служивый, всей боевой смене очки по итогам соревнования сброшены? — спрашивает другого.

— А научился ли ты картошку чистить, как коки требуют? — вопрос третьему.

И все это — с вполне определенным прицелом...

Обойдя весь атомоход, Нептун вернулся в центральный пост и произнес прощальную речь:

— Я пропускаю через экватор экипаж доблестный с кораблем вашим атомным. Плывите, други, в полушарие Южное! Буду рад снова встретить вас на экваторе, в океане Великом, чтобы пожать ваши руки крепкие!

И, как старый подводник, владыка пожелал нам, чтобы всегда число погружений было равно числу всплытий.

За праздничным ужином шел оживленный обмен впечатлениями от памятного ритуала. Повторяли остроты Нептуна, вспоминали проделки свиты. Все сходились на том, что этот день никогда не забудется.

Испытанное средство

Сигнал учебно-аварийной тревоги прозвучал неожиданно. Соскочив с койки, я взглянул на часы и понял: сейчас вахта командира, и он решил воплотить в жизнь «испытанное средство», о котором мы условились заранее. Звонки гремят: длинный, короткие. «Аварийная тревога, пробоина в первом отсеке!» — дублирует сигнал голос вахтенного офицера. Но звучит этот голос лениво, буднично, будто со сна...

«Как одной интонацией голоса можно испортить дело: снять нужный настрой,— с досадой подумал я.— Надо на разборе как следует вразумить дежурного».

В «аварийном» отсеке оживленно и людно. Впереди я увидел Геннадия Михайловича Мироненко. Он внимательно следил за всем, что здесь происходит, и, хмурясь, делал пометки в записной книжке.

Наблюдая за действиями личного состава, я посматривал на Мироненко. Секретарь нашей партийной организации обладал привлекательной внешностью. Хорошо сложен, высокого роста, крупная голова, широкие плечи, большие сильные руки — все это сразу создавало впечатление, что перед вами спортсмен. Он действительно был отличным баскетболистом и в соревнованиях не раз выручал команду нашей лодки, спасая, казалось бы, от неминуемого поражения. Здороваясь с ним, вы не чувствовали большую силу его руки, но этой рукой он мог без особого труда отдать гайку на прикипевшем фланце, которую никак не могли стронуть с места его подчиненные. Светло-серые глаза, родинка на переносице придавали его лицу какую-то кротость и обаяние. Его отличало умение полностью отдаться интересам дела, коллектива, службы. Весь экипаж атомохода, его успехи и неудачи — все это было неотделимо от его жизни.

Геннадий Михайлович Мироненко избран секретарем первичной партийной организации нашего подводного атомохода — это его общественная работа. А в первый отсек он сегодня пришел потому, что должность командира дивизиона живучести обязывает его заниматься подготовкой экипажа к борьбе с водой, паром, пожарами, которые весьма опасны для любого корабля, а для атомной подводной лодки особенно. В его ведении все: водоотливные насосы, помпы, общекорабельные системы погружения, всплытия, огромное хозяйство, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность экипажа, кондиционеры, дающие приятную прохладу, система питьевой воды, душевые... Всего и не перечислишь!

Выбрав удобный момент, когда новая вводная увлекла большую часть личного состава в трюм, я пробрался к торпедным аппаратам. На мой вопрос, как он оценивает действия подводников, Мироненко ответил:

— А вы сами внимательно присмотритесь, что у них за «фасадом»...

Вначале мне казалось, что моряки действуют хорошо, даже здорово! Громко, с этакой молодецкой лихостью отдает распоряжения старшина отсека, так и хочется, воздав ему должное, похвалить мичмана. Моряки четко и сноровисто орудуют аварийным инструментом. Только громко, очень громко докладывают: «Есть включить помпу! Дается воздух в отсек!.. Есть, обесточить...» У меня мелькнула мысль: «Зачем так сильно кричат? Да не кричат, а прямо орут! Да и мичман, этот подводный ас, в чём-то фальшивит».

Отдавая команды негромким тенорком, он бросает настороженные взгляды то на Мироненко, но на меня, явно ожидая одобрения. Мне неловко, я отвожу глаза.

«Почему же «пробоину» заделываете там, где удобней, где легче подобраться к ней? А если она, эта пробоина, появилась бы, скажем, вот там, где массивный маховик шпилевого устройства? Как туда подберетесь?» — хотелось спросить мичмана. И чем больше я наблюдал за происходящим в отсеке, тем очевиднее была наигранность всего учения.

Испытывая чувство неловкости, как человек, понимающий, что ему пускают пыль в глаза, морочат голову, я взглянул на Геннадия Михайловича. Я представил себе, насколько больно ранит его душу эта разыгранная комедия.

Ему было особенно неприятно еще и потому, что накануне на партийном собрании шла речь об элементах самоуспокоенности, благодушия, которые стали у нас проявляться. Тогда Мироненко высказал мысль, что не следует уж слишком драматизировать, ведь нет грубых ошибок. И вот он сам убедился, что даже в таком важном деле, как борьба за живучесть, и то просматриваются симптомы очень опасной болезни, имя которой — благодушие.

В истории флотов немало примеров, когда моряки дорогой ценой, жестоко расплачивались за свою беспечность в океане. В длительном плавании наступает такой период, когда люди вживаются, входят в нужный ритм. Механизмы и приборы работают стабильно, вахты отлажены. И, кажется, лучшего желать не надо. И кое-кто перестает обращать внимание на «мелкие» огрехи. Грубых ошибок нет, а мелкие не в счет, хотя их набирается немало. Вот почему в графике соревно-

вания только одни красные оценки — высокие проходные баллы. Буквально на днях обходил я ночью боевые посты. В одном из отсеков нес вахту молодой матрос, один из комсомольских активистов. Докладывая о режиме работы своего заведования, о показаниях приборов, он никак не мог справиться с собой: в глазах светились плутоватые огоньки, он силился согнать с губ улыбку.

— Что, веселая вахта? Или вспомнили анекдот смешной? — спрашиваю его.

Моряк покраснел.

— Да вспомнил историю одну...— замялся он, а сам все старается рукой незаметно за щит что-то засунуть.

Оказалось, книгу. Я взял ее. С обложки глядела невинно-добродушная физиономия бравого Швейка. Я серьезно пожурил матроса, а сам с горечью подумал: «Вот уже комсомольские активисты допускают серьезные проступки, а ведь за чтение книги на вахте много очков будет сброшено их боевой смене в графике соревнования».

Сегодняшняя тренировка, на которой мы с Мироненко присутствовали утром, со всей очевидностью подтверждала, что опасения коммунистов имеют под собой реальную почву, и те меры, которые командир принимал, были совершенно необходимы.

Записывая в дневник все это, я заметил: «Вот так, дорогой товарищ секретарь... Драматизировать не нужно, но психологические встряски людям весьма и весьма нужны».

Я собрался было лечь спать, как дверь отворилась и в каюте появился наш командир.

— Не спится, все заметки да планы сочиняем? — сказал он, усаживаясь на диван.

Я ему поведал о сегодняшней тренировке и о том, что видел в первом отсеке. Рассказал ему и о Швейке.

— Мне, знаешь ли, очень понравилось последнее партийное собрание. Хорошо Мироненко выступил. Ответственность каждого... Равнодушие страшнее врага... Правильные слова,— задумчиво сказал командир.— Только вот напрасно он в конце выступления пытался снять остроту. Драматизировать, конечно, не следует,— он словно продолжал разговор, начатый на собрании,—

но только требовательность, только острота... Учения, тренировки — испытанные средства борьбы с благодушием.— На словах «испытанные средства» он сделал ударение.

— Мне кажется, Мироненко сегодня и сам убедился в этом: жизнь внесла поправку,— заметил я.

— Я не сомневаюсь, Мироненко отличный офицер, думающий, да и секретарь парторганизации довольно толковый. После собрания наши коммунисты сумеют задать нужный настрой. У нас парторганизация сильная.

— И довольно многочисленная. Вот еще двоих будем скоро принимать: турбиниста Смагина да трюмного Прокоповича — подали заявления,— сказал я.

— Это хорошо,— поддержал командир,— но все же многое зависит от руководителя, бюро, секретаря...— Потом, улыбнувшись, Лев Николаевич продолжал: — Недавно мы с Мироненко обсуждали вопрос, как в соревновании избежать субъективизма. Так он мне незаметно шпильку подпустил. Говорит: «Давненько командир наш перед личным составом не выступал». На Ленина сослался, дескать, личные выступления в политике много значат...

Я не мог сдержать улыбку, подумал: «В самую точку попал Мироненко, молодец!» (Командир наш действительно не очень-то многоречивый.)

— Вот завершим очередной этап плавания, устраним недостатки, тогда обязательно скажем людям доброе слово,— заключил Лев Николаевич поднимаясь.

Оставшись один, я с благодарностью подумал о командире, его умении видеть главное, найти верный путь к решению больших и малых проблем. Как просто он нашел средство в таком, казалось бы, непростом вопросе, как необходимость снять опасный настрой благодушия и беспечности. Система тренировок, учений, жесткая требовательность — вот они, «испытанные средства» командира.

Наши коммунисты — замечательные люди. Средний возраст нашей парторганизации всего-то тридцать лет! Участников Великой Отечественной войны — единицы. Но сколько в этих людях доброй, истинно партийной закваски, высокой нравственности, самоотверженности!

Перебирая фамилии коммунистов, я с удовлетворением отмечал массу положительных качеств, даже у

тех, кто попадал под огонь критики за те или иные промахи по службе. Как-то с Мироненко мы говорили на эту тему, и он высказал интересную мысль: «Наш поход как трудный экзамен, как испытание,— сказал он.— Люди преобразились: хорошие стали лучше, середнячки подтянулись, а плохие...— он помолчал,— а плохих среди нас не оказалось! С любым можно идти в разведку, как говорили в войну, оценивая бойцов». Да, умеет Геннадий Михайлович точно сформулировать главное. Он и руководитель, и инженер отличный. Мне памятны те дни, когда создавался экипаж нашего атомохода. В его составе были в основном лейтенанты — выпускники инженерных училищ. Молодые эрудиты с вдохновением рассуждали об атомной энергетике, радиоэлектронике. Ершистые, категоричные, презирающие слабости человеческие, они до самозабвения работали с утра до позднего вечера. Некоторые из них, не считаясь со временем, приобретали навыки в управлении сложными процессами, происходящими в ядерном реакторе. Мироненко уже тогда был заметен спокойной рассудительностью, зрелостью суждений. Он был как-то взрослее других лейтенантов, хотя они были его ровесниками и тоже коммунистами.

Мне думается, определяющим в его становлении была общественная работа, которую он вел еще в училище. От комсорга роты, затем курса до секретаря партийной организации на старшем курсе. Немалую роль сыграла семья. Он с большой теплотой рассказывал о родном городе Ростове, об отце, Михаиле Митрофановиче, который, как написала газета «Вечерний Ростов», за свою трудовую жизнь четыре раза вокруг земного шара «объехал» на троллейбусе.

Мать, Устинья Федоровна, работала долгое время санитаркой, а сейчас на пенсии. Она очень гордилась Геннадием, способным учеником,— с серебряной медалью сын окончил десятилетку, а теперь инженер, моряк, подводник! Родители привили будущему офицеру замечательные качества советского человека: трудолюбие, внимательность к людям, коллективизм и преданность делу, которому служишь. Он с удовольствием выполнял общественную работу и порой сам высказывал мысль: а не пойти ли в военно-политическую академию и не стать ли политработником?

— Я люблю людей, мне нравится быть в коллективе и не переношу одиночества. Когда я один, меня гложет тоска. Без людей, товарищей по службе, меня просто нет,— говорил он в порыве откровенности.

Он был воинственно непримирим ко всем проявлениям равнодушия и неуважительного отношения к тому, что создано экипажем, всему, что может повредить доброму имени коллектива атомохода. Однажды совершенно случайно я стал невольным свидетелем разговора Мироненко со своим близким другом. Они не видели меня, сидящего в старшинской каюте, и громко говорили, настолько громко, что я невольно все слышал. На брошенную приятелем реплику: «А мне-то что? Пусть они думают... Нам сказали — мы пошли...» — «Как это, они?» — с ноткой гнева в голосе спросил Мироненко.

Собеседник не ожидал такого поворота разговора. Он что-то негромко сказал, видимо, пытался перевести все в шутку, но Мироненко ее не принял: «Нет, голубчик, не юли! Я тебя совершенно правильно понял. Не может быть среди нас таких, чья хата с краю. Такое дело вершится, а ты...» — с упреком закончил он. Я тогда подумал: не кончится у них этим разговор, своему другу он так просто такое не простит.

Умел Мироненко точно выразить свою мысль, интересно провести политическое занятие с личным составом. И все же его авторитет на корабле, мне кажется, определялся именно искренней преданностью интересам дела, нравственной чистотой — качествами, которые люди всегда тонко чувствуют и высоко ценят. Для него все, что делается на подводной лодке, было дорого ему еще и потому, что во все это были вложены не только труд, но и кусочек сердца, частица самого себя.

Второе дыхание

Макроцистис. Макроцистис... Это слово вползло в отсеки и стало произноситься везде: на инструктажах вахты, за обедом, во время демонстрации кинофильма. Даже одна из сатирических газет была названа «Макроцистис». Означает это слово — водоросль-великан. Говорят, ее длина достигает более пятидесяти метров, таких растений на суше, пожалуй, не отыщешь.

Растет макроцистис плотной массой. Эти могучие исполины противостоят сильным штормам и даже ураганам. У побережья некоторых континентов они, словно подводные волноломы, предохраняют берега.

Кто-то, начитавшись легенд про макроцистис, пустил по кораблю слух: мол, в таких водорослях может запутаться и подводная лодка. Некоторых молодых моряков это не на шутку взволновало. Пришел ко мне матрос Валерий Ломакин и с тревогой спрашивает:

— Говорят, макроцистисы, отрываясь от земли, огромным комком плывут в океан. Правда это?

Я успокоил матроса. Рассказали мы экипажу об этих водорослях. Страсти улеглись, но слово «макроцистис» стало означать что угодно: и заведомую нелепость, и разыгравшуюся фантазию.

Снова будни, вахты, занятия, учеба...

Приняли в комсомол молодого матроса Валерия Ломакина. Теперь весь экипаж комсомольский...

Во время обеда из разговора за столом узнал, что поссорились электрик и турбинист. Как петухи стали ершиться... В чем же дело? Оказывается, электрик делал предобеденную приборку, склонился над мусором, работая щеточкой, а в это время турбинист — человек нетерпеливый и экспансивный — решил через него перешагнуть, да не рассчитал, поскользнулся и... уселся чуть ли не на шею ему. Электрику, понятно, это не понравилось. Он вспылил. Вовремя остановились оба.

Да, люди устали. Как-то о своем товарище в порыве откровенности один из старшин рассказывал мне:

— Вы представляете, раньше я не замечал, как он ест, а теперь вижу его неопрятность, уши у него двигаются, так никакого терпения нет, ухожу из-за стола... Да и есть не охота.

Мне подумалось: вот они, вопросы совместимости, как в космосе. Я мысленно продолжил спор со своими береговыми оппонентами, которые отрицали закономерность подобных психологических срывов во время длительного плавания, объясняя распущенностью, невоспитанностью одних и невыдержанностью других. И тех и других, дескать, надо наказывать.

Рано утром подвсплываем под перископ. Сильный

шторм «ревущих сороковых» южного полушария создал большие трудности. Нелегко было удерживать лодку на глубине. Боцман вспотел, работая на горизонтальных рулях. Шторм проверил нашу морскую выучку.

Кстати, вновь о благодушии: наши интенданты забыли, что в провизионной кладовой есть специальные крепления для стеклотары. Успокоенные тем, что длительное время нет качки, они оставили незакрепленными часть бутылей с соком, банок с вареньем. Каково же было их состояние, когда они увидели в провизионке на палубе своеобразный коктейль из этого добра! Вполне справедливо: командир их серьезно пробрал за эту беспечность.

Сегодня при обходе корабля бросилось в глаза, что нет привычной опрятности и чистоты в некоторых помещениях. Вечером на кинофильм пришло сравнительно немного людей. Посмотрел, чем же занимались те, кто не хотел смотреть картину. Один читает, сосредоточенно шевелит губами. Двое лениво играют в домино. Молодой торпедист, блаженно хмурясь, подставляет голый торс под прохладную струю вентилятора.

На мой вопрос, почему не пошли в кино, моряки ответили:

— Неинтересный фильм...

В голосе горечь, раздражение. Я предложил:

— Давайте сделаем киносеанс по заявкам.

Они согласились.

Да, люди устали. Надо дать им больше инициативы, вовлекать в дело, не позволять киснуть, уходить в себя.

Решили собрать командиров боевых частей, побеседовать с членами партийного бюро, комсомольским активом. Стали ежедневно проигрывать учения по живучести, при этом усложняли вводные. Повысилась и требовательность. В графике соревнования появились минусы. Чаще стали проверять несение вахты, провели смотр-конкурс на лучший отсек. Радиоинформация по его итогам была весьма острой, многим досталось за неумение поддерживать чистоту и порядок.

Все это встряхнуло команду. Пришло как бы второе дыхание, оно нам было жизненно необходимо: приближались к самой удаленной точке и сложному участку маршрута.

Пролив Дрейка

Еще до того как атомоход подошел к проливу Дрейка, однажды после обеда, когда мы сидели в кают-компании и рассуждали об искусстве коков делать шашлыки, поступил доклад, что прямо по носу гидролокатор обнаружил цель, и вахтенный офицер, резко сбавив ход, начал маневр на уклонение.

Командир приказал сыграть боевую тревогу. Прощупывая перед собой пространство, луч гидролокатора натыкался на крупный предмет, словно на стену. Резко упала температура за бортом. Мы встретились с дитем Антарктиды — айсбергом.

И вот пролив Дрейка. Дурная слава идет о нем среди моряков всего мира. Суровые полярные штормы, жестокие ветры, плавающие льды, айсберги... Многие мореплаватели выбирали более безопасный переход из южной Атлантики в Тихий океан через Магелланов пролив. Но наша подводная орбита пролегала именно через пролив Дрейка.

Опасное соседство антарктических айсбергов нас очень беспокоило. Эти гигантские, в несколько миллионов тонн, ледяные острова, оторвавшись от Антарктиды, направляются в самостоятельное плавание. Течения их гонят в высокие широты, где они постепенно тают, опресняя соленую воду. Возвышаясь над уровнем моря сравнительно немного, айсберг глубоко, порой на сотни метров, уходит под воду. Он величественно сверкает белизной снегов, как бы оживляя бесконечную, однообразную синеву моря и неба.

Но горе тому мореплавателю, который не заметит айсберга! Трагическая гибель «Титаника» памятна многим поколениям моряков. Для подводных лодок айсберг не менее опасен. Чтобы избежать столкновения с ним, от подводников требуются большая осторожность и высокое искусство.

В записках Д. Стила, командира американского атомохода «Сидрэгон», много и подробно рассказано об айсбергах. И хотя мы не встречали их в таком изобилии, как об этом пишет Д. Стил, все же призывали экипаж к соблюдению высочайшей бдительности. Акустики несли нелегкую напряженную вахту. Гидролокатор непрерывно прощупывал пространство по курсу нашего

атомохода. Мы сбавили ход до минимального, идем осторожно.

Видимо, наверху сегодня погода штормовая. Волны чувствуются даже здесь, на глубине. Трудно рулевым, но они точно держат курс и глубину.

Памятуя о недавней досадной беспечности наших снабженцев, командир дал команду: «Осмотреться в отсеках», «Закрепить все по-штормовому».

Спешу в центральный пост. Хочется воспользоваться случаем и взглянуть в перископ, чтобы потом рассказать экипажу, каков он, этот знаменитый пролив Дрейка.

В центральном посту сейчас та особая атмосфера деловитой озабоченности и напряженного спокойствия, какая бывает, вероятно, только на подводных лодках при следовании на перископной глубине. Дело в том, что в этом положении опасно находиться: плавающие льды или другие предметы могут повредить выдвижные устройства. Но еще опасней встреча подводной лодки с надводным кораблем! Надо ли пояснять это? Подвсплытие под перископ будоражит весь экипаж. Здесь, видимо, сказывается сознание близости воздуха, звезд, неба — привычной, естественной для человека среды. Все, к чему мы привыкаем в обычных условиях и чего порой просто не замечаем в повседневной жизни, приобретает особую значимость в длительном подводном плавании.

С легким шипением гидравлика вытолкнула из шахт выдвижные устройства. Командир кивнул, разрешая занять место у перископа. Я прильнул к окулярам. Хмурая синева уходящего дня. Серым, бесцветным маревом закрыт горизонт, и не видно, где же разделяются море и небо. Крупные хлопья снега падают на линзы перископа и тут же смываются брызгами, сорванными ветром с гребней волн.

Уступив у перископа место командиру, я еле удерживаюсь: сильно качает. В такие моменты слышно, как захлебывается компрессор.

— Да, неуютное место! Есть же на нашей планете такие забытые богом углы! — сказал командир, не отрываясь от окуляров.

— Кто такой Дрейк? Как сюда попал этот пират? Меня забросали вопросами в отсеках, когда я рассказывал экипажу о проливе, его гидрометеорологи-

ческих особенностях. Пришлось сообщить морякам, как с монаршего благословения Елизаветы англичанин Френсис Дрейк совершал грабительские набеги на города Латинской Америки, как он в 1578 году, пройдя Магеллановым проливом, вышел в Тихий океан, где попал в жесточайший шестинедельный шторм. Потеряв три других корабля, Дрейк на своей «Золотой лани» оказался на пять градусов южнее. Этот случай и дал возможность Дрейку сделать вывод, что Огненная земля не выступ Южной Америки, а архипелаг, за которым простирается море.

В XIX веке, с открытием Антарктиды, широкий проход между Огненной землей и Антарктидой, вопреки исторической справедливости, назвали проливом Дрейка. По праву он должен был бы именоваться проливом Ф. Осеса. Именно испанец Франсиск Осес за полвека (в 1526 году) до англичанина при схожих обстоятельствах на корабле «Сан-Лесмос» оказался в этом проливе. Но что такое скромный испанский негоциант? То ли дело Дрейк с его скандальной репутацией во времена нарождавшегося капитализма.

...Позади зловещий пролив, прошли очередную тысячу миль. Жизнь экипажа, уже больше месяца разлученного с родной землей, идет своим чередом. В этой жизни тоже есть свои вехи, свои события.

Вот, скажем, чем не событие: приняли старшину 1-й статьи Николая Прокоповича, комсорга первой боевой смены, кандидатом в члены партии. У него отличная команда, все стали специалистами первого класса. Секретарь партбюро Геннадий Мироненко удивительно емко выразился, сказав, что Николай Прокопович — человек с большим атомным весом.

Думали ли мы тогда, на далеком тихоокеанском меридиане, что совсем скоро, через каких-нибудь два месяца, Николай Прокопович, двадцатилетний юноша из Гжатска, станет кавалером ордена Ленина и будет послан флотским комсомолом делегатом на XV съезд ВЛКСМ. И что именно ему будет доверено вручить президиуму съезда Военно-морской флаг, под которым наш атомоход совершал свою историческую кругосветку. Этот волнующий эпизод будет запечатлен в кадрах кинохроники и в газетных отчетах, его увидят миллионы телезрителей! Кстати, на съезде Николай Прокопо-

вич встретился со своим земляком Юрием Гагариным. Им было о чем поговорить — и о своих витках вокруг планеты, и о родных местах, и о задумках первопроходцев...

На глубине мы отмечали День Советской Армии и Военно-Морского Флота, а затем и Международный женский день 8 марта.

Об этом рассказ особый.

День рождения

Во время длительного плавания моряки обычно ведут свой календарь, свой отсчет времени. У меня тоже есть план-календарь. Это лист бумаги, расчерченный на клетки, по семь клеток в каждом ряду. На каждый день здесь отмечено, что предстоит сделать: провести ли собрание или инструктаж агитаторов, какой будет демонстрироваться кинофильм, у кого день рождения, юбилей...

День рождения каждого члена экипажа, участника плавания всегда отмечается весьма торжественно. Сказать человеку доброе слово, уделить внимание, вручить сувенир — всегда приятно, но в условиях, когда человек находится вдали от родины, от близких и родственников, да еще под водой, поверьте, теплое слово и внимание во сто крат дороже.

Отметить день рождения своего товарища на подводной орбите было важной задачей всего экипажа. К тому же мы учитывали, что такое торжество даст боевому коллективу разрядку.

Завтра день рождения командира дивизиона движения Олега Андронова. На столе у меня подготовлены поздравления, приветствия, которые передадут по трансляции в очередном выпуске корабельной радиогазеты. Здесь и выступление его товарища и друга Геннадия Мироненко, поздравление от моряков, которое передаст Николай Прокопович, пластинки с его любимыми песнями. А вот «удостоверение» о том, что «мореход Олег Андронов свой 29-летний юбилей отметил на большой глубине в южной Атлантике».

Получить такой документ подводники считают особой честью. Еще бы! Сколько былей и небылиц можно

рассказать потом дома, на берегу, когда закончишь поход.

Листаю заметки. В них тепло, доброжелательно, я бы сказал, с большой симпатией, говорится об Андронове, инженере, командире подразделения, товарище, друге. Я невольно думаю: как расщедрилась природа, сколько «изюминок» вложила в этого неброского на вид молодого человека! Но пожалуй, главное качество, которое особенно высоко мы ценили в Андронове, так это его техническая культура, инженерный талант. Как классного специалиста, его уважали не только в экипаже, но и в части.

Главный конструктор нашего подводного корабля, этот опытнейший инженер-кораблестроитель, с восхищением говорил об Олеге Андронове, называя его не просто хорошим или способным, а талантливым инженером.

Действительно, Андронов отлично знал атомный реактор, все тонкости его обслуживания. Разумеется, все это не пришло само собой, а потребовало большой напряженной работы по практическому изучению новой очень сложной техники. Помню, как наши молодые офицеры-инженеры после теоретического курса обучения жадно и самозабвенно изучали технику, пользуясь тем, что лодка стоит еще на заводе и можно посмотреть, пощупать, потрогать любой механизм, любую систему.

Однако при всех положительных качествах был у Андронова и недостаток, своя «ахиллесова пята», — его характер. Не всегда уместная мягкость, боязнь острого прямого разговора и оправданного конфликта были предметом обсуждения и критики на партийных собраниях или на служебных совещаниях. Думается, эта черта характера в еще большей мере отражалась на его личной жизни. Если подчиненные старшины и матросы учитывали эти особенности характера Андронова и старались не приносить ему хлопот, а если что и случалось, так сами же переживали не менее командира, то дома этим не очень дорожили. Вообще-то он неохотно делился своими бедами. Мне вспомнились первые дни нашего знакомства, когда я, беседуя с ним, пытался выяснить причину семейных неурядиц. Нам с команди-

ром это было известно, и было решено побеседовать с молодым офицером с глазу на глаз.

Выбрав удобный момент, мы остались вдвоем с Андроновым в ленинской комнате. Было тепло и уютно. Казалось, сама обстановка располагала к откровенности, и я радовался, слушая интересный, полный жизненных деталей рассказ Олега. Однако Андронов упорно не касался домашней темы. Тогда я напрямик спросил:

— Ну, а как дела на семейном фронте?

Он помолчал, словно раздумывал, говорить или нет. А потом, отвернувшись к окну, сказал:

— Я знал, что вы зададите этот вопрос. Но просто так на него не ответишь.

Мы молчали. Чтобы разрядить обстановку, я предложил ему сигарету, хотя в ленинской комнате категорически запрещалось это делать. Андронов по достоинству оценил мое великодушие, глубоко затягивался и выпускал дым тонкой струйкой в приоткрытую форточку.

— Вы знаете,— начал он не вполне уверенно,— мне почему-то судьба преподносит сюрпризы именно в делах сердечных. Я еще мальчишкой влюблялся сильно и часто...

И он опять интересно и с увлечением рассказывал о своих романах, разочарованиях, ошибках. Причем себя он выставлял в невыгодном свете, словно потешался над своей наивностью.

Слушал я его и думал, как ловко он уводит меня от больного вопроса, от щекотливой темы. Так и не удалось мне тогда вызвать Андронова на откровенность. Своими горестями он не делился ни с кем, хотя был общительным и компанейским офицером. Его в экипаже любили особенно за умение подчинить свои личные интересы интересам коллектива. Андронова, к примеру, не надо было упрашивать сыграть на аккордеоне или гитаре, кстати, он хорошо играл и на кларнете. Не менее охотно он брал в руки кисть и искусно оформлял стенную газету. У него получались неплохие стихи. На наших «подводных» конкурсах он неоднократно отмечался.

Кажется, немного времени прошло с тех пор, когда совсем молоденький инженер-лейтенант Олег Андронов прибыл для прохождения службы на наш подвод-

ный атомоход, а на самом деле позади пора возмужания, пора превращения вчерашнего курсанта военно-морского инженерного училища в опытного офицера-подводника, зрелого руководителя важного подразделения электромеханической боевой части. Он любил экипаж, жил его интересами.

Вот такие люди, как Олег Борисович Андронов, делали биографию нашего атомохода. А завтра ему весь экипаж скажет: «С днем рождения, дорогой товарищ, счастливого плавания!»

На одной волне

Под водой дни, словно близнецы, похожи друг на друга. Только суббота — день особый. Он испокон веков был и остается на флоте днем большой приборки.

Большая приборка в отличие от малой предусматривает мытье с мылом, содой всего, что покрашено.

Вот и сегодня день большой приборки. Моряка, который расписан у меня в каюте, я отправил помогать ребятам в отсеке, а сам занялся наведением порядка. Хороший повод поразмяться, физически поработать!

Приборка началась с утра. По трансляции звучат песни. Музыка создает хорошее настроение. Каюта, в которой пролетело много дней и недель походной жизни,— небольшое, но очень удобное для работы и отдыха помещение. Здесь есть все необходимое: письменный стол, шкаф с зеркалом, книжная полка. Тут же две койки, как в двухместном купе, одна над другой. Верхняя моя, а нижняя старпома. Но старпом в каюте бывает редко, он предпочитает отдыхать в более укромном месте. Вот и получается, что я почти монопольно владею этим помещением. А раз так, то убирать мусор, наводить порядок приходится самому.

На подводной лодке в период длительного плавания соблюдение чистоты, порядка и гигиены приобретает особое значение. Поэтому качеству приборок мы уделяли самое серьезное внимание. После субботнего аврала проводится тщательная проверка. В начале плавания это делал помощник командира — это ему предписывает устав. Однако дать объективную оценку каж-

дому отсеку оказалось трудно, тогда-то и родилась идея создать комиссию от комсомольского бюро.

И действительно, комсомольцы внесли живинку в дело организации приборок, а проверки дали отличные результаты.

Помощник ликовал: теперь ему не надо лазить под паелы с переноской. Комсомольцы проворно забирались в такие уголки, куда не заглядывал глаз офицера. Помощнику командира теперь не нужно было примирять спорящих командиров отсеков, которым все время казалось, что их отсек лучше.

Возглавляет комиссию Павел Киливник. Идея создать такую комиссию принадлежала именно ему, секретарю комсомольской организации нашей подводной лодки. Много полезного в период плавания было сделано нашей комсомолией.

Комсомольское бюро активно занималось организацией досуга, проявляя при этом незаурядную смекалку. Почти каждое воскресенье или праздничный день были насыщены интересными мероприятиями, которые увлекали не только матросов и старшин. С удовольствием в КВН или спортивных состязаниях принимали участие и офицеры, защищая честь своей боевой смены.

Это, безусловно, заслуга Павла Киливника. Он был энергичным, деловым человеком. К тому же обладал таким замечательным качеством, как умение точно улавливать настроение молодежи, как бы настраиваться на одну волну с экипажем. А это позволяло правильно и быстро откликаться на запросы комсомольцев, что вызывало у них глубокое уважение к своему вожаку. Киливник к любому поручению относился добросовестно.

Перед походом на комсомольском бюро мы обстоятельно обсудили задачи молодежной организации на походе. Старшие товарищи советовали сосредоточить внимание на борьбе за примерность комсомольцев в несении ходовой вахты. Второй, не менее важной, была задача организации досуга. Здесь нужно было проявить находчивость, изобретательность и творчество. Не так-то просто в подводном положении организовать досуг. Потребовалось собрать большой материал для затейничества — викторины, кроссворды, головолом-

ки — все это добыл сам Киливник в базовой библиотеке.

Теперь пригодилось. Павел помогал то одному, то другому комсоргу боевой смены составить викторину или дать материал для диспута.

Наконец прозвучал сигнал окончания большой приборки. Вскоре собралось заседание. Все члены комсомольского бюро пришли в кают-компанию. Каждому хотелось, чтобы его отсек был признан лучшим, и конечно, дело не в призе, который вручается победителям, дело в престиже.

По моему совету помощник командира занимает нейтральную позицию — пусть сами комсомольцы определят, кто лучший. Для него главное — приборка сделана хорошо. А комиссия пусть решает. Я наблюдаю за Павлом Киливником. Вижу, он волнуется. Ему очень хочется, чтобы первый отсек наконец завоевал звание лучшего. Первый отсек еще ни разу не выбился в число лучших. Мичман, старый служака, не раз упрекал Павла:

— Плохо, брат, за нас воюешь. Своих-то не умеешь показать как надо!

А когда создали комиссию, моряки напутствовали одессита Киливника:

— Давай, Одесса, проверь их как следует.

Они надеялись на то, что их отсек уж наверняка будет призером. Дескать, своя рубашка... Тем не менее для Киливника оказалась совесть выше, чем своя рубашка. Вот и сейчас он не спорил, не упрекал в предвзятости своих соперников, когда они высказывали свои замечания по первому отсеку. Опустив голову, слегка покраснев, он что-то писал карандашом у себя в блокноте. А когда поставлено было на голосование признать лучшим отсек электротехнический, он проголосовал «за». Этот факт еще раз подтвердил, что мы не ошиблись в выборе вожака комсомольской организации нашего атомохода.

Нежность

Наши календари, а их везде можно встретить: в каюте, на боевом посту, в рубке акустика...— показали первый день весны. Март — первый весенний месяц.

Март 1966 года! Месяц начала работы XXIII съезда партии. Мы не могли об этом забыть. Ведь все наши дела, все доброе, полезное, что делалось на подводной орбите,— все проходило под знаком подготовки к этому замечательному событию в жизни каждого советского человека. Душой и сердцем мы жили, слились со своим народом, наши сердца бились в одном ритме с сердцем Родины. А там, далеко, весь народ готовится к этому историческому партийному съезду. Здесь, в тесных отсеках нашего атомохода, кроме календарей, ничто не подтверждало, что пришла весна. Тем не менее я с удивлением отмечал про себя, что глубоко под воду проникают весенние флюиды, будоража душу. В суровом однообразии подводной жизни не видно никаких перемен, и все же весна пришла!

В одном из отсеков Володя Гапченко, молодой морячок (я знаю: он рисует и любит живопись), листает репродукции Левитана. Он остановился и пристально рассматривает картину «Март». Я невольно любуюсь синью неба, солнечными бликами на подтаявшем снегу на крыше. Удивительно тонко уловил глаз художника ту неповторимую гамму красок, которая рождается с приходом весны, когда еще зима и в то же время она уступает свои права весне, теплу, солнцу.

— Хорошо! Нравится? — спрашиваю.

— Это же Левитан! — соглашается со мной моряк.

К стихам и живописи, к прекрасному в длительном походе особенно тянется душа подводника.

Весна! Прекрасное время года! Пробуждается природа, зарождается жизнь. Наверное, поэтому именно весной мы отмечаем женский день, чествуем женщину. И здесь, в подводном, мужском мире, где никогда не бывала женщина, она незримо присутствует. Мои товарищи по службе, занимаясь чисто мужским делом, не забывали своих близких: мать, жену, невесту, сестру, подругу.

Разговор о женщинах я застал в жилом отсеке. Здесь, в окружении подводников, сидел инспектор политуправления флота Виктор Николаевич Харитонов. Он раскраснелся и, расстегнув синюю спецовку, улыбался, давая оппоненту высказаться. Судя по всему, в отсеке собралась почти вся смена. Даже степенные мичманы Половников и Гусаков, которые обычно проводят свой досуг либо в кают-компании, либо с подчиненными в разных отсеках, теперь сидели здесь и, видно, тоже свое слово сказали. Теперь только репликами или отдельными замечаниями включались в беседу. Наиболее активен один из мичманов, старшина команды. Он самый опытный в жизненных вопросах — ему почти сорок, и его доводы воспринимаются как закон.

Я присел у краешка стола. По опыту работы с людьми мне было известно, что подобная обстановка, когда разговор возникает стихийно, создает самые благоприятные условия для того, чтобы донести до людей нужные мысли, убедить их и, что, пожалуй, самое главное, здесь же убедиться, кто их воспринял, кто поддерживает твою точку зрения, а кому еще придется не раз об этом говорить.

Да, здесь шел разговор о женщинах, о верности, о любви.

— Не спорю, не спорю,— обращаясь к Харитонову, говорит с лукавой улыбкой мичман.— Женщины — и впрямь благородные натуры. Но согласитесь, что среди них есть такие штучки, ой-ой!..

Все засмеялись; улыбнулся и Харитонов, ожидая какую-нибудь историю, на какие был большим докой старый служака — мичман.

— Иногда они из-за пустяков могут создать такую напряженность в семье, что хуже не придумаешь. Вот судите сами. Поехали мы однажды всей семьей в Сочи. Дочка тогда еще маленькая была, оставить ее не с кем, вот и не брали мы путевку, поехали, как говорят, «дикарями». Приехали. Сезон в разгаре. На пляже яблоку негде упасть. Жена говорит: «Иди-ка, отец, пораньше да займи местечко, а мы с дочуркой попозже придем».

Так я и ходил каждый день. А мне, честно говоря, и нравилось пораньше приходить на пляж: еще не жарко, море чистое, каждый камушек виден...

— Ближе к делу, товарищ мичман,— нетерпеливо перебивает электрик.— Скоро приборку объявят, а мы вашего романа не узнаем.

— Узнаешь, успеешь,— говорит мичман, поглядывая на часы.— Здесь не роман, а жизненная ситуация. Так я и ходил. Жена довольна. Я доволен. Мир и спокойствие в семье. Красота! Но однажды прихожу на пляж. Наше излюбленное место свободно, а рядом, вижу, полотенце, беленькие босоножки, очки — все под зонтиком. Я как-то и значения соседству не придал. Женщина рядом. Ну и пусть! Посмотрел на верх лестницы, не идут ли мои. И к своему месту: полежу, думаю, позагораю... Подхожу к накидке и вижу: рядом дама сидит. Блондиночка, стройная, в общем, ничего, симпатичный товарищ, только вся багряная — обгорела, недавно, видать, приехала да не убереглась от щедрого солнца. Я на нее смотрю незаметненько из-под черных очков. Моя соседка боком сидит, на меня не смотрит. А мне и не надо. «Мажься себе на здоровье своим маслом,— думаю я не без раздражения,— подумаешь, цаца какая, даже не смотрит!»

Натерла она руки, ноги, стала плечи натирать. И все это делает не спеша, осторожно. Мне подумалось: больно, наверное, кожу-то как здорово спалила. Я отвернулся от нее, опять взглянул, не идут ли мои. Вдруг слышу: «Молодой человек, товарищ,— тоненьким голосочком обращается она ко мне,— помогите мне, пожалюста».

По разговору я понял: из Прибалтики, наверное. Она протянула мне пузырек с кремом. «Ага, значит, заметила, понадобился,— не без удовольствия отметил я про себя.— Отчего же не помочь, если надо». Взял на ладонь налил эту душистую жидкость и по ее спинке осторожно стал растирать. Понимаю, что крепко нельзя, больно будет. Она гнется, хохочет, лепечет: «Ой, полегче, ой, не ната так сильна! Все, спасипа! Спасипа!» Я ей говорю: «Надо хорошо растереть, раз просили, так уж сделаю все хорошо, по-флотски».— «Я так и думала, что вы моряк». Не успел я ее спросить, как она догадалась. Почувствовал, что кто-то сзади стоит. Большая тень и маленькая обозначилась рядом с нами...

Сердито брошена сумка, в ней жалобно звякнула бутылка с кефиром. Жена резким движением стала

раздевать дочку и, видно, сделала ей больно, та заревела. Получив щелчок, заревела еще громче. На нас стали обращать внимание люди. Я встал и пошел в море. Стыдно было за жену. Оглянувшись назад, я увидел, что моя соседка собирается уходить. Но перед этим я заметил, что ее плечи тряслись от хохота. Мне, как вы догадались, было не до смеха. Купаюсь в холодной утренней воде и с грустью думаю: «Вот так из-за пустяка теперь целую неделю мира и спокойствия в семье не будет». И ведь не было! — закончил мичман.

— Хороший пустячок,— с иронией заметил Харитонов.

Я его поддержал:

— А как, Иван Максимович, вы бы отреагировали, если бы вашей жене так спинку растирал какой-нибудь стройный юноша?

Моряки засмеялись, не ожидая ответа мичмана. Всем было ясно, что он ответит.

Сигнал «Начать малую приборку» прервал наш мужской разговор.

— Видишь, как их эта тема интересует,— говорил мне Виктор Николаевич, возвращаясь в кают-компанию.— У каждого либо невеста, либо жена... Помнишь, как у Твардовского:

> ...каждого солдата
> Провожала хоть одна женщина когда-то...
> Не подарок, так белье собрала, быть может,
> И чем дальше от нее, тем она дороже.

Я его перебил:

— Ого, стихами заговорил, дружище!

Он улыбнулся и ответил:

— Надо нам и эту тему правильно ставить и не уходить от нее, ведь это, как ты сам убедился сейчас, сама жизнь. Отмечали мы День Советской Армии, праздник Нептуна — это хорошо. Давай отметим День 8 Марта. И сделать надо как-то необычно, по-особенному отметить.

Потом, после обеда, Харитонов опять вернулся к той же теме:

— Мне-то кажется, что нам при случае надо вообще порассуждать с личным составом о тех пустяках, как говорил мичман. Нам необходимо выбить почву из-под

ног скептиков, маловеров, пессимистов разных. Пошленькие анекдоты, «жизненные ситуации» — все это дребедень. Но она вредная, далеко не безобидная болтовня, как ее представляют некоторые... Вот и сегодня там, в отсеке, разговор-то начался с анекдота, шутки. А потом случаи из жизни. Мичман еще ничего, безобидную историю рассказал.— Харитонов невольно улыбнулся.— Так вот я не закончил. Там, в отсеке, я застал начало дискуссии. Тот высокий блондин, он, помоему, электрик, ребята его Вадиком зовут. Так вот, он и затеял дискуссию, рассказав какую-то глупейшую историю, как его, «бедненького», обманула.

Потом, помолчав, Харитонов задумчиво продолжил:

— Вообще-то, много интересных мыслей было высказано. Честно говоря, я с удовольствием слушал. Их рассуждения поражают зрелостью. Насколько вырос общий уровень культуры наших людей! И все-таки нельзя нам в море уходить от этого острого вопроса. Жизнь заставляет.— Помолчав, улыбнулся и не без лукавинки продекламировал:

Да, друзья, любовь жены
Сотню раз проверьте.
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

Здорово сказано! Люблю я Твардовского, особенно его Теркина!

Оставшись один, я набросал план встречи Дня 8 Марта. И задумался. Мне вспомнились родной заполярный городок, уютная квартира, жена, сыновья... Как-то школьные дела у старшего? Хоть учится он хорошо, все же переезды с места на место (удел всех военных) сказывались, особенно в начале учебного года. Младшему легче, его радовали переезды. Мать с улыбкой отмечала: «Алеша тоже, наверное, моряком станет — уж очень любит путешествовать».

С теплотой и нежностью вспомнил я жену, вспомнил и ее подруг. Сколько в них самоотверженности, бескорыстия, умения подчинить свои интересы главному делу мужа — воинской службе! Переезды, лишения. За водой, за дровами приходилось иной раз пробираться через снежные сугробы. И все больше самой! Ведь мы, мужья-офицеры, дома, как в гостях. Забота о воспитании и здоровье детей, вечно незавершенный

труд у домашнего очага... Они ждут, они верны, они служат вместе с нами.

Конкурс на лучшее собственное стихотворение, рассказ, очерк, посвященные женщине, как мы и ожидали, принес много интересного. Понравились подводникам стихи мичмана Владимира Коваля. Много лирических стихов посвятил своей невесте москвич Борис Белов. Но приз был присужден все же Олегу Андронову. Его стихотворение признали самым лучшим. Всем понравилась концовка:

Не жалея в палитре красок,
Слово «женщина» можно ль не славить?
Хорошо написал Некрасов.
Мне уж нечего больше добавить.

Но всегда удивительно молоды
И чисты, как снега Казбека,
Красивые, умные, гордые
Женщины двадцатого века!

В День 8 Марта был выпущен специальный номер радиогазеты. Проведены были беседы. Но гвоздем дня была литературно-музыкальная композиция. Редактор радиогазеты лейтенант Ратмир Марочкин приложил немало старания, чтобы композиция пробудила добрые чувства у каждого члена экипажа.

Атомный вес

Плавание подходило к концу. В отсеках стало оживленнее, близость возвращения домой чувствовалась и в разговорах о домашних делах, которые в начале похода вроде бы были забыты, и в том, что моряки более тщательно стали бриться, внимательно рассматривая себя в зеркало. Матросы и старшины с особым усердием наводили блеск в отсеках. Офицеры хлопотали над отчетами.

«Летопись похода, или 25 000 миль под водой» — так было решено назвать рукописный журнал, в который мы хотели включить стихи, очерки, рисунки — все лучшие произведения, созданные нашими начинающими поэтами, художниками, журналистами.

— Это тоже своеобразный отчет о работе,— сказал Виктор Николаевич Харитонов.

Ему понравились наши конкурсы на лучшее стихотворение, очерк, рисунок, и сам он в них охотно участвовал, выступая в роли судьи. Журнал — дело нужное, только вот времени маловато осталось. Успеть бы.

— Не забудь привлечь к этой работе Володю Гапченко, этого паренька из реакторного отсека,— напомнил мне Харитонов.

Мне ли забыть Владимира Гапченко! Выпускаемая с его помощью сатирическая газета «Кальмар» была отмечена специальным призом.

Харитонов перебирает свои записи, задумчиво мурлычет какой-то мотив и все время поглядывает на картину, которая вмонтирована в переборку, создавая впечатление, что дальше не отсек подводной лодки, а окно в подмосковный парк: березы, ромашки, палевые, тронутые летним солнцем облака и синь голубого неба. Харитонову, очевидно, нравится она: я не раз замечал, что и в кают-компании он садится так, чтобы картина была ему видна. А скорее всего, его тоже потянуло к солнцу, к свету, к земле...

В кают-компании по-домашнему уютно. Мягкий спокойный свет, блестящая полировка дерева, зеленый бархат диванов, кресел. Здесь и не скажешь, что находишься на подводной лодке. Только несколько странной конструкции медицинская лампа нависла над столом. Это помещение при необходимости утратит свой мирный уютный вид и станет тревожным и строгим, превратившись в операционную.

Харитонов отвлекся от своего занятия и опять начал разговор об итогах плавания. Поинтересовался, как дела с «Летописью». Я показал ему первые страницы. Он удовлетворенно хмыкнул и заметил:

— У вас на лодке сплошь самородки — поэты, художники, рационализаторы... Кого только нет! Это Гапченко рисовал? — указал он на одну из страниц.

— Есть и другие, не хуже,— похвастался я, а сам подумал: «Наверное, отсечные заботы не дают Гапченко заняться любимым делом — рисованием. Работа в отсеке всегда найдется. В реакторном — тем более. Надо будет поинтересоваться, почему он не занимается журналом, в чем там дело...»

Но, словно угадав мои мысли, Гапченко сам вошел в кают-компанию и, смущенно улыбаясь, доложил, что

прибыл работать над журналом. Пухлые губы, стеснительная улыбка, щеки с ямочками делали его лицо похожим на девичье. Говорил он негромко, на вопросы отвечал односложно. Глядя на него, невольно хотелось сказать: «Побойчее бы тебе надо быть, парень!»

Он тут же принялся за работу. Мы с интересом следили, как бегло скользил карандаш, рождая образ Нептуна. Грузный, величественный старик с короной и в мантии строго, неприветливо смотрел на своих подданных: русалок, дельфинов, крабов... Но вот резинка прошлась по его лицу (что-то не понравилось художнику). Снова карандаш... Два небольших штриха у глаз — и пропала строгость, появились лукавинка, добродушие..

Наблюдая за руками Володи Гапченко, я в то же время ловил себя на мысли о том, как сложно сочетаются в человеке разные грани характера, наклонностей... Здесь вот, в кают-компании, он — художник, а в реакторном отсеке — старший матрос Владимир Гапченко, особый специалист. Там он — опытный техник. Зная сложные процессы деления горючего в ядерном реакторе, он внимательно следит за параметрами приборов и многочисленных механизмов, которые обеспечивают нормальную работу реактора.

Эта небольшая рука, изящно скользящая по бумаге, когда надо, уверенно держит увесистый гаечный ключ или ловко орудует отверткой. Она также умеет сноровисто исправить прибор, расположенный в труднодоступном месте, подобравшись к нему быстро и уверенно, нарезать резьбу, притереть клапан... Не перечислишь всего, что он знает и умеет!

Гапченко я приметил задолго до похода, и совсем не потому, что он хорошо рисует (талант художника проявился уже в походе). Мне довелось однажды видеть, как он сдавал экзамен на классность.

Подводники знают, сколь взыскательны и, я бы сказал, беспощадно въедливы бывают члены комиссии, когда принимают экзамены на классность у матросов и старшин этой специальности. Оно и понятно: слишком велика ответственность, очень сложное заведование! Но этот экзамен Гапченко выдержал блестяще. Меня поразила его эрудиция, быстрота, с какой схватывает суть вопроса этот тихий, скромный паренек. Уверенность и немногословие его ответов придавали им весо-

мость и убедительность. Члены комиссии не скупились на вопросы: «А если выйдет из строя и этот насос?», «А если пропало питание?», «А если... Что произойдет?..»

Вопросы, вопросы... Как из рога изобилия! И на все — лаконичные ответы. Я видел серьезные, спокойные глаза на совсем детском лице, и меня захватывало чувство восхищения нашей замечательной молодежью, нынешним поколением моряков.

— Знающий парень,— подвел тогда итог председатель комиссии, едва за Гапченко закрылась дверь. Все единодушно согласились: достоин классной квалификации.

Вот Гапченко взял тушь. Рельефнее проступили образы. Чуть тронул цветным карандашом — и ожила, заиграла страница! Я подумал: «А почему же ты не сразу включился в работу? Обычно при длительном плавании подводники не упускают возможности заняться любимым делом». Спросил об этом Гапченко. Он ответил не сразу.

— Может, что в отсеке случилось?

— Ничего не случилось. Я старшему матросу Лакееву помогал,— негромко сказал он и пояснил:— Надо было планово-предупредительный ремонт компрессора сделать, а одному Лакееву трудно.— Он поднял на меня виноватые и чуточку повеселевшие глаза.— Успеем мы сделать летопись — вот еще одна страница готова...

Гапченко склонился над альбомом, я мучился над текстом, которым должна открываться летопись, и в кают-компании воцарилась деловая тишина.

Молчание нарушил Лакеев — другой представитель реакторного отсека:

— Прошу разрешения войти! Хочу посмотреть, как Володя рисует.

— Да, садитесь,— пригласил я.

Он присел на диван. Не богатырь внешне, Лакеев обладал завидной выносливостью и большой силой воли. На бледном лице спокойно светились большие умные глаза. Этот побойчее Гапченко и, как говорится, хорошо знает, чего хочет. Он быстрее других достиг вершин мастерства подводника. Еще задолго до похода во время строевого смотра, любуясь шеренгой под-

тянутых моряков, я невольно удивился, когда увидел на груди Лакеева почти все знаки воинской доблести: отличника Военно-Морского Флота, классного специалиста и спортсмена-разрядника. А ведь он тогда только начинал служить на корабле.

Глядя теперь на Лакеева, я невольно вспомнил такой случай. Вся команда во главе со старшиной хлопотала в отсеке у одного из механизмов. Лакеев почему-то работал одной рукой, а другую отводил в сторону, словно берег. Мой вопрос его несколько смутил.

— Да вот... Фурункулы... То один, то другой. Атаковали. Но я не сдаюсь,— пошутил он.

Старшина ворчливо заметил:

— Я уже говорил ему, чтобы нашел занятие полегче. Раз уж имеешь освобождение от врача — иди отдохни, полежи, как некоторые...— в голосе появились язвительные нотки.

Он кого-то передразнил. Все засмеялись — речь, видимо, шла о моряке из другого отсека, в их команде таких нет и не было.

Лакеев, польщенный незаметной похвалой старшины, чуть болезненно морщась, пошевелил рукой.

— У меня уже порядок, все проходит. Отступают враги...

«Отступают, да не очень,— подумалось мне тогда. В то же время отметил про себя:— Такой парень не раскиснет». Именно такие люди служат на наших кораблях, такие трудятся у самых сложных механизмов.

Я взглянул на обоих ребят. Это они управляют работой сложных механизмов реакторного отсека, приводят в движение нашу подводную лодку, обеспечивая нормальную работу реактора. Их труд в этом походе был по достоинству отмечен правительственными наградами: орден Красной Звезды украсил грудь матроса Анатолия Лакеева, орден «Знак Почета» заслужил старший матрос Владимир Гапченко.

Что же касается летописи, то и ее мы завершили. Последние штрихи на заключительной странице журнала делались в тот момент, когда в назначенной точке у родных берегов подводные атомоходы нашего отряда после длительного пребывания под водой всплыли на поверхность и кончилась наша кругосветка. Жур-

нал сейчас хранится в ордена Красной Звезды Центральном военно-морском музее как память о мужестве, как свидетельство многогранного таланта, душевного богатства и большого атомного веса, которым обладают советские военные моряки.

Всплытие

Штурман Омельченко нервничал. Обычно степенный, неторопливый, как все знающие себе цену люди, он сейчас был непривычно порывист в движениях и угрюмо молчалив. Только что сухо ответил командиру группы Виктору Вдовину, бросил взгляд на ленту курсографа и довольно резко отчитал боцмана за молодого матроса Щепочкина, стоявшего на вахте. Мне известно, что Василий Щепочкин обычно хорошо несет вахту. Не вмешиваясь в разговор, я взглянул на ленту. Самописец курсографа никогда не показывает прямой линии, даже если стоит на автомате. Я с упреком взглянул на штурмана: мол, выдержка сдает... Омельченко понял, поспешил отвести глаза.

Озабоченность и напряженность, царившие в центральном посту, были естественны: после многонедельного подводного плавания наш атомоход готовился к всплытию в строго назначенной точке. И она, эта напряженность, несколько диссонировала с общим настроением экипажа.

Я только что вернулся из кормовых отсеков и пребывал под впечатлением радостного настроения подводников. Выслушав по трансляции сообщение о завершении похода, моряки засыпали меня вопросами. Известно, что вопросы, которые задаются после беседы или доклада, говорят о многом. Их характер, интонация, реакция слушателей позволяют судить о настроении экипажа. Все это, как своеобразная обратная связь, сигнализирует о микроклимате коллектива.

В начале плавания вопросы моряков выражали известную озабоченность, позже — спокойную уверенность, а сейчас, когда остались считанные часы до всплытия,— бьющую через край радость. То были не вопросы, а скорее реплики. Многие были связаны с делами, которые ждут нас на берегу. Мысли, заботы,

которые когда-то временно ушли на задний план, получили право на свободное обсуждение.

— А как нас встретят?

— Какой корабль будет в точке рандеву?

— Разрешат ли отпуск?

— Сообщили ли женам, семьям?

Люди улыбались, мечтали вслух, радовались.

Кто-то вспомнил, как ездил в первый отпуск и ему шутники положили в чемодан пудовую скобу. Бедняга пыхтел, изгибался под тяжестью ноши и только дома узнал, в чем дело. Однако, памятуя о строгости боцмана, моряк не решился бросить скобу и привез ее обратно!

Смотрел я на оживленные, радостные лица моряков и думал: «Такого задора и энергии экипажу хватило бы еще на одну кругосветку!»

А здесь, в центральном посту, иная обстановка. Центральный пост — это особое место на подводном корабле. Здесь принимаются решения на погружение и всплытие, на бой и применение оружия. Тут редко услышишь громкий разговор, смех. Строгие, четкие команды, лаконичные доклады — все ровным, спокойным голосом. Таков стиль жизни ГКП. Вот и сейчас внешне все кажется обычным. Вахтенный инженер-механик не спеша записывает в журнал только что полученные доклады из отсеков; рулевые, пощелкивая манипуляторами, удерживают заданную глубину и курс; вахтенный офицер тихо докладывает старпому об итогах проверки распорядка дня. Внешне все businessнично и спокойно.

Однако я слишком хорошо знаю этих людей, чтобы не увидеть истинного настроения, которым живет сейчас наш центральный пост. Оно было видно прежде всего по командиру корабля. Всегда спокойный, даже несколько флегматичный, Лев Николаевич Столяров теперь похаживал по отсеку, то и дело заглядывал в штурманскую рубку, бросал цепкий взгляд на карту. Командир пристально изучал ее, словно не видел давно, хотя только утром, приняв от штурмана доклад, утвердил координаты атомохода.

Сощурив покрасневшие от недосыпания глаза, Столяров вновь и вновь прикидывал циркулем-измерителем расстояние до берега и до точки рандеву. Его

добродушное лицо выражало озабоченность. Я невольно представил, о чем он сейчас думает. «Все ли учли? Течения, дрейф, поправки приборов, точность счисления пути... Ведь пройдено огромное расстояние».

Да, серьезный повод для раздумья! Скоро наступит заветный момент, когда станет ясно, насколько точны были расчеты и действия моряков, сколь искусным навигаторам была доверена эта необычайно трудная задача — совершить групповую кругосветку атомоходов под водой.

Рядом с командиром у карты Петр Омельченко. Он и в обычной обстановке редко улыбается, а сейчас совсем хмур. Хотя, если судить со стороны, чего волноваться: у человека репутация одного из лучших штурманов, дело свое он знает в совершенстве.

Служба, устав для Омельченко превыше всего. Он одинаково строго спрашивает с людей и в большом, и в малом, подчеркивая, что в службе нет мелочей. Увидев отпечаток нечистых пальцев на карте или плохо, не по-штурмански заточенный карандаш, он мог буквально вскипеть. Это уже не говоря о грубой ошибке, допущенной молодым лейтенантом при определении места корабля. Иной раз сухой педантизм штурмана, его нетерпимость сказывались на настроении людей, и мне приходилось вести с ним нелегкие беседы.

В то же время все офицеры знали, что вне службы этот двадцатидевятилетний холостяк был добродушным человеком.

В открытую дверь штурманской рубки я видел широкую спину Петра Омельченко. Даже в его позе — озабоченность. Стараясь не мешать штурману, я осторожно прошел в рубку и встал около командира. Столяров чуть подвинулся, давая возможность видеть карту.

В штурманской рубке размещено много приборов, обилие таблиц, графиков, монограмм. Восхищает особое, видимо, присущее только штурманам, изящество в написании заголовков, подборе некричащих нежных тонов в расцветке графиков. Расцветка — не украшательство, она подчеркивает главное, помогает найти нужные сведения. Главное в рубке — стол автопрокладчика. Он царственно оттесняет все другие приборы. Слева в небольшом уголке сиденье — место штурма-

на. Здесь любит, уютно устроившись, посидеть и сам командир атомохода.

На гладкую прозрачную поверхность стола положена навигационная карта. По ней медленно двигается световой зайчик, обозначая курс атомохода. Сейчас зайчик совсем близко от берега — рукой подать. В минувшие дни мы довольно часто встречались с командиром у карты и неизменно обменивались репликой: «Зайчик, а ползет как черепаха!» Мы знали, что корабль наш мчится со скоростью курьерского поезда. Об этом свидетельствовали не только показания лага. Это ощущалось по напряженному подрагиванию корпуса подводной лодки.

— Ну что, комиссар,— повернулся ко мне Лев Николаевич Столяров,— вот и допрыгал наш зайчик до родной земли.

— Почти допрыгал,— принял я шутку командира.

Конечно, на атомоходе совершенная техника, отличные приборы. Но даже такой точный прибор, как корабельный хронометр, и тот имеет свои поправки, пусть небольшие, доли секунды. И все же: удалось ли все учесть? Этот вопрос я тоже задавал себе в последние часы нашей кругосветки. Сомневался? Нет. Был уверен. Уверенность основывалась на выучке, духовной и технической зрелости людей, их страстной готовности с честью выполнить задание Родины.

...Сигнал ревуна ворвался в отсеки. Значит, сейчас начнется всплытие. Вижу взволнованные лица.

Командир атомохода занял место у перископа. Звучат команды, от которых мы уже отвыкли: «Приготовиться к всплытию», «Акустик, прослушать горизонт», «Боцман, всплыть на глубину ... метров!».

Лев Николаевич прильнул к окулярам перископа. Все мы смотрим на командира, пытаясь догадаться по его реакции, что он там увидел. Нас должен встретить эскадренный миноносец. «Попали в яблочко?»

Слышу тихий разговор боцмана с рулевым: «Наверху, видать, неспокойно — лодка еще на глубине, а уже качает».

Я взглянул на глубиномер: действительно нелегко удерживать лодку под перископом. И тут же тишину в отсеке прервал властный голос командира:

— Боцман! Лучше держать глубину!

Развернувшись вместе с перископом и осмотрев весь горизонт, командир задержался в одном направлении и тихо проговорил:

— Есть... Кто-то тут есть... Посмотри,— обратился он ко мне,— какой красавец!

В окуляры перископа я отчетливо увидел в вечерней синеве силуэт корабля. После перестройки линз на большое увеличение стал просматриваться и бело-голубой флаг. Советский Военно-морской флаг!

Пока корабли обменивались позывными, пока мы готовили атомоход к переходу в надводное положение, к перископу подходили по очереди все, кто находился сейчас в центральном посту,— от важного степенного старпома до первогодка матроса Щепочкина.

Лишь штурман Петр Омельченко не покинул свою рубку. Выдержал характер. «Попали в яблочко» — чего же суетиться...

А когда был открыт рубочный люк и в центральный пост ворвался гул океана, мы все уже знали, что задание Родины выполнено успешно.

Возглавлявший наш отряд атомоходов контр-адмирал А. И. Сорокин после принятия официального доклада задал командиру корабля и мне массу вопросов. Его интересовало буквально все: и состояние оружия, энергетики и систем подводной лодки, и работа партийной и комсомольской организаций, и питание, и здоровье моряков, и выполнение социалистических обязательств.

...В Кремле начал работу XXIII съезд КПСС. Обсуждая очередную пятилетнюю программу, высокий партийный форум уделил большое внимание вопросам укрепления обороноспособности страны. Съезд бурными аплодисментами встретил сообщение Министра обороны СССР о том, что группа советских атомных подводных лодок успешно завершила кругосветное подводное плавание.

3. ОКЕАНСКАЯ ОДИССЕЯ

У родного причала

«Прощай, любимый город. Уходим завтра в море...» — эти слова чудесной песни Соловьева-Седого так и вертелись на языке, когда я, ежась от утренней прохлады, стоял на мостике корабля. Сквозь сумрак уходящей ночи светились огни порта. Прогромыхал первый пустой трамвай. Главная улица города подступает вплотную к бухте. Прямо с мостика видны неоновые рекламы магазинов. А здесь, на причале, молча прохаживаются вахтенные у трапов боевых кораблей. Расплываются в темноте очертания надстроек, мачт, антенн локаторов. Тишина. Только через каждые полчаса характерным звоном разливается над бухтой колокольный звон — вахта отбивает склянки: один двойной — час, одинарный — полчаса. Корабли не спят. Вижу внизу на палубе инженер-механика с фонариком: он осматривает что-то в ограждении рубки. Быстро пробежал в корму рассыльный. Из боевой рубки выглянул на мостик штурманский электрик. Нет, не спится людям перед дальним походом! Сигнал «Корабль к бою и походу приготовить» прозвучит не скоро, но, видно, не могут люди быть спокойными, уходя в море, надолго оставляя родную землю, друзей, близких.

Как только мы отойдем от причала, наша жизнь будет полностью подчинена интересам выполнения учебно-боевых задач. Мы будем работать, учиться, занимать свои места по тревогам, стрелять по мишени — словом, делать все, что необходимо для победы в сов-

ременном морском бою. На боевом корабле все подчинено тому, чтобы наиболее эффективно использовалось оружие, чтобы корабль был способен победить сильного и опытного противника. Все для боя, все для победы! Тем не менее конструкторы и судостроители сделали немало, чтобы человеку на корабле было удобно. Просторные уютные кубрики и каюты для экипажа, система кондиционирования воздуха, душевые, удобная мебель — все тщательно продумано, взвешено.

Прекрасные корабли вручил нам советский народ!

После длительной службы на подводных атомоходах я снова на надводных кораблях. Но какие это корабли! Я невольно сравниваю их с теми, на которых пришлось служить, бывать у друзей. То были хорошие, красивые корабли, но они ни в какое сравнение не идут с тем, что имеет современный моряк. Во много раз возросла их боевая мощь. Ракетно-артиллерийское вооружение, точные приборы, счетно-решающие машины создали большие возможности для того, чтобы корабли плавали далеко, долго и могли выполнить любую боевую задачу.

Вот и сейчас мы готовимся к дальнему плаванию. Волнение не покидает меня, хотя приходилось и ранее ходить далеко и надолго. Да, романтика странствий крепко живет в современном человеке!

Сколько же соотечественников наших с рюкзаками за спиной спешат посетить самые отдаленные уголки страны, исторические места или просто выбраться за город!

У нас, конечно, не туристический поход. Мы идем в море, чтобы вдали от Родины решать учебно-боевые задачи. Нас ждут и интересные встречи, нам предстоит выполнить официальный визит в Эфиопию.

Несколько дней подряд с командиром отряда и штурманом мы изучали маршрут перехода, район, где предстояло плавать.

Командир отряда контр-адмирал Владимир Сергеевич Кругляков бывал в тех краях не один раз. Когда я задавал вопросы, он охотно и подробно рассказывал.

— Увидишь Африку! Всего насмотришься, испытаешь. Понимаешь,— говорил он,— есть своя, ни с чем не сравнимая поэзия посещения зарубежного государства на борту военного корабля, огромным смыслом наполнен для моряка сам ритуал входа в иностранный

порт. Здесь своя особая красота. Представь себе: личный состав выстроен по большому сбору вдоль борта. Белизной сверкают чехлы бескозырок, словно белой лентой окаймляя голубое море матросских воротников; золотом сверкают, блестят на солнце шевроны и галуны на парадных тужурках офицеров и мичманов...

Я в раздумье наблюдал за начинающим светлеть небом и представил себе, насколько волнующей бывает церемония входа иностранного корабля в порт. Особенно сильное впечатление оставляет салют. Этот обычай салютовать как выражение дружеского приветствия и расположения возник давно, вошел в обязательный ритуал официальных встреч. Говорят, свое начало этот обычай берет со времен парусного флота, когда выстрел означал, что орудие разряжено и пришедший корабль имеет вполне добрые намерения. Хороший обычай! Когда я рассказывал морякам об этом, один из них очень верно подметил, что инициатива Советского правительства о всеобщем разоружении чем-то напоминает этот ритуал. Здесь тоже заложена идея добра и мира.

Дальний поход сопряжен с трудностями. В океане моряка подстерегают неожиданности, суровые испытания, трудная борьба со стихией, моральные и физические перегрузки. Нелегко также переносить разлуку с берегом, родными и близкими. Все-таки, несмотря ни на что, мы все очень земные, и от длительного пребывания в море сильно устают не только люди, но даже и техника. Инженеры нередко пользуются таким термином, как «усталость металла». По-моему, это правильный термин.

Я вспомнил огромный объем работ, выполненный экипажем, и с удовлетворением отметил большой энтузиазм, с которым люди готовились к плаванию. В этом я видел прежде всего умелую работу командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев. Это они вдохновляли личный состав, были впереди на самых трудных участках. Подготовить людей, каждого члена экипажа к активным добросовестным действиям — задача не из легких. Я собирал несколько раз политработников кораблей, готовящихся к походу, и мы обменивались мнениями, как лучше выполнить задачу. Помню, когда прикинули, что надо еще сделать,

то с тревогой подумали: успеем ли? И в самом деле. Политработнику, как говорится, до всего есть дело, но есть нечто такое, что должен сделать только он. Кто, например, как не он, должен проверить укомплектованность библиотеки, какие получены кинофильмы, есть ли в достаточном количестве литература для занятий... Всего и не перечислишь!

Все политработники, в том числе и молодые, понимали необходимость заниматься с каждым человеком, знать настроение каждого члена экипажа, систематически изучать морально-политические и боевые качества участников похода. Офицерам важно быть особенно чуткими и внимательными, уметь понять своего подчиненного, своевременно о нем позаботиться, применять власть тогда, когда этого требует необходимость.

Моряки кораблей, которым предстояло пройти не одну тысячу миль, гордились высоким доверием, искренне стремились пойти в длительный поход. Это радовало и в то же время настораживало. Ведь большинство из них впервые шло в столь длительное плавание. А как они почувствуют себя, когда на смену радостному удивлению и романтике придут усталость и будничное однообразие окружающего мира, кубрика. Они, мои молодые спутники, еще не все знают, что их ждет трудная, полная опасностей жизнь...

Мои мысли прервал командир корабля капитан 2 ранга Вадим Николаевич Подольский. Аккуратный, подтянутый, он подошел ко мне и доложил, что через час начнется приготовление корабля к походу. Это значит, начнут прогревать машины, проверять — уже который раз — системы, работу приборов, станций...

Мы разговорились о последних береговых делах. Командира уже больше не беспокоило, успеем ли все необходимое в плавании получить, подготовить, разместить,— все это пройденный этап! Все успели!

Хочется, чтобы корабль выглядел перед походом опрятным. Допоздна загружали свежие овощи, хлеб и скоропортящиеся продукты, которые обычно доставляют на корабль перед самым выходом в море. Во время ночной погрузки могли нарушить морской порядок, а утром, мы знали, на корабль прибудет командование флота — такова традиция. Вот и хотел командир представить корабль во всем блеске.

Колокола громкого боя разорвали тишину. Корабль словно очнулся и сбросил дремоту. Застучали тяжелые матросские ботинки по трапам, металлу палубы. Загудели включенные агрегаты, приборы... По трансляции прозвучала команда «Корабль к бою и походу приготовить».

Когда было уже совсем светло, на причале толпились провожающие. Они ежились от утренней прохлады, посматривали на корабль. На соседних кораблях моряки тоже поднялись пораньше, чтобы проводить нас. На флоте сложилась добрая традиция: провожать корабли в дальний поход. Выстраиваются экипажи других кораблей, гремит оркестр, проводится митинг, на котором присутствует руководство флота.

Сегодня, как всегда, первым прибыл член военного совета — начальник политуправления флота. Он задал мне массу вопросов, побеседовал с замполитами кораблей. Адмирал шутил, рассказывал смешные истории из своей жизни, и я с благодарностью отметил, что в его прощальных словах не было назиданий и нравоучений,— их уже столько было высказано!

Последние напутствия... Команда «Смирно!», поданная в тот момент, когда командование флота сошло на берег. Над бухтой гремит марш. На мачтах соседних кораблей взвились сигнальные флаги: «Счастливого плавания».

— Сходня на борту,— доложили на мостик с юта.

Корабль вздрагивает — это заработали машины. Винты всколыхнули спокойную гладь воды, на поверхность поднялись мутные, илистые разводья. Корма все дальше и дальше отходит от причала. На его бетоне осталась группа провожающих. Их фигурки становятся все меньше и меньше. А затем совсем сливаются в темную полоску. Они не уходят, ждут, пока корабль не скроется с глаз.

В южные широты

Для меня этот поход имеет особое значение. Глядя на уплывающий берег, на корабли, стоящие в бухте, я невольно вспоминал кругосветное плавание на подводной лодке. Погрузившись под воду, мы не всплывали

на поверхность и не видели ни звезд, ни моря, не вдыхали запаха водорослей. В тесных отсеках подводной лодки человек как бы зажат приборами и механизмами, там негде даже сделать настоящую зарядку, пробежку, размять мышцы. Не то что на нашем корабле. Здесь раздолье! От носа до кормы десятки метров — можно прогуляться. Помещения просторные, светлые. Удобные. Когда мы вышли в открытое море, я с радостью подумал: «А ведь не надо торопиться докуривать последнюю сигарету, жадно глотать свежий воздух! Впереди не будет недостатка в солнце, ночных звездах...»

В последний раз взглянул в сторону берега. Он слился в сплошную полоску. Возвышенности, силуэт города, растительность — все это приобрело одно название — Земля. Она осталась за кормой на много дней.

Ходовой мостик нашего корабля не очень велик, но на нем достаточно места для нескольких человек. Спереди он защищен специальным стеклом, в него вмонтирована «вертушка» — стеклянный диск, который, вращаясь, разбрасывает брызги волн или дождя, позволяя сквозь чистое стекло наблюдать, что впереди по курсу. Вообще-то этой вертушкой не пользуются. Когда плохая видимость, то включается специальная навигационная радиолокационная станция, которая дает возможность вовремя увидеть и принять меры, если по курсу корабля будет находиться другой корабль или плавающий предмет. В рубке много разных приборов. Они обеспечивают управление не только кораблем, но и оружием.

Когда я вошел в рубку, то увидел здесь адмирала — командира отряда. По радио он переговаривался с командирами других кораблей. Принимая от них доклады, Владимир Сергеевич Кругляков удовлетворенно кивал головой.

Наш командир отряда опытный моряк. Он много плавал на надводных кораблях, хорошо знает их. Среди надводников пользуется репутацией грамотного командира-тактика. Как моряк он очень предусмотрителен. Перед походом внимательно разбирался во всех деталях подготовки, терпеливо и внимательно выслушивал доклады не только командиров, но и других офицеров. Его интересовало буквально все, начиная от боеприпаса

до дрожжей для выпечки хлеба, посуды для приемов. Во все он вникал, всем интересовался, до всего ему было дело. Мне особенно нравилось, что адмирал уделял большое внимание политико-воспитательной работе и сам любил общаться с людьми, выступать на собраниях, политических занятиях. Несколько позже я узнал, что эти качества он унаследовал от отца, который был политработником Красной Армии.

Переговорив с командирами кораблей отряда, Владимир Сергеевич молча наблюдал за горизонтом, бросая взгляд то на репитер гирокомпаса, то на тахометр — счетчик оборотов винта. Я понимал, что сейчас, когда корабли вышли в открытое море, на очень оживленную дорогу, где сплошь и рядом встречаются различные суда, нужна особая бдительность. Нам попадались сухогрузы, танкеры, рыболовные сейнеры... Японские, вьетнамские, индийские.

— Видишь, что делается. А ночью, когда войдем в Корейский пролив, там движение еще больше,— обращаясь ко мне, проговорил адмирал.

Я внимательно смотрю на море, на проходящие мимо суда, а сам испытываю чувство радости и подъема. Сколько раз мне представлялась возможность пойти в большой поход в дальние страны, но все не удавалось. И вот мечта сбылась!

Постепенно стал входить в походную обстановку. По опыту я знал, что надо приложить немало усилий, чтобы отладить, отстроить сложный механизм походной жизни. Как всегда, первые несколько дней будет все «притираться». Экипаж начнет вживаться в походный ритм.

До глубокой ночи бодрствовали. Когда окончательно стемнело, мы наблюдали огромное количество рыболовных судов. Они добывали сайру. Яркие ртутные лампы — люстры — словно заревом освещали горизонт. Их было так много, что, казалось, невозможно пройти мимо них, не зацепившись за рыбацкие снасти. Только к утру их стало меньше.

Венок на волне

На Тихоокеанском флоте сложилась хорошая традиция. Когда моряки проходят Цусимский пролив, на корабле проводится памятный митинг, воздается должное героизму и мужеству русских моряков. В этом проливе в мае 1905 года разыгралось Цусимское сражение. Оно показало исключительно высокий моральный дух русских моряков, их мужество, самоотверженность, верность воинскому долгу, но показало также и бездарность царских флотоводцев и отсталость царской России.

Двухдневное сражение — и из двадцати военных судов России с 12—15 тысячами экипажа потоплено и уничтожено тринадцать, взято в плен четыре, спаслось и прибыло во Владивосток только одно («Алмаз»). Погибла большая половина экипажа, взяты в плен «сам» Рожественский и его ближайший помощник Небогатов, а японский флот вышел почти невредимым из боя, потеряв всего три миноносца.

«Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно...» — так, беспощадно обличая самодержавие, резко и со свойственной ему точностью писал Владимир Ильич в газете «Пролетарий» 9 июня 1905 года. Эта статья названа многозначительно «Разгром».

...Грустная мелодия старинного вальса «На сопках Маньчжурии» негромко лилась из динамика. Я поднялся на мостик. Тихое хмурое утро. Море пустынное, нигде не видно ни одного суденышка, а ведь ночью их было так много! Мутные, словно взбаламученные кем-то волны разбегались по сторонам, оставляя белопенный след за кормой.

— Обозреваете место сражения? — тронул меня за плечо адмирал.— А я зашел в каюту, дай, думаю, прихвачу человека на утренний моцион. Смотрю, на столе «Цусима», несколько ленинских томиков. Ну, а где же, думаю, сам?

Помолчали, ожидая, когда доложат о том, что личный состав собран на митинг. Потом спустились с мостика и прошли на ют. Кругом было тихо. Слышны только жалобные вскрики чаек да журчание воды за бортом. Корабль идет самым малым.

Команда «Смирно!» прозвучала над морем. Застыли в строю моряки. Командир четко доложил, что личный состав построен. Мы проходим вдоль строя. Сосредоточенные, серьезные лица. Легкий ветерок треплет матросские ленты. Небо просветлело, и солнце, будто специально ради того, чтобы наполнить жизненным оптимизмом наш грустный ритуал, пробилось сквозь марево тумана и заиграло на меди труб оркестра, на синих с белыми полосками воротниках, на золоте офицерских фуражек.

Открыв митинг, я невольно прислушиваюсь, как странно звучит мой голос, усиленный микрофоном. Давно я не испытывал такого волнения. Волнуются и другие участники митинга.

На середину строя вышел старшина 2-й статьи Станислав Олесик — комсомольский секретарь. Подойдя к микрофону, он взялся за стойку. Мне видно, как дрожат его пальцы. В другой руке — листок бумаги. Это тезисы «на всякий случай». Но они ему не понадобились. Он умеет говорить.

— Флот наш русский славен героизмом и мужеством в борьбе с врагами. Все лучшее, передовое, революционное от русских моряков мы берем себе на вооружение. Будем служить так, чтобы не пришлось краснеть отцам и матерям... Команда турбинистов берет на себя обязательство обеспечить на походе любой режим движения...

Он помолчал, подбирая слова. Встряхнув головой, расправил скомканный листок и прочитал:

— Мы обязуемся нести ходовую вахту только на отлично; не иметь ни одной поломки и предпосылки к ней; сэкономить горючих и смазочных материалов...

Эмоционально приподнятую речь произнес на митинге командир отряда.

Смолкли выступления. Наступила торжественная минута. В тишине раздался взволнованный голос старшего помощника:

— В память героев-моряков, участников сражения в Цусимском проливе, снять головные уборы... Колена преклонить!

Все — от адмирала до матроса — обнажили головы, преклонив колена...

Опять звучит мелодия вальса «На сопках Маньчжурии». Осторожно, медленно опускается на воду огромный венок. На ленте надпись: «Героям Цусимы — от моряков-тихоокеанцев». Взоры всего экипажа устремлены на этот небольшой зеленый островок, который, раскачиваясь на зыби, постепенно удаляется от нас, превращаясь в точку.

И вот над волнами взлетела мелодия «Варяга». Ее подхватили сотни голосов. Пели мы с вдохновением, чувством гордости за тех, кто показал пример героизма и мужества, прославив себя в веках.

Митинг окончен. Корабль вздрогнул, прибавил ход; за кормой взметнулись чайки; винты взбудоражили воду.

Командир отряда заспешил на мостик, а я остался на юте. Мне хотелось побыть с людьми, поговорить с ними. Я подошел к группе матросов, стоявших около обреза. Они вели разговор о русско-японской войне.

— Я читал книгу одного офицера, который вместе с Новиковым-Прибоем участвовал в Цусимском сражении. Не помню его фамилии, но он тоже здорово описал эти события,— сказал мичман-музыкант. Он держал под мышкой валторну и прикуривал сигарету.

— А знаете ли вы, что крейсер «Аврора» тоже участвовал в Цусимском сражении? — вступил я в разговор.

По молчанию и недоуменно-удивленным взглядам я понял, что им надо рассказать об «Авроре», этом прославленном корабле. Готовясь к плаванию, я перечитал литературу о нем. Крейсер отечественной постройки был гордостью русского судостроения. Великолепная броневая защита, мощные орудия, отличные мореходные качества ставили его в разряд лучших боевых кораблей своего времени. В 1904 году в составе эскадры крейсер «Аврора» был направлен с Балтики на Дальний Восток. В неравном бою у острова Цусима крейсер был сильно поврежден. Большие потери понес экипаж. Из пятисот семидесяти человек сто четыре были ранены и убиты. Погиб в бою и командир крейсера капитан 1 ранга Егорьев: в боевую рубку через бойницу ворвался шальной осколок и смертельно ранил его.

Евгений Романович Егорьев, офицер демократических взглядов, пользовался большим уважением экипажа. В память о своем командире умелые матросские руки сделали уникальный его портрет. Сейчас на борту корабля-мемориала «Авроры» он среди прочих замечательных экспонатов. На паспарту, представляющем собой кусок брони, наклеен портрет; сквозь рваную пробоину величиной с ладонь смотрит серьезное, сосредоточенное интеллигентное лицо офицера-моряка. Рамкой этого портрета служат палубные доски крейсера, отшлифованные матросскими руками. Семья Егорьева подарила этот портрет музею. Фамилию Егорьева я услышал, когда служил на «Комсомольце». Он командовал три года «Океаном», с 1901 по 1904 год, то есть до назначения на «Аврору». Авроровцы стойко сражались с врагом, флага не спустили. Вместе с крейсерами «Олег» и «Жемчуг» «Аврора» была интернирована в нейтральных водах.

Наш разговор затянулся. Солнце, пробившись сквозь плотное марево тумана, стало припекать. Корабль развил хорошую скорость. За кормой расходились по сторонам белые полосы буруна. Чайки неотступно следовали за нами. Они то парили над мачтами, то камнем бросались в воду, ловко выхватывая серебристую рыбу. Задумчиво мы смотрели на них. Кажется, можно целый день разглядывать этих спутниц моряков и думать о чем-то возвышенном, далеком...

— Вахрушев! Вахрушев! Ты что, забыл, что на вахту пора заступать? — услышал я громкий голос.

Тут я обратил внимание на молодого матроса, к которому обращались эти слова.

— Извините, товарищ капитан первого ранга,— обратился ко мне высокий худощавый старший матрос-сигнальщик.— Нам с Вахрушевым на вахту пора.

Я с интересом смотрел на молодого матроса, фамилия которого была Вахрушев.

«Надо будет разобраться, сколько с нами таких вот молоденьких моряков,— решил я.— Им следует уделить особое внимание».

С открытым сердцем

В дальнем походе всегда много забот, и в текучке дел важно не упустить главного — внимания к человеку, кто бы он ни был — рядовой или руководитель.

Сегодня, постучавшись, в каюту вошел секретарь партийной организации корабля атлетического сложения старший лейтенант Шашкин. В руках он держал обернутые белым ватманом книги, рабочие тетради. Я спросил его, зачем же он принес все свои партийные документы, ведь я хотел познакомиться с делами парторганизации, а не с бумагами. Он недоуменно вскинул брови:

— А как же иначе будете знакомиться? Без документов? Когда у нас проверяли, то прежде всего просматривали протоколы, ведомости уплаты взносов.

Он бережно держал чисто обернутые книги и как бы досадовал на то, что проверка принимает иной оборот. Похвалив секретаря за опрятное содержание документации, я взял книгу планов и поинтересовался, с кем обсуждал план.

Старший лейтенант потупил взор. Он никому не показывал свой план. Так он делал раньше, когда приносил план заместителю командира корабля по политчасти, так он поступил и сейчас.

— Значит, собственное творчество: сам составил — сам буду выполнять? Так, что ли? — спросил я его.

— Почему же? Потом ознакомлю всех...— обиженно промолвил секретарь.

— Нет, вы поймите меня правильно.— Мне хотелось его успокоить.— Как бы ни были мы учены, все же, как говорится, мы не семи пядей во лбу. Коллективный разум мудрей. Люди вам всегда что-то подскажут, что-то посоветуют. Составленный коллективно план будет более реальным и жизненным.

Чем дольше я беседовал с офицером, тем больше убеждался, что секретарь партийной организации — старательный и трудолюбивый офицер, но, к сожалению, пока еще не познал существа партийной работы. Поэтому я старался терпеливо передать ему свои знания и опыт.

Шашкин, соглашаясь со мной, изредка кивал головой. В то же время было видно, что он испытывал не-

ловкость за себя. Безусловно, план легче составить, если поговорить с коммунистами, но вот он, секретарь, упустил это из виду. Постепенно разговор наш стал откровенным. Молодой офицер испытывал желание выговориться. Он всего-навсего первый год секретарь и, естественно, порой встречает трудности. По специальности он артиллерист, любит свою профессию за точность расчетов, за стройность систем управления огнем. Осваивая сложную ракетную технику, он не жалел времени для учебы. Новое грозное оружие покорило его. В каюте на полке у него собрана целая библиотека по ракетно-артиллерийскому оружию. Он жадно читал все, что относилось к истории развития оружия, интересовался новинками. Три года назад его как передового офицера приняли в ряды партии, а чуть позднее повысили в должности. Когда начальник политотдела вручал ему партийный билет, он сказал: «Теперь у вас прибавятся дополнительные обязанности. Теперь с вас будет двойной спрос; как с командира и коммуниста».

Когда его избрали секретарем партийной организации, он принял дела — две папки документов — и вместе с ними несколько советов: как рассчитывать взносы, оформлять протоколы, составлять план. Он регулярно проводил партийные собрания, в срок сдавал партийные взносы. План работы составлял вовремя. (Только все они, как две капли воды, походили друг на друга.) Документы были в порядке, и его никто никогда не упрекал. Инструктор политотдела, проверив однажды партийную документацию, похвалил секретаря. Так укоренилась в сознании секретаря мысль, что он освоил тонкости партийной работы.

Первый урок офицер получил после того, как на корабле были обнаружены серьезные промахи в работе с людьми. Тогда, беседуя с ним, начальник политотдела высказал замечание, что на корабле слабо поставлена работа с активом. Оказывается, многие коммунисты знали о непорядках, но считали, что это дело начальства, и проходили мимо. Руководство увлекалось совещаниями, и некогда было заняться с людьми.

Многое после понял секретарь. Случилось так, что политработник корабля заболел, и лейтенант волей-неволей стал ответственным за всю политико-воспита-

тельную работу. Вот тогда он по-настоящему стал постигать сложное искусство работы с людьми, умение организовать дело.

Надолго ему запомнилось одно партийное собрание, на котором выступили все присутствовавшие. Вопрос об ответственности коммуниста за положение дел на корабле задевал каждого. Полезные советы и рекомендации перед собранием высказал работник политотдела. Собрание осталось в памяти. Внешне, когда оно началось, казалось, что ничего не изменилось,— все тот же состав коммунистов, то же место собрания — кают-компания, тот же докладчик — командир. А начались выступления, и все поняли, что собрание особенное, оно резко отличалось от прежних. Коммунисты расходились после собрания оживленные. Каждый испытывал удовлетворение оттого, что высказал наболевшее, и горел желанием внести свой вклад в улучшение дел на корабле. Получилось так, что коммунисты повернулись как бы сердцем к людям, к экипажу, а экипаж, в свою очередь,— к делу, к кораблю... Вот в этих-то условиях и была поставлена экипажу задача — готовиться к длительному плаванию. Она утроила силы экипажа. Несмотря на короткие сроки, люди успели сделать все что полагалось.

Просматривая план партийной работы, я видел, как аккуратно расчерчены линии, как цветным карандашом обведены пункты и подпункты плана. Вот она, артиллерийская аккуратность. Однако, ознакомившись с планом, я вынужден был заметить:

— План не учитывает характера, особенностей нашей задачи, положения в экипаже. Давайте порассуждаем. Мы находимся в плавании. В таких условиях трудно провести какое-либо массовое мероприятие, а вы планируете одни собрания, совещания, встречи, вечера. Думаю, надо поменьше таких массовых мероприятий, оставить только важные. Стоит подумать, может, каждому коммунисту поручить какое-либо дело — побывать на боевом посту, поговорить с людьми. Надо выделить работу с молодыми командирами, которые не обладают навыками воспитания личного состава. У нас таких мало, но все же они есть. Молодые офицеры — это, как правило, люди, склонные к администрированию. Сейчас в море все много работают, уста-

ют, и грубость, окрик недопустимы. Запланируйте беседы с такими «воспитателями»...

После первого знакомства, той памятной беседы, у меня сложились с этим офицером добрые отношения. Мы нередко вели с ним обстоятельные разговоры о жизни, службе, семье. Мне было приятно делиться мыслями с этим молодым человеком.

Шторм

— Что-то не нравится мне этот мутно-голубой небосклон,— говорил командир отряда.— Видишь, белесая тучка ширится? Кажется, будет шторм. Посмотри, и медуз не видно. Эти хитрые бестии за сутки чувствуют шторм!

Я крутил головой, но ничего не замечал. Солнце по-прежнему палило нещадно. Океан, поблескивая чешуей бликов, лениво вздыхал. Легкий, едва ощутимый ветерок залетал в рубку и, потрепав листки вахтенного журнала, затихал. А лучи солнца, пробившись сквозь брезентовую завесу, шарили по углам, скользя по приборам, картам. Вахтенный офицер, ощутив, как в такт качке медленно ползет солнечный зайчик по его лицу, чуть отвернулся в сторону.

Ничто, казалось, не предвещало перемены погоды. Но командир отряда все же меня спросил:

— Как качку-то переносишь? Вы, подводники, народ избалованный. Не любите находиться над водой. Чуть что — и нырк в глубину, там тихо...

Я заметил ему, что, конечно, подводники-атомники с качкой знакомы, только когда под перископ подвсплывают. Подводники же дизельных лодок часто бывают над водой: то зарядку аккумуляторных батарей производят, то еще что-то, и испытывают большие неудобства от качки, особенно когда она бортовая.

Пока мы разговаривали, на мостик поднялся офицер и доложил:

— Надвигается циклон, товарищ командир. Нам следует изменить курс, чтобы от него уклониться.

Командир отряда сердито посмотрел на него:

— Что-то поздно срабатывает ваша служба, штурман.

Вскоре наш корабль изменил курс, но крыло циклона все же нас накрыло. Ветер завывал в снастях. Косматые брызги, срываясь с гребней волн, залетали на палубу. Небо затянуло серой пеленой.

Приближение шторма по-своему действовало на адмирала. Он сделался непоседливым, сердитым. В тот момент он никому не давал покоя, а если кто попадался под руку, громко отчитывал провинившегося. Он вызвал на мостик боцмана и строго спросил его:

— Почему не закреплены шлюпки?

Молодой рослый старшина переминался с ноги на ногу.

— Только что закончили работу...

— Команду слышали? — наседал командир.

— Так точно!

— Буду обходить корабль, и если что увижу незакрепленным, пеняйте на себя. Можете идти.

Боцман загремел ботинками по трапу, и только он скрылся, как в дверях показалась фигура старшего лейтенанта — интенданта корабля. Кажется, его-то и ждал командир отряда.

— Олексюк!

Тот откликнулся.

— Слышали, что надвигается шторм? Так вот, предупредите вестовых, чтобы ни одна тарелка не разбилась. Хватит после каждого похода списывать битую посуду. Пусть все уложат крепенько и во время приема пищи не зевают. Все проверьте! Ясно?

Интендант ушел, а я попытался утихомирить командира.

— Не слишком ли, Владимир Сергеевич, стращаешь всех этим штормом?

Командир отряда, сняв пилотку, погладил короткие седеющие волосы и усмехнулся.

— Знаешь, однажды мне пришлось изрядно покраснеть за морское невежество своих подчиненных. Ждали мы приезда главкома, члена Военного совета, руководства флотом. Готовились тщательно. Все было хорошо. Главнокомандующий вышел на крейсере в море. Экипаж действовал четко. Отлично отстрелялись. У руководства настроение было хорошее. У нас тем более: приятно, когда есть что показать. И вот за день до возвращения в базу посвежел ветер, подня-

лась волна. Крейсер раскачало. С вечера было еще терпимо, а ночью... Хлопают броняшки дверей — не закрывает матрос на кремальеру, не приучен. Грохот и звон побитой посуды разбудил начальство. Главком мне ничего не сказал, но после за обедом выразил удивление, что еще, мол, сохранились тарелки на этом крейсере... А член Военного совета заметил, что, дескать, ночью была стрельба, наверное, частное учение проводили, каюта сотрясалась от грохота. Это был намек на то, что моряки не приучены двери закрывать... А объяснение всем этим фактам одно: нет должной предусмотрительности, отвык экипаж от плавания в штормовую пору. А ведь это и есть элемент морской культуры. Надо всегда готовиться к сильному шторму, а будет слабый — значит повезло...

Тем временем дыхание шторма ощущалось все сильней. Бугристая поверхность океана как бы дымилась пенистыми шлейфами. Набегавший порывами сильный ветер срывал брызги и яростно бросал на палубу. Корабль начало валить то на один, то на другой борт. Адмирал словно чего-то выжидал. Наконец сказал, посмотрев на часы:

— Пора пройтись по боевым постам. Пошли посмотрим, как у них с морской выучкой.

Проходить по коридорам, спускаться по трапам было непросто. Палуба то убегала из-под ног, то давила снизу вверх. Приходилось крепко держаться за поручни, а по трапу спускаться, чуть согнув колени, как на лыжах. Обойдя две-три рубки, мы спустились в машинное отделение. Здесь было очень жарко. Особый специфический запах теплого масла, легкого угара от краски, обычный запах машинного отделения был мне знаком еще с матросской юности. Грохот турбины и вентиляторов мешал вести разговор. Тем не менее адмирал, стремясь пересилить шум работающих механизмов, расспрашивал командира группы. Лицо офицера было бледное. Он явно страдал от духоты и качки.

— Ну как последняя тренировка аварийной партии?

— Можно сказать, уложились в норматив,— как-то неуверенно доложил офицер.

Он был в комбинезоне. На руках следы масла. Лейтенант, видно, не был белоручкой.

— Что это за «можно сказать»? Сколько минут заделываете пробоину?

Лейтенант ответил.

— Вот так и надо докладывать.

Адмирал оглядел машинное отделение. Здесь было трудно найти свободное место: всюду приборы, агрегаты, блоки...

— Все закрепили по-штормовому?

— Так точно!

Командир отряда прошел в дальний угол.

— А это что?

На кожухе лежали гаечный ключ, несколько болтов.

— Разберитесь, чьи это инструменты, и накажите своей властью.— И чуть мягче заметил:— Надо быть построже и повзыскательней, дорогой товарищ лейтенант.

Командир отряда поднялся наверх, а я задержался и спросил лейтенанта, почему норматив дается с трудом.

— Люди потом обливаются,— лейтенант был явно растерян.

— А есть такие, кто тяжело вахту несет? — спросил я.

— Всякие есть,— грустно улыбнулся лейтенант.

Я указал на ключ с болтами и покачал головой. Он виновато потупился, перебирая скользкие от масла болты и злополучный ключ, не зная, куда их девать. Машинисты сочувственно посматривали на лейтенанта, готовые разделить наказание за свою халатность.

Океан бушевал. Корабль то проваливался, словно в бездну, так, что дух захватывало, то поднимался на огромный гребень. В борт с силой бухали набегавшие волны, и над срезом кормы били фонтаны брызг. Ходить по кораблю было опасно. Зайдя в укрытие, адмирал снова отчитал боцмана за то, что тот слабо укрепил бочки, в которых хранились огурцы, селедка, капуста.

— Надеетесь на авось да небось. Закрепить и доложить,— приказал он. А потом, как бы объясняя мне, добавил: — Видно, неопытный боцман, не понимает, что, как начнет бушевать стихия, тогда все, что не закреплено, будет за бортом. А может, и хуже того... Помнишь, как Гюго про пушку здорово написал! А та-

кая бочка, что твоя пушка, начнет калечить и крушить все на своем пути.

Проходя мимо дежурной рубки, адмирал крикнул офицеру:

— Передайте по трансляции: ходить по верхней палубе запрещается.

Обойдя корабль, мы снова поднялись на мостик. Придерживаясь за ограждение, адмирал долго смотрел на бушующий океан, на ходивший вверх и вниз нос корабля, а затем, обращаясь ко мне, спросил:

— Наверное, думаешь: зачем командир отряда пошел по кораблю, по постам, да еще и тебя прихватил? — он пытливо посмотрел на меня.

В ответ я пожал плечами и сказал, что бывают такие моменты в службе, когда нужно самому проверить, самому убедиться. Выслушав меня, адмирал удовлетворенно крякнул и отдал распоряжение, чтобы командиры всех кораблей отряда доложили о мерах предосторожности в штормовых условиях плавания. Вскоре такие доклады поступили. Они успокоили адмирала. Но на короткое время. Повернувшись к корме, осматривая с мостика надстройку и дымовую трубу — нет ли шлейфа,— он вдруг взял меня за руку, как бы говоря: «Смотри, что делается». Я увидел, как два молодых матроса поднялись на надстройку. Из двери камбуза выглядывала голова в белом колпаке. Подняв тяжелые мешки и балансируя, матросы, еле держась на ногах, стали спускаться вниз.

Лицо адмирала сделалось мрачнее тучи. Он негодовал: кто догадался послать матросов на надстройку в такой шторм? Тут же выяснилось: это сделал дежурный по камбузу. Он по-своему рассуждал: шторм не шторм, а обед-то готовить все одно надо! К тому же предупреждения, команды с мостика он не слышал — кто-то выключил динамик громкоговорящей связи на камбузе.

Владимир Сергеевич высказал командиру корабля свое недовольство и приказал еще раз продублировать команду, а впоследствии сам выступил по трансляции и рассказал о важности неукоснительного выполнения распоряжений, поступающих с ходового мостика.

Между тем шторм свирепел. Бушующий океан бросал стальную махину корабля, словно скорлупу. Брызги

носились над палубой. Шум волн заглушал все звуки. Огромной силы удары сотрясали корпус.

Поступил доклад на мостик: кое-кто из моряков страдает морской болезнью. Адмирал покачал головой и обернулся ко мне:

— Как чувствуешь себя?

Я ответил, что не очень хорошо, но терпимо.

— Да, морская болезнь не разбирает ни рангов, ни чинов. Знаешь, как Нельсон мучился? Я сам знал одного командира, которого в сильный шторм страшно мутило, но, что удивительно, он не подавал вида. Кремень человек... Вот и Подольский такой же,— тихо сказал он, указав на спину командира корабля, который был занят со штурманом.

Владимир Сергеевич помолчал, а я ему сообщил, что вчера морякам была прочитана лекция о физиологии морской болезни и что врач разъяснил, как надо вести себя, чтобы побороть эту болезнь... Адмирал удовлетворенно кивнул головой. Только к утру шторм утих. Форштевень упрямо разрезал волны.

Лаг отсчитывал милю за милей. Мы шли на юг.

Ужинали уже спокойно: не ловили ни вилок, ни ножей. На юте группами собрались матросы покурить, с удовольствием подставляя лицо под нежную теплынь южного солнца. По обоим бортам корабля на отвалы волн выскакивали стайки летающих рыбок. Но пока их еще мало и они не больше обычной кильки. В полете напоминают не птиц и не стрекоз, а, скорее, кузнечиков.

Океан жил своей жизнью.

Трудная профессия

В иллюминатор заглянуло яркое ослепительное солнце. Океан почти бесшумно, с тихим однообразием катил свои волны. Выйдешь на верхнюю палубу, и на тебя пышет жаром. Невольно переносишься в родные края: сейчас там прохладно...

Личному составу выдана облегченная форма одежды. Смотрю на моряков — выглядят они необычно — забавные пилотки с большими козырьками делают их похожими на героев фантастических романов.

Перед обедом обходил кубрики. Как далеко шаг-

нули мы в благоустройстве и размещении матросов, старшин и офицеров! Почти в каждом кубрике — телевизор, бытовые уголки.

В одном из кубриков обратил внимание на наглядную агитацию. Сделана она по-современному, с использованием новейших материалов, зато в другом стенды и витрины вызвали чувство досады: их материалы устарели.

В углу кубрика около иллюминатора увидел металлическую банку с зеленым ростком какого-то растения. Она была аккуратно подвешена на прозрачной капроновой леске. Мой вопрос: «Чья это затея?» — смутил моряков, они молчали, пытались угадать, хорошо это или плохо. Наконец, наклонив голову, поднялся высокий матрос, выпрямиться ему мешала верхняя койка.

— Это я взял с собой... Гладиолус тут,— проговорил он.

Я похвалил матроса, ведь, собираясь в поход, он раздобыл где-то луковицу, чтобы вырастить ее на корабле как память о родной земле...

Последнее время меня все больше интересовали два молодых политработника, оба выпускники Киевского высшего военно-морского политического училища. Как они подготовлены к трудной воспитательной работе? Я уже слышал, что первые их шаги на поприще политработника были нелегки. И вот они у меня в каюте — лейтенанты Виктор Вежис и Николай Чирков.

— Если бы начинал снова учиться, то, наверное, больше внимания уделял бы педагогике и психологии, а также практической стороне дела,— говорит лейтенант Чирков, опустив голову.— Вот вы пожурили меня, что стенд плохой. Я согласен. Но как непросто сделать хороший! То нет людей со вкусом, мастеров, то найдешь такого умельца, а у него по своей специальности дел невпроворот. Или, скажем, так: придешь в кубрик к матросам, а как завязать разговор на интересующую их тему? Все вроде бы заняты делом. Кто читает, кто в шахматы играет... Постоишь, постоишь и уйдешь. Вроде и был у людей, а толку от этого мало...

Чирков умолк, и тут в разговор вмешался Вежис:

— А меня постоянно мучает мысль, что я не успеваю. Каждый раз ложусь спать с мыслью, что надо было сделать и то, и другое...

Долго мы беседовали втроем. Офицеры доверчиво и откровенно делились удачами и горестями. Я слушал молодых политработников и видел себя лейтенантом, выпускником военно-морского политического училища. И мне, до того как пришел работать с людьми, все казалось легко и просто. Первые дни наивно полагал, что хорошая беседа или тематический вечер создадут нужный настрой и будет решена проблема воспитания. А потом жизнь научила, что это совсем не так.

До сих пор помню случай, когда я, молодой комсомольский секретарь, рассказывал молодежи о героической борьбе ленинградцев в годы Великой Отечественной войны. Рассказывал о голоде, о бомбежках, артобстрелах, которые сам пережил. Как мне казалось, рассказывал эмоционально и убедительно и думал, что беседа удалась. Но каково же было мое удивление, когда, придя в курилку, где собрались комсомольцы, я, никем не замеченный, услышал, как кто-то сказал:

— Ну и травить горазд наш лейтенант. Говорит — по нескольку дней во рту крошки хлеба не держали...

Я тихонько вышел, обиженный и оскорбленный. Спустя много лет я убедился, что одной-двумя беседами проблему воспитания не решишь, только путем кропотливой воспитательной работы с каждым можно повлиять на человека, воздействовать на него.

Как-то при встрече с курсантами Киевского высшего военно-морского политического училища мне задали вопрос: «Почему вы стали политработником, а не командиром?»

Вопрос был непростой. Действительно, почему я избрал профессию политработника? Может, потому, что перед моими глазами прошла служба кристально чистых, благородных партийных работников, которые олицетворяли собой образ бойца-коммуниста. Может, потому, что профессия политработника более подходит мне по духу, по своему характеру. Я видел, как политработники из людей разного склада, характера, воспитания, привычек создают коллектив, экипаж, способный решать любую боевую задачу. Мне лично нравилась эта работа тонкостью, неожиданностью. Именно неожиданностью, которая вдруг проявляется в человеке в тех качествах, которых ты добивался. Что может быть благороднее миссии воспитателя! Пройдут годы, ты

встретишь матроса, старшину или офицера, с которым служил в одном экипаже, и встретишь как родного. Часто он уже достиг в жизни немалого и с благодарностью вспоминает годы трудной флотской службы, многие мили океанских походов, в которых формировались характеры. А разве мало счастливых минут выпадает, когда получаешь весточки от своих воспитанников, когда видишь, что труды твои не пропали даром. Да, очень необходима и нужна профессия политработника. Партия придает большое значение деятельности армейских и флотских политработников, уделяет пристальное внимание политической работе на кораблях и в частях.

Все это, конечно, известно лейтенантам. За годы учебы в училище они в полной мере осознали ответственность, которая возложена на них партией. Училище обогатило их знаниями, вооружило первоначальными навыками воспитателя, внушило им благородные стремления. Придя на корабли после четырех лет учебы, они показали отличную штурманскую подготовку и глубокие идейно-теоретические знания, верность делу, которому они посвятили себя. Что же касается опыта в организации политического и воинского воспитания, то это дело наживное. Были бы стремление, желание и любовь к флотской службе, к нелегкой почетной профессии военного моряка. Все остальное приложится.

Дела походные

Океан. Кругом неоглядный простор. Пустынный, безбрежный и в то же время наполненный особой жизнью. Каждый день океан выглядит по-разному: то спокойный, цвета бирюзы, ласковый, то темно-синий, волнистый, совсем хмурый, штормовой, неприветливый.

Всего несколько дней длится наше плавание, а океан успел показать нам свой норовистый характер.

После шторма мы наслаждались чудесными красками, прозрачной ясностью голубого неба, ласковым теплом щедрого солнца. На верхней палубе команде разрешено быть по пояс раздетыми. Пока еще солнце не жаркое, врач пошел на это, но предупредил, чтобы не увлекались — можно обгореть. Я с удовольствием подставил спину под лучи вечернего солнышка.

Наслаждаясь тишиной, теплом и простором, я всматривался в горизонт и думал: пустынно очень, хоть бы посудина какая прошла, что ли. И в этот момент сигнальщик доложил. «Справа десять — цель, идет влево, предполагаю — военный корабль».

На мостик вышел адмирал.

— Что там за цель? Военный, говоришь? Ну-ка дай оптику.

Он взял бинокль и долго смотрел в сторону точки, которая постепенно приобретала очертания небольшого серенького корабля.

Это был тральщик, который шел почти тем же курсом, что и мы. Наши матросы придирчиво рассматривали его, перебрасываясь замечаниями:

— Да, не очень-то следят там за порядком. На бортах — грязные потеки, матросы ходят в чем попало. На военном корабле, а терпят такое!

Тральщик даже не поприветствовал нас, хотя наш корабль по классу выше, значит, старше, поэтому приветствовать должен был первым тральщик.

Военные корабли приветствуют друг друга горном или свистком, а при встрече с гражданскими кораблями приспускают флаг. Это морской этикет. Нарушение его возмутило адмирала. Он приказал дать на тральщик семафор с напоминанием о вежливости.

По тому, как оживились на корабле, а в бинокль было хорошо видно, что там делалось, мы поняли, что они признали свою бестактность. Команда выстроилась. На мостике голый по пояс, но в фуражке, офицер взял под козырек.

Адмирал сердито махнул рукой, видимо, недовольный приветствием, и скомандовал вахтенному офицеру:

— Прибавить обороты!

Наш корабль вздрогнул и начал набирать скорость. Тральщик стал отставать, а затем постепенно скрылся за горизонтом.

— А вот еще один гость,— сказал командир отряда.

На горизонте показался крупный самолет. Это был американский патрульный самолет «Орион». Он быстро приближался к кораблю, летел низко, почти над водой.

Мы хорошо видели знаки государственной принадлежности на крыльях и стабилизаторе. Пролетев по корме, самолет развернулся и прошел теперь по носу,

затем сделал несколько галсов параллельно нашему курсу и удалился.

— Повежливее стали, не безобразничают, как раньше, придерживаются соглашения,— пояснил мне адмирал.— Раньше, бывало, идешь спокойно, вдруг откуда ни возьмись выскочит на тебя самолет, летает над самыми мачтами, того и гляди зацепит! Ну летал бы рядом, как сегодня, а то нет — над самым кораблем, да еще атаку изображает. Раньше стоило нам появиться чуть подальше в океане,— продолжал адмирал,— как сразу подходил иностранный корабль и запрашивал: «Зачем вы пришли в наше теплое море?» Хотя на корабле прекрасно знали, что море открыто всем. А сейчас никого уже не удивляет, что мы плаваем. Приучили.

Было время, когда империалисты постоянно бряцали оружием, угрожали нам атомной бомбой... Флоты ведущих морских держав капиталистического мира безраздельно властвовали на просторах мирового океана. Демонстрация силы, военно-морской мощи были возведены в ранг государственной политики. Теперь это позади. Волею партии, замечательными руками советских судостроителей, наших славных тружеников, создан могучий океанский ракетоносный флот. Теперь советские красавцы корабли плавают по всем океанам, наши моряки зорко несут морскую вахту, учатся в совершенстве владеть оружием и боевой техникой в разных климатических условиях.

Как-то я обратил внимание на двух небольших птичек, похожих на ласточек. Частенько в море наши пернатые друзья доверчиво отдыхают на мачтах или антеннах судов. Иногда, выбившись из сил, они садятся куда попало, даже у самых ног людей, позволяют брать себя в руки, совершенно не защищаясь. Я присмотрелся и убедился, что это были действительно ласточки. Не знаю почему, но мне было очень приятно наблюдать за их стремительным полетом, легкостью, с какой они облетают тонкие нити антенн, топы мачт. И все время рядом с кораблем. Я не видел, чтобы они садились отдыхать, но, очевидно, на ночь они устраивались где-нибудь на корабле. Моряк, стоявший рядом со мной, сказал, что заметил их еще два дня назад, они так и

летели рядом с кораблем. До ближайшей земли было неблизко, за два-три часа не долетишь!

Мне вспомнилось, как однажды на нашу подводную лодку уселась целая стая скворцов. Тогда, после долгого пребывания под водой, мы всплыли всего на несколько часов. Едва только показалась из воды рубка,— а я в это время наблюдал в перископ,—как скворцы стали садиться везде, где не было воды. Когда мы продули главный балласт, то насчитали около двух десятков птиц. Они не обращали внимания на то, что корпус лодки подрагивал, гремел дизель: мы заряжали аккумуляторную батарею... Отдохнув, птицы, словно по команде, сразу поднялись в воздух и скрылись в направлении к берегу.

Сейчас до суши далеко, несколько дней ходу. В Индийский океан нам предписано проходить через Сингапурский пролив. Со всех сторон Тихого океана — с юга, востока, севера — к этому проливу тянутся пунктирные линии, обозначающие международные грузовые и пассажирские коммуникации. И хотя до пролива еще далеко, но уже сейчас навстречу нам попадается все больше судов под разными флагами. Бойкое место, живой район!

Мои раздумья прервал замполит корабля. Тронув за руку, он тихо отозвал меня из штурманской рубки, давая понять, что у него есть сообщить мне что-то срочное. Он был взволнован. «Случилось что-то неприятное»,— подумал я.

— Пропал матрос Вахрушев, сигнальщик,— сказал замполит.

— Как, пропал? — не понял я.

— Вот уже несколько часов ищем и никак найти не можем. Он должен был в шестнадцать заступить на вахту, не пришел, а сейчас уже скоро восемнадцать...

Я взглянул на часы: было без четверти шесть. «Полтора часа, а не «несколько часов»,— подумал я, а замполит продолжал:— Искали везде, в кубрике — нет, в рубке — тоже. Мы уже и по трансляции объявляли несколько раз. Все безуспешно.

— Не горячитесь, не суетитесь,— сказал я ему как можно спокойнее.— Может, спит где-нибудь.

Я был уверен, что здесь какое-то недоразумение. Тем не менее озабоченность замполита меня насторо-

жила. Я мысленно представил себе Вахрушева, молодого матроса. Не все ладилось у него со службой. Я сам видел, как его отчитывал командир корабля за несвоевременный доклад о встречном судне. Вспомнилось мне, как сердито, в сердцах его ругал за какую-то оплошность старшина сигнальщик, называя «недотепой»... Мне тогда пришлось вмешаться и утихомирить не в меру усердного воспитателя.

Расстроенный, я спустился вниз. Надо было доложить о происшествии командиру отряда.

Не успел я дойти до каюты командира, как услышал возбужденные голоса. По коридору шла группа моряков во главе с замполитом. Среди матросов я увидел Вахрушева. Лицо его было заспанное, спокойное. Кипятился замполит, что-то взволнованно говорил старшина и виновато посматривал на меня, видно, вспомнил «урок вежливости»...

— Ну, что, нашелся?— спросил я у замполита.

Тот, хмурясь, показал на матроса и с укоризной бросил:

— Явился, не запылился.

Я пригласил замполита с Вахрушевым в каюту, отпустив остальных.

— Ну так где же он пропадал? — спросил я замполита.

— Пусть сам расскажет, я еще толком не разобрался. Старшина команды привел его ко мне.

— Я сам пришел, никто меня не приводил,— буркнул матрос.

Как мне показалось, он не чувствовал себя виноватым. Наоборот, он был больше обижен.

Из разговора выяснилось, что Вахрушев просто-напросто проспал. Но спал он не в кубрике, где положено, а на верхней палубе, в шлюпке, под брезентом. Я удивился: как можно было там спать — ведь душно и жестко?

Опустив голову, Вахрушев молчал.

— Ну, что же молчите, докладывайте,— требовал замполит. Мне почему-то вспомнились мои молодые матросские годы. Тогда я тоже мог спать даже в самом неудобном месте. Был со мной случай, похожий на этот. Я забрался однажды за щит турбогенератора, куда с большой опаской заглядывали сами электрики, и

безмятежно проспал несколько часов беспробудным сном. Помню, тоже досталось тогда от мичмана.

— Пусть идет, заступает на вахту,— распорядился я и порекомендовал замполиту провести работу с младшими командирами Вахрушева, чтобы не слишком усердствовали, занимаясь воспитанием незадачливого сигнальщика.

Вечером в кают-компании объектом острот и подначки был старший лейтенант, начальник Вахрушева. Ему желали получше изучить все укромные места, где могут устроиться, чтобы прикорнуть, его подчиненные.

Сингапурским проливом

Теплая звездная ночь незаметно опустилась на море. Она словно подкралась. Еще полыхали от заходящего солнца облака, а с востока надвигалась темнота. На сине-зеленом небе сначала тускло, а потом все ярче замигали звезды.

На мостик поднялся командир отряда. Он прошелся от борта к борту. Сделал несколько приседаний.

— На лодках, наверное, совсем плохо: размяться негде?— спросил он.

— Не так уж плохо,— ответил я.— Кто хочет, тот всегда найдет возможность сделать зарядку. А уж приседание, самое простое упражнение, может сделать каждый и в любой тесноте. На подводных лодках имеется специальный инвентарь, эспандеры, гантели. Даже спортзал есть. Надо сказать, подводники умеют рационально пользоваться спортивным инвентарем и рады любой возможности подышать свежим воздухом. Это на надводных кораблях избалован народ простором, обилием солнца и воздуха. Подводники не видят такой красоты. И только в редких случаях, когда подводная лодка подвсплывает на перископную глубину, через оптику можно увидеть всю прелесть океанского простора.

Владимир Сергеевич помолчал и задумчиво сказал:

— Уж так, наверное, человек устроен, что он по-настоящему ценит только то, что теряет или не имеет.

Нам навстречу то и дело попадались встречные суда. Зеленые и красные огоньки — отличительные огни

правого и левого бортов — то и дело появлялись и исчезали. Видимость была отличная, но мы шли малым ходом. Штурман рассчитал наше движение так, чтобы к проливу мы подошли рано утром.

— Ну что, надышались? Пора и отдыхать. Завтра, вернее, уже сегодня утром, начнем самый сложный участок плавания,— сказал мне адмирал.

Проснулся я от непривычной тишины. Выглянул в иллюминатор. Чуть брезжил рассвет. Поднявшись на мостик, убедился, что корабль лежит в дрейфе.

Несмотря на ранний час, на мостике было многолюдно. Здесь уже был и командир отряда. Он стоял в рубке. Освещение в ней было выключено, чтобы лучше видеть впереди по курсу. Ждали, когда рассветает.

— Ну, что же, пора, наверное,— сказал командир, бросая взгляд на часы. «Самый малый!» — скомандовал он вахтенному офицеру. Корабль слегка вздрогнул: турбинисты дали ход.

Слева, в утренней дымке просматривались гористые берега — это Индонезия. В бинокль виден остров Батан, а рядом с ним остров Бинт. Острова густо покрыты тропическими лесами. Никаких строений не видно, будто это необитаемая земля. Справа — остров Сингапур. На нем располагаются порт и столица самостоятельного государства.

Трудно переоценить роль Сингапура, этого крупнейшего морского порта, расположенного на пути из Тихого в Индийский океан, а по существу, на пути с Дальнего Востока в Европу и Африку.

Создав здесь в свое время мощную военно-морскую базу, правящие круги Великобритании надеялись, что одетая в железобетон, оснащенная тяжелой дальнобойной артиллерией морская крепость сумеет противостоять любому флоту. В канун второй мировой войны многие военные специалисты не сомневались в неприступности этой крепости. Тем не менее жизнь опровергла их уверенность.

Разгромив американский флот в военно-морской базе Пирл-Харбор, японские вооруженные силы развили активные действия по захвату островных и континентальных территорий противника. Понимая, что взять с моря такую мощную крепость трудно, японский гене-

ральный штаб разработал план захвата крепости с суши. В начале февраля 1942 года 70-тысячная сухопутная армия провела ряд успешных операций на Малаккском полуострове. 8 февраля японцы форсировали узкий Джохорский пролив, который отделяет остров Сингапур от материка, высадились на нем, захватили аэродром и водохранилище. Лишенные воды защитники крепости через неделю сдались...

Теперь уже не как крепость, а как крупнейший торгово-промышленный и транспортный центр славится Сингапур. Через морской порт проходит до шестидесяти пароходных линий.

Сквозь утреннюю дымку видны высокие дома. Они поднимаются над зеленью — это конторы, банки, магазины торгово-промышленных компаний. Нам открылась часть порта. В этом районе города расположилось большинство промышленных предприятий — судостроительные верфи, судоремонтные заводы.

Идем самым малым ходом. Нужно соблюдать осторожность. На вахте самый опытный рулевой. То и дело уточняет маршрут по створам штурман. Движение судов здесь очень оживленное. Друг за другом проходят суда многих наций. Теплоходы, танкеры, сухогрузы...

Я исподволь наблюдаю за сигнальщиком Вахрушевым. Меня интересует, как повлияла на него и его начальника, младшего командира, история с розыском. Судя по всему, для Вахрушева это был хороший урок. Матрос бойко докладывает о встречных судах и шлюпках, которые нам изрядно докучают своим опасным маневрированием. Вот промелькнула почти под самым нашим форштевнем какая-то пирога. Два гребца, как каноисты, стоя на одном колене, ловко орудуют веслами. Пока пересекали курс, что, в общем-то, осуждается моряками всех стран, они гребли изо всех сил. Было видно в бинокль, как напряжены их лица. Как только пересекли курс, сразу же устало бросили весла, заулыбались, стали махать нам руками. Это были мальчишки.

— Вот сорванцы,— беззлобно ругнулся штурман,— уши бы вам надрать, помахали бы тогда руками.

Затем вынырнул небольшой катерок под тентом. На нем группа в несколько человек. Это уже не ребята,

а солидные мужчины. Они с фотоаппаратами, кинокамерами, снимают нас, проходя совсем рядом. Они тоже пересекли курс, перейдя на другой борт, продолжая фотографировать.

— Во второй половине дня покажу тебе сказочный остров Сатуму, расположенный прямо на фарватере,— сказал Владимир Сергеевич.

Действительно, Сатуму с маяком Рафалс похож на остров из сказок. Белоснежный, оригинальной формы маяк окружен высокими пальмами. Глядя на остров, я решил его зарисовать.

К вечеру берега постепенно раздвинулись. Пролив стал шире. На горизонте показались парусные, очевидно рыбацкие, шхуны. Три жестких паруса, изготовленных из джута, подобно вееру разделенные реями, придавали им приличную скорость.

Вечерело. Не хотелось уходить в каюту. Вестовой уже несколько раз приглашал к столу на ужин. Я медлил, а потом вспомнил, что вечером во время ужина мы должны отметить день рождения начальника штаба отряда Анатолия Григорьевича Грукало. В океане любое событие приобретает иную окраску, чем в обычных условиях на берегу. В море и день рождения отмечается по-особенному. Прежде всего о нем знает весь экипаж. Имениннику посвящается боевой листок, о нем рассказывает радиогазета. Коки обязательно испекут праздничный пирог. И так каждому члену экипажа.

В кают-компании было оживленно. Стол накрыт как обычно, только перед каждым стоял бокал с фруктовым соком. Владимир Сергеевич пожелал имениннику и дальше заполнять свою флотскую биографию сотнями, тысячами миль океанского плавания и, конечно, пожелал доброго здоровья.

Анатолий Григорьевич улыбался. Из сорока трех он прослужил на флоте более половины. Плавал на подводных лодках, на надводных кораблях. Он обладал великолепными морскими качествами: умением быстро ориентироваться в сложной обстановке, проявлять выдержку и хладнокровие. Это был очень общительный, приветливый человек, который охотно помогал людям. Причем делал это с удовольствием, так, будто для себя. Никогда он не жаловался на трудности,

наоборот, чем труднее была обстановка, тем больше он шутил. Все эти качества и вызывали симпатию к нему со стороны всего экипажа. Поэтому мы с особым удовольствием отмечали его день рождения.

Было весело. По традиции коки испекли большой пирог. Внес его торжественно кок старшина 2-й статьи Владимир Агапов. В безукоризненно белой куртке и таком же колпаке, он собственноручно поднес пирог виновнику торжества. Мы замерли, рассматривая это произведение кулинарного искусства.

В тот вечер мы долго засиделись в кают-компании. У всех было праздничное настроение.

Самый теплый океан

Напрасно мы ждали вечерней прохлады. Было душно. Спать не хотелось, несмотря на то, что день был трудовой. Прохаживаемся с Владимиром Сергеевичем по сигнальному мостику. Под ногами вздрагивает корпус корабля, чуть-чуть покачивает. Влажный теплый ветерок доносит сладкий, пряный аромат каких-то цветов и горьковатый запах дыма.

— Чувствуешь, землей пахнет? — заметил командир отряда.

Справа от нас бисером сверкают линия ртутных ламп и более тусклый пунктир еще каких-то огоньков.

— Это домики рыбаков,— поясняет Владимир Сергеевич.— А ртутные лампы — это автотрасса. Она тянется вдоль побережья.

Вскоре огоньки скрылись за горизонтом. Только светлая береговая черта обозначалась в темной густоте тропической ночи. Над нами дрожали крупные тропические звезды — такие крупные и яркие, каких не увидишь у нас.

Вахтенный доложил, что вошли в Индийский океан. Индийский океан — самый теплый среди других океанов. Он меньше Атлантического и Тихого. И все же океан есть океан. Если, скажем, на Мальдивских островах занимается день, то в Африку он придет только через одиннадцать часов.

Раньше мне не доводилось бывать в Индийском океане. Сейчас, всматриваясь в фосфоресцирующую

темноту воды и отраженные звезды, я думал о событиях далекой древности. Вспоминались первооткрыватели и великие путешественники, перенесшие немалые испытания, исследуя Индийский океан и материки Юго-Восточной Азии. Среди них наш соотечественник купец из Твери Афанасий Никитин. Он и сушей, и морем добирался до Индии и оставил интересное описание далекой страны. Через полвека португалец Васко да Гама причалил к индийскому порту Калькутта, но местные жители встретили его недружелюбно — пришлось убираться восвояси. Я представил, что где-то здесь, рядом, пролегал курс армады русских судов под командованием адмирала Рожественского.

Русские моряки часто бороздили Индийский океан, месяцами плавали по его просторам. Они стойко переносили трудности плавания в тропиках. Русские писатели К. Станюкевич и И. Гончаров, пересекая этот океан, восторгались восходами и закатами солнца, ласковыми порывами ветра, переливами волн, прозрачностью воды и нарисовали превосходные картины морского пейзажа, флотского быта, но больше всего их восхищала сила духа русских моряков, которые все переносили в тропиках — и зной, и качку, и тяжесть корабельных работ, и суровое обхождение начальствующего состава.

И вот сейчас теми же курсами плывем мы.

Утро. Наш корабль легко скользит по поверхности воды. От форштевня отваливаются в стороны пласты волн. Стайки летающих рыбок планируют по ходу корабля. Словно зачарованный, стою у борта и не могу оторваться от этого живущего своей жизнью мира. И вдруг надо мной раздается голос:

— Смотри, смотри, дельфины! Во дают! Надо же — сколько их!

Подняв голову, я увидел на сигнальном мостике двух моряков-сигнальщиков. В одном я узнал Вахрушева.

И я залюбовался стайкой дельфинов — их было не больше десятка. Они следовали один за другим, выпрыгивая из воды, показывая темную блестящую спину с острым плавником. То обгоняя корабль, то отставая, они словно играли с нами. Уходя под воду, дельфины скользили темной тенью, а потом появлялись снова.

Один из дельфинов выскочил так близко, что мы увидели блестящий добрый глаз.

— Смотри, как близко! Вот ружьишко бы! — азартно воскликнул Вахрушев.

Я взглянул на него с упреком, и он, заметив мой взгляд, сконфузился.

Пришлось поведать ребятам несколько удивительных историй об этих дружелюбных животных. С особым интересом слушали моряки мой рассказ о белом дельфине Джеке, который, как лоцман, помогал парусным судам пересекать пролив Кука в Новой Зеландии. Говорят, благодарные мореплаватели поставили ему памятник.

Матросы слушали внимательно, а когда я закончил, сослуживец тронул Вахрушева и с укором кивнул головой, как бы говоря: «Эх ты! Ружьишко...» Матросы ждали продолжения рассказа, и я припомнил, как на Черном море, в районе Евпатории, к пляжу близко подплывал молодой дельфин, играл с детьми, позволял им кататься на себе.

Наш разговор прервал командир отряда. Поднявшись на мостик, он отчитал вахтенного офицера:

— Нельзя давать такие распоряжения, дорогой товарищ! На съедение акулам, что ли, выбрасываете эту бумагу? Безобразие! Сколько можно повторять одно и то же...

Адмирал кивнул в сторону кормы:

— Посмотри, что там делается...

Я увидел за кормой плавающий картонный ящик. Он и был причиной гнева адмирала. Обычно на корабле бумагу и мусор сжигают на корме в металлическом обрезе, чтобы не засорять океан. Адмирал строго следил за тем, чтобы соблюдался порядок во всем и даже в том, как в походе обходятся с отходами и отбросами.

— Недавно читал книгу Тура Хейердала,— сказал он,— и больше всего поразился тому, что среди океана он обнаружил густую пленку нефтеотходов.— Владимир Сергеевич глянул на меня.— Представляешь, как это опасно?.. Я совсем недавно узнал, что две трети кислорода нашей планеты производит не зеленая растительность, а фитопланктон, водоросли океанов... А соляр и мазут губят эти водоросли.

Он вспомнил случай с гибелью танкера «Тори-Каньон» у берегов Нормандии, в результате чего огромная нефтяная масса разлилась вокруг, уничтожив животных и птиц, лишив тысячи семей средств к существованию.

Вспоминая другие случаи загрязнения морей и океанов, мы вошли в ходовую рубку. Склонившись над картой, Владимир Сергеевич указал циркулем на остров:

— Печальной известности остров. На нем живут люди, больные проказой. Здесь они работают, здесь же и умирают...

Вахтенный офицер, который только что получил внушение за выброшенный мусор, оживился: «Гроза пронеслась». Стараясь как-то искупить вину, он услужливо предложил лоцию, раскрыв как раз то место, где говорилось об острове.

— А вот на этом острове, что рядом, есть аптека.— Слово «аптека» лейтенант произнес иронически. Дескать, невидаль какая!

Владимиру Сергеевичу насмешливый тон не понравился. Он нахмурился и исподлобья глянул на лейтенанта.

— Для этих стран аптека — достижение. У нас она на каждом углу, и мы считаем это в порядке вещей, а здесь другой мир, другие законы.

Лейтенант молчал, чувствуя, что опять попал впросак. Он стоял перед адмиралом, виноватый, похожий на школьника, которому только что поставили двойку.

Жаркий, знойный день был на исходе. Постепенно остывал раскаленный металл надстроек. Наслаждаясь прохладой, матросы собрались на юте. Кто-то прихватил гитару. Знакомая русская песня о ямщике лилась над Индийским океаном. Кто-то из русских морских писателей рассказывал, как матросы после тяжелого трудового дня собирались на верхней палубе и пели грустные песни. Сейчас время другое и песни другие. Вот смолкла старинная песня, и в воздух взлетела «На побывку едет молодой моряк». Матросы пели удивительно дружно.

Солнце постепенно склонялось к горизонту. Облака окрасились багрянцем. По воде будто разлился расплавленный металл. Постепенно тона менялись, превраща-

ясь в палевые, оранжево-сиреневые. Еще мгновение — и солнце опустилось за горизонт, напоследок полыхнув багряным светом. Лишь карминно рдели освещенные кромки облаков. Через закатный свет едва пробивались звезды — они еще едва заметны. А с противоположной стороны горизонта, откуда наступала ночь, была видна узкая полоска нарождающегося месяца.

Необычайная встреча

Многими милями отмерено наше плавание. Перед Новым годом, пересекая экватор, мы весело отметили праздник Нептуна, с традиционным омовением в купели, которую боцман соорудил из досок и брезента. Свита Нептуна подготовила концерт. Веселые часы были хорошей разрядкой для снятия усталости и напряжения. Такая разрядка в длительном плавании необходима.

За долгую службу в Новый год мне доводилось бывать на глубине, под водой, приходилось встречать его в походе в море, но еще никогда я не отмечал этот праздник в Южном полушарии под созвездием Южного Креста.

Стояли тропические душные ночи. Липкая влага океана теплым компрессом охватывала тело. Сначала не было привычного новогоднего настроения. Сказывалась тропическая жара. Даже, когда на юте зажглась мастерски сделанная из поролона и бумаги, совсем как настоящая, красавица елка, и тогда было трудно поверить, что подошел Новый год.

Тем не менее постепенно мы настраивались на праздничный лад. Получили поздравительные телеграммы от главнокомандующего, члена Военного совета — начальника политуправления Военно-Морского Флота, от родных и близких, их добрые напутствия, пожелания счастливого плавания. Все это окрыляло, придавало силы. Моряки с глубоким удовлетворением воспринимали внимание руководства Военно-Морского Флота к нам, к нашим делам, заботам.

Мне вспомнились встречи с членом Военного совета — начальником политического управления Военно-Морского Флота адмиралом Гришановым В. М. Меня

поражала и восхищала его целеустремленность, умение увидеть главное. Те сборы, совещания и семинары, которые он проводил, выливались в поучительные уроки работы с людьми, партийного подхода к оценке положения дел в экипаже.

Встречаясь с экипажами кораблей, он умел найти доброе слово, внести спокойствие и уверенность в успех. Учил командиров и политработников умению работать с людьми, заботиться о них. Моряк, прошедший большую жизненную школу, адмирал понимал, что в длительном плавании трудно, там нет мелочей. Поэтому он одинаково внимательно относился как к вопросам боевой подготовки, комплектованию экипажа, так и к таким, скажем, на первый взгляд не масштабным проблемам, как получают ли люди письма, предоставлен ли всему экипажу отдых...

...На юте, возле елки, поставлены столы. Весь экипаж должен быть вместе. Офицеры, мичманы, старшины, матросы — все за одним столом, единой дружной семьей.

Радисты позаботились о том, чтобы здесь, наверху, были слышны новогоднее поздравление правительства и бой кремлевских курантов.

— С Новым годом, товарищи! Нашей Родине — ура! — поднял кружку со сливовым соком командир отряда. Троекратное «Ура!» пронеслось над океаном. С удовольствием потягивая холодный сок из запотевшей матросской кружки, я на минуту представил себе заснеженный морозный родной городок на берегу Тихого океана, семью... затосковал даже.

После ужина смотрели концерт самодеятельности. Затем начались аттракционы, веселые викторины, конкурс на лучшую песню, пляску.

Утро Нового года принесло некоторую новизну. Прежде всего кончился душный штиль. Море посвежело. Небо покрылось белым маревом. Сквозь дымку пробивалось солнце, но оно не обжигало, как это было несколько дней подряд. В снастях мачт стали слышаться печальные нотки посвиста ветра. На волнах появились белые гребешки.

— Вот уже до трех баллов надувает,— заметил долговязый старшина сигнальщик.

Вахту сегодня он нес один. Вахрушева, которого он постоянно обучал, с ним не было. А когда я поинтересовался, где же Вахрушев, старшина ответил, что у них, у сигнальщиков, теперь нет учеников — все могут нести вахту самостоятельно. Вахрушев сдал все зачеты и теперь несет вахту наравне со всеми.

— Вообще-то он парень ничего, только пока за ним глаз да глаз нужен,— сказал старшина.

Я невольно улыбнулся. «Глаз да глаз нужен» — это поговорка старшего лейтенанта, командира боевой части один — штурмана. Подражают нам матросы и старшины, подмечая порой то, чего мы сами не видим, не замечаем. А Вахрушев, конечно, будет стараться, поскольку ему наконец доверили нести самостоятельную вахту. Паренек он очень самолюбивый.

Для кого написаны уставы

Густая беззвездная ночь опустилась на корабль. Плавная качка сменилась резкими толчками. Шторм усиливался. Ночью я просыпался несколько раз. Громыхнула, ударившись о палубу, настольная лампа. Зазвенела пепельница. Посыпались книги, неосторожно оставленные мной на шкафу. Опять притупилась бдительность: долгое плавание в штилевых условиях — и мы снова забыли о коварстве морской стихии. Я отругал себя за беспечность.

Прибрав все, я опять лег, пытаясь уснуть. Долго ворочался, раздумывая о нашем плавании. Лаг отсчитал много тысяч миль, прошло уже несколько месяцев, как мы оставили родные берега. Каждый изрядно соскучился по земной тверди, по родным и близким. Несколько раз мы получали почту. Ее доставляли нам попутным грузом проходящие суда или танкеры. Всегда приближение этого момента вызывало волнение и оживление у членов экипажа. Весточки с Родины ждал каждый. Получить телеграмму хорошо, но разве можно сравнить ее с письмом! Никакая телеграмма не передаст той теплоты, какую принесет письмо!

Море расшумелось совсем некстати. На днях мы должны встретиться с танкером, который вместе с другими грузами передаст нам почту. Там будут письма,

написанные в прошлом году, но все равно для нас они желанные. Письма — самый лучший новогодний подарок для моряков! Кто-то верно подметил, что, когда мужчины долго остаются одни, без женского общества, они теряют капельку мужества. Мне кажется, в этом есть доля правды.

Море двояко действует на моряка: с одной стороны, оно закаляет, делает его сильным, выносливым, а с другой — более чувствительным, сентиментальным, мягким. Даже самые завзятые прозаики и те берутся за томик стихов, слушают лирические песни.

Ждал писем и Владимир Сергеевич. Недавно на реплику матроса, что неплохо бы получить почту, он сказал:

— Дорогой мой! Я тоже жду писем. Думаешь, адмиралы не тоскуют?

Заснуть мне так и не пришлось. Сбросив влажную, теплую простынь, я оделся и решил пройти по кораблю. Обойдя кубрики, я спустился в машинное отделение.

Машинисты и котельные машинисты, или просто кочегары, как их называли раньше, любят, когда к ним заглядывают начальники. Поэтому я стараюсь не проходить мимо машинного или котельного отделения, когда обхожу корабль. Здесь, по-моему, всегда самая трудная вахта. Грохот мощных турбин, и, словно из пасти дракона, полыхает душный жар, который, по сравнению с теплом на верхней палубе, кажется невыносимым. Вида не показываю, что жарко. В довершение всего качка не дает спокойно стоять и, чувствуя горячую поверхность клапанов, испытываю напряжение, как бы не схватиться за что-нибудь и не обжечь руку. Машинисты, прямо скажем, держались молодцом. Бойко доложил старший смены. Весело, словно им шторм нипочем, улыбаются и вахтенные. Воздав должное подтянутости нижней вахты, я выбрался наверх.

Сквозь темноту угадывался сердитый океан. Сейчас он совсем другой, не тот лучезарно-ласковый, курортный, а жестокий и опасный. Его горько-соленый вкус постоянно ощущаешь на губах, стоит только подставить под ветер лицо. Сильный ветер срывает гребни волн, они хлестко бьют в скулу корабля, накрывая всю надстройку тучами брызг.

Я промок до нитки, пока добрался до ходового мостика. Теплая вода нисколько не освежала. Я уже взялся за рычаг, чтобы открыть плотно задраенную дверь, как волна накрыла меня с головой. Трудно передать то состояние беспомощности, какое испытал я в тот момент. Горько-соленая вода захлестнула с ног до головы. Мне стало жутко. Дышать нечем. Руки ослабли, пальцы судорожно скребли гладкую поверхность металла. К счастью, волна схлынула, и я ощутил тяжесть всего тела. С трудом поднявшись и выбрав момент, я довольно быстро по скобтрапу взобрался на сигнальный мостик, ноги у меня дрожали. Не передать того удивления, какое было написано на лице вахтенного сигнальщика. Еще бы! По этому трапу на сигнальный мостик забирались только матросы. Чуть отдышавшись, я постоял рядом с матросом, каясь, что поступил необдуманно, отправившись в ненастную погоду по кораблю не через штормовые проходы, которые позволяют, не выходя на верхнюю палубу, пройти в любое помещение корабля, а верхом.

Отжав куртку и брюки, я незаметно вошел в ходовую рубку. Здесь была спокойная, деловая обстановка. Над картой склонился штурман, что-то вымеряя циркулем.

Все заняты делом. Ничего не случилось! Все смотрят вперед. «Унесла бы волна,— подумалось мне,— и никто бы не нашел и не заметил...»

Чувство стыда и горечи испытывал я целый день.

Стало светать. Утро занималось медленно, словно нехотя. Низкие облака, цепляясь за мачту, быстро проносились над кораблем. Две стихии словно слились воедино, и невозможно было различить, где кончается море и начинается небо.

Побритый, румяный адмирал зашел в рубку. Здесь стало тесно. Не от его крупной фигуры, а оттого, что он постоянно двигался, смотрел на показания приборов, задавая вопросы, требовал повторить доклады... Потом, угомонившись, стал рядом со мной и тихонько сказал:

— Сегодня у нас свидание. К вечеру рандеву с танкером. Письма получим!

— Хорошо,— заметил я,— только в такую погоду танкер не подойдет.

— Ну не скажи,— запротестовал Владимир Сергеевич.— К тому времени погода еще десять раз переменится! Штурман!.. Сколько миль до точки? Нет, отставить! Рассчитайте время встречи! — Он сам подошел к карте, взял у штурмана измеритель и сказал: — Придется пораньше выйти на рандеву. А погода переменится, помяни мое слово,— закончил он убежденно.

Настроение командира отряда повлияло на всех в рубке. Улыбается рулевой, перебрасывается взглядом с радиометристом. Я давно заметил, что настроение адмирала отражалось на настроении экипажа. Это закономерно и естественно. Человек, наделенный большой властью, обладающий немалым командирским авторитетом, создает настроение. Конечно, у каждого человека есть свои слабые и сильные стороны. Их видят все, кто работает рядом, их видят подчиненные. Люди вообще-то великодушны, они снисходительны к человеческим слабостям. Они простят ошибку и промах. Но не простят высокомерия, фальши, двоедушия. Таких недостатков не было у нашего командира отряда. В большом и главном он был верен себе — беззаветно отдавался делу, которому служил. Как подлинный военный, он по-настоящему готовил себя к тому, чтобы руководить боем. Нередко его можно было видеть за расчетами различных вариантов морского боя или за изучением военных теорий и концепций. Он хорошо понимал значение и роль политико-воспитательной работы. Охотно сам выступал перед личным составом и тщательно готовился к каждому выступлению. Оратором он был хорошим, умел зажечь людей, овладеть вниманием аудитории. Сейчас, в условиях трудной штормовой погоды, Владимир Сергеевич видел, что настроение у нас неважное, и понимал необходимость повлиять на людей, создать атмосферу уверенности.

— К обеду посветлеет, море поутихнет, получим весточку из дома. Потом проиграем учение со стрельбами...— сказал он.

Но к обеду не посветлело, хотя барометр показывал на улучшение погоды. Море оставалось беспокойным. За столом я поделился своим ночным приключением. Рассказывал я, подтрунивая над собой. Однако мой рассказ не вызвал улыбки. А командир отряда, сер-

дито взглянув на меня, укоризненно покачал головой и сказал, обращаясь к офицерам:

— Вот вам еще одно подтверждение той мысли, которую я вам высказал на сегодняшнем занятии, что в море нужно твердо выполнять корабельный устав, правила, которые сформулировала сама жизнь. Волна не разбирает, кого смыть за борт — адмирала или матроса-первогодка.

Я почувствовал себя неловко и попытался обратить все в шутку.

Великая сила конверта

Предположение адмирала все же оправдалось. Погода начала улучшаться. Сквозь тучи стало проглядывать солнце, хотя волна не уменьшилась и качка продолжалась.

Закончив инструктаж агитаторов и пропагандистов боевых смен, я оставил в кают-компании политработников, чтобы послушать их о том, каково настроение личного состава. В целом я был удовлетворен их докладами. Больных нет. Вахту моряки несут.

— Настроение хорошее,— радостно сообщил лейтенант Вежис,— команда ждет писем!

Все заулыбались. Было видно, что каждый думал о почте, которая приближалась. Мне уже доложили, что с танкером ведет переговоры по радиотелефону командир отряда, что радиометристы видят судно на экране. Закончив беседу, я направился на мостик. Трудно объяснить, почему меня, словно магнитом, притягивало к тому месту, где чуть ли не случилось непоправимое. Мне хотелось еще раз, теперь уже днем, при более спокойном море пройтись тем же ночным маршрутом. Ветер стихал. Личному составу было разрешено ходить по верхней палубе. Я остановился около той двери, ручка которой спасла меня от большой неприятности. Глянул вперед и увидел довольно близко корму танкера. Постояв, я по скобтрапу, тем же путем, что и ночью, забрался на сигнальный мостик. Правда, не с той быстротой, которую ночью мне придавал страх. Оба сигнальщика, прильнув к окулярам оптических приборов, внимательно рассматривали танкер. Меня они не заметили, поэтому весьма откровенно обменивались репликами:

— Сейчас она опять, наверное, выйдет.

— Молодая? Красивая?

— Лет тридцать. Буфетчица, наверное, или повариха.

Я узнал Вахрушева и попросил у него бинокль. Он смутился, покраснел.

— Ну-ка, что там интересного вы увидели? — Я взял бинокль.

Мне видна была только кормовая часть судна. Танкер шел впереди нас по курсу с той же скоростью. Я понял замысел адмирала. Раз погода свежая и волна приличная, то лучше перегрузку провести кильватерным способом.

На танкере видна чуть подзакопченная труба с красной полоской и изображением серпа и молота. Аккуратно покрашена белая надстройка. На юте в тельняшке-безрукавке загорелый человек. Он набирает колечками бросательный конец. Делает это медленно, не спеша. Торопиться некуда: от нашего форштевня к кормовому полуклюзу танкера тянется толстый капроновый трос. По нему будут передаваться грузы.

Вдруг в надстройке открылась дверь и показалась женская фигура в голубом сарафане. Женщина посмотрела в нашу сторону, постояла в задумчивости, и тряхнув головой, выплеснула воду из миски за борт.

— Некультурно... за борт прямо! Нет на нее нашего старпома,— засмеялся старшина.

— Да, непорядок. Это грубое нарушение корабельных правил. У нашего старпома получила бы два наряда,— поддержал я его шутку.

Быстро, сноровисто действуют матросы обоих экипажей. Отлажена система тросов, по которым побежали ящики, мешки. Протянулся шланг для топлива...

Мешок за мешком скользит наша почта. Сильные матросские руки подхватывают их бережно, осторожно передают вниз, в закрытое помещение. Через несколько минут разобранная почта будет роздана по каютам, кубрикам, рубкам. Зашуршат листки почтовой бумаги, притихнут ненадолго люди, схватывая быстро новости. А потом, выбрав свободную минутку, уединившись, подробно, слово за словом, вновь перечитают написанное.

Шелестят газетные страницы. Люди жадно читают. Нет-нет да сорвется возглас удивления:

— Надо же! У нас новая линия метро! А я даже не знал. Вроде бы внимательно радио слушал...

— А у нас в поселке комбинат бытового обслуживания открылся,— заметил другой.

Вечером, уютно устроившись в кресле, я стал перечитывать письма. «...На здоровье не жалуемся. Дела в школе у Алеши идут хорошо... Сергей прислал коротенькое письмецо, собирается приехать на каникулы к нам. Курсантская форма ему идет... А по вечерам тоскливо и одиноко... Про вас все знаем. Каждую пятницу ходим на прием к начальнику политотдела...»

Хорошая традиция сложилась в нашем соединении — командование проводит еженедельный прием членов семей тех, кто находится в длительном плавании. Жены с детьми приходят в Дом офицеров, как на свидание с мужем и отцом. Здесь они узнают о том, как проходит плавание, высказывают свои просьбы. Они с достоинством переносят нелегкое одиночество, ревниво оберегают доброе имя жены моряка. Между ними складываются те особые отношения солидарности, какие бывают только у семей военных моряков в отдаленных гарнизонах. И если у какой-то из них не хватит сил ждать, не устоит перед соблазном, то самым строгим судьей ей станут они, кто предан, верен...

Вечерний чай в кают-компании проходил оживленно. Главная тема разговора — домашние новости. Хороший заряд бодрости придали они экипажу. Несколько молодых офицеров получили благоустроенные квартиры. У кого-то прибавление в семье. С лица молодого папаши не сходит улыбка. Еще бы! Разве не приятно узнать, что родился сын с таким же подбородком, с такими же, как у тебя, глазами!

— А мне вот какой привет прислали,— говорит старший лейтенант, показывая листок ученической тетрадки, на котором запечатлена детская ручонка — маленькая пятерня, обведенная карандашом.

— А как у вас дома? — спрашиваю я инженер-механика.

Он слегка покраснел: человек он очень скромный, даже застенчивый. Достал из нагрудного кармана пач-

ку плотной бумаги и показал нам. Детский рисунок привлек наше внимание. Огромный серый пароход с ракетами, орудиями плывет по синему бурному морю. Голубое небо, оранжевое солнце. Из трубы корабля валит черный дым.

— Хорошо рисует сын, но в школе не только рисование ценится, там надо знать еще и арифметику, и русский... Вот и жалуется на него учительница, что ему бы только рисовать да рисовать.

— А может быть, из него Айвазовский выйдет? — шутит адмирал, рассматривая детские рисунки.— И, видно, сын знает, за что папку командир ругает: вон какой шлейф дыма нарисовал.

Все засмеялись. Настроение было приподнятое, праздничное...

Теплым ласковым утром я зашел в штурманскую рубку и здесь застал матроса Вахрушева. Он готовился к заступлению на вахту. Из кармана робы виднелась пачка писем. Я поинтересовался, откуда столько писем. Он чуть смутился и, глядя на меня голубыми глазами, ответил тихо:

— Это все от мамы.

Слово «мама» он произнес по-детски непосредственно, тепло, значит, любит маму. Я разговорился с ним. За невзрачной внешностью угадывалась нежная, добрая натура.

— Ну, что пишет, как жизнь? — спросил я его.

Он пожал плечами, явно не настраиваясь на разговор. И я понял, что так просто с этим пареньком не пооткровенничаешь. Здесь нужен постепенный подход.

— Я слышал, что вы теперь допущены к самостоятельной вахте? — перевел я разговор на служебную тему.

Он улыбнулся, показав белые ровные зубы, и утвердительно кивнул головой.

— Несу сам, замечаний нет, вчера командир проверял, как я по международному своду сигналов читаю, похвалил,— сказал он, опустив глаза.

— Ну, что же, молодец, только больше в шлюпку не забирайся, а то долго искать, да вахту неси так, чтобы лучшим сигнальщиком стать. Слышал, сейчас

конкурс объявлен на звание лучшего сигнальщика?

Вахрушев неопределенно пожал плечами. Помолчал. Затем, взглянув на часы, попросил разрешения заступить на вахту: подошло время.

Корабли и люди

Корабли и люди... Первое — это неприкосновенная частица советской территории. За границей никто не имеет права посягнуть на ее целостность. На палубах, внутри помещения поддерживаются советский образ жизни, наши обычаи и порядки. Корабль — это родной дом моряка. Вооруженный новейшим оружием и боевыми средствами — воплощением труда советского народа — он втройне дорог моряку.

Названия многих кораблей, которые ныне бороздят просторы океана, хорошо известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Их экипажи — наследники славных традиций старых кораблей, отличившихся в многочисленных морских сражениях. Молодое поколение матросов приумножает их славу — на учениях, в дальних походах, на состязаниях на первенство Военно-Морского Флота. Честь и славу кораблям добывают люди.

Корабли и люди... В океане их связи и взаимоотношения ощутимы наиболее ярко. Моряк так привыкает к своему кораблю, что не мыслит службы на другом. И это оправдано. Когда матрос, старшина, месяцами, годами живет в одном кубрике, несет вахту на привычном ему боевом посту, когда он привык ко всему, что его окружает,— к койке, рундуку,— а главное, сдружился с товарищами, коллективом, когда он освоился в лабиринте корабельных помещений и — завяжи ему глаза — найдет нужный трап, коридор, он ни за что не согласится перевестись в другой экипаж.

Длительное время походный штаб и политотдел отряда размещался на «Возбужденном». Мы сознавали, что наше присутствие доставляло командованию корабля дополнительные хлопоты. «Держать флагманский вымпел и иметь штаб на борту — дело нелегкое»,— говорил нередко адмирал. Он требовал, чтобы офицеры штаба и политотдела не отгораживались от эки-

пажа, активно участвовали во всех его делах. Мы старались избегать «ревизорских» проверок состояния дел в коллективе и придерживались в своей работе принципа: проверяя, помогай. Со временем это сказалось на всем: повысилась эффективность учебы, организация службы, действенность партийно-политической работы.

За время плавания этот экипаж стал для нас родным. И вот настал срок переходить на другой корабль. Мы думали, что командир корабля и заместитель по политической части будут довольны — свободно вздохнут. Но когда узнали, что переходим на «Строгий», оба искренне огорчились. В моей памяти сохранился последний день на «Возбужденном». Контр-адмирал пригласил на мостик командира, заместителя по политчасти и старшего помощника для подведения итогов. В спокойных тонах он отметил их недостатки, высказал советы. Помню, командиру корабля он высказал упрек, что редко обходил корабль, как это положено по уставу, мало бывал на боевых постах и в кубриках у личного состава. Подольский пытался оправдаться, ссылаясь на занятость управлением корабля. Флагман решительно отмел эту отговорку.

— На корабле есть кому подменить вас. Есть офицеры штаба... Вот старпом. Никто не снимал с вас обязанностей руководить боевой учебой, соревнованием, работать с личным составом. Почаще, дорогой, спускайтесь с мостика — на боевые посты, в кубрики. Больше пользы будет от этого.

Позже командир отряда заметил:

— Вообще, у некоторых командиров кораблей есть такая тенденция в море — отсиживаться на мостике, изображать занятого человека. При этом они рассуждают так: дескать, всеми остальными делами могут заниматься старпом и замполит. Это же в корне неправильно!

Перед сходом флагман долго беседовал с командиром корабля — давал советы и наставления. В свою очередь, у меня состоялся обстоятельный разговор с замполитом «Возбужденного» Петром Федоровичем Никишиным. Впечатление о нем у меня сложилось

неплохое. Конечно, в таком сложном деле, как политическая работа, трудно все охватить, но Никишин — человек старательный, работящий, стремился ничего не упустить.

Расставание с кораблем, что расставание с родным домом. С грустью оглядываешь каюту, где столько прожил, что была свидетельницей встреч, бесед. Обходишь корабль, где стал знаком каждый выступ, рым, трап.

И вот настал момент прощания. На верхней палубе выстроилась команда. На военной службе ценится сдержанность. Командир отряда строго по-уставному обошел строй моряков, вглядываясь в них — почти всех он лично узнал за время похода. Затем не спеша вышел на середину строя и поблагодарил всех за службу, пожелал успехов.

Последние минуты на корабле... Прощаемся с командиром корабля, его заместителем по политчасти, старшим помощником. У трапа покачивается катер. Сходим, вскинув руки к козырьку — последнее отдание чести флагу. Команда «Смирно!», и катер, вздрогнув, берет курс к «Строгому».

Я невольно бросил взгляд на сигнальный мостик. Там увидел матроса Вахрушева. Он держал руку под козырек. Я ему махнул рукой. Он улыбнулся и, чуть оторвав руку, тоже приветливо помахал мне в ответ. Чем-то дорог стал мне этот молодой матрос, который буквально на глазах проходил испытание океаном, превращаясь из ученика в опытного моряка.

С середины пути мы, не сговариваясь, оглянулись на «Возбужденный» и удивленно вздохнули: до чего же красив и грозен он издали, залюбуешься!

Вскоре увидели во всей красе другой корабль. Он отличался от того, на котором мы были, но в плавности обводов и стройности линий не уступал. Как только ступит нога адмирала на трап, на мачте взовьется флагманский флаг...

Корабли и люди... Помнились корабли, но больше все же люди.

Длительное плавание в отдалении от родной земли расценивается моряками как почетное государственное задание, и они гордятся своей ответственной миссией, стремятся выполнить ее с честью.

В океане была получена радиограмма, что матросы и старшины, отслужившие свой срок, будут отправлены на Большую землю для увольнения в запас. Были составлены и объявлены перед строем списки тех, кто подлежит увольнению.

Эту весть не все моряки встретили радостно. Вечером в каюту командира постучался старшина 1-й статьи Иван Полтавский — старшина башни, авторитетный, примерный моряк. Глянув на него, командир сразу догадался, что старшина пришел по какому-то необычному делу, и, отложив все дела, приготовился выслушать его.

— По личному вопросу, товарищ командир,— волнуясь, сказал он.— Прошу меня не отправлять на Большую землю. Посудите сами: корабль будет решать в океане ответственную задачу, а в этот момент я должен его покинуть. Что же это получается? Словно с поля боя ушел... Я так не могу...

Я смотрел на старшину, и чувство гордости за наших замечательных людей поднялось в сердце. Ведь плавание в океане тяжелое, но, несмотря на это, человек хочет остаться на своем боевом посту.

В те дни многие, кому предстояло уволиться в запас, обращались с просьбой оставить их на корабле, и это патриотическое движение моряков чем-то напоминало стремление фронтовиков не покидать передний край боя. Вот так живет исстари в российском человеке эта благородная черта, идущая от горячей преданности нашему общему делу.

Мастер на все руки, патриот своего дела, душевный и общительный советский матрос не раз вызывал удивление у многих зарубежных деятелей. Во время визита в одну из дружественных стран советский корабль посетил адмирал иностранной державы. Проходя по верхней палубе, он пристально всматривался в жизнерадостные лица наших матросов, а потом спросил, сколько лет этим молодым парням. Наш командир отряда ответил:

— Восемнадцать-девятнадцать лет.

Гость вскинул брови:

— Неужели? Как вы плаваете с такими мальчиками? Ведь они очень молодые и, наверное, еще ничего не знают и ничего не умеют. Скажу вам: на наших

кораблях плавают моряки в возрасте тридцати — тридцати двух лет.

— У нас другое дело,— сказал командир отряда.— Наши моряки имеют среднее, средне-техническое и высшее образование. На корабле они, кроме того, проходят обучение и становятся классными специалистами.

Адмирал удивленно пожал плечами.

— Прямо не верится.— И тут же добавил:— Хотя в вашей стране все может быть.

Наши моряки вызывают горячую симпатию жителей других стран своим поведением, культурой, обходительностью, широтой кругозора. Это особенно стало заметно в последнее время, когда советский флот в большом плавании, когда ежегодно тысячи матросов, старшин и офицеров сходят с кораблей на незнакомые берега.

Одна из зарубежных газет писала: «Как бы там ни было, факт остается фактом: русские завоевали симпатии всех жителей города. Завоевание происходит не силой оружия, хотя его достаточно на этом крейсере. Матросы завоевывают своим поведением, матросы покоряют, а жители капитулируют перед порядочностью моряков».

Чем же это объяснить? Прежде всего, тем, что советские моряки — представители первого в мире социалистического государства, созданного великим Лениным. Они — носители передовой идеологии, марксистско-ленинского мировоззрения, которое близко и понятно честным труженикам земного шара.

Восхищение вызывают не только наши моряки, но и наши корабли. «Я смотрел на ваши эсминцы глазами инженера-кораблестроителя,— сказал инженер Рэко Маркович.— Не берусь судить о их чисто боевых достоинствах, но что касается сугубо конструктивных и мореходных,— это превосходные корабли. Такие способна строить только высокоразвитая в техническом и научном отношении страна».

А вот высказывание капитана 1 ранга ВМС США Гарри Алендорфена: «Почти каждый раз, когда входишь в гавань и вам бросаются в глаза самые чистые и опрятные корабли, то, даже если не смотреть на флаг, вы можете с уверенностью сказать, что из десяти кораблей девять будут русскими».

Чистота и опрятность, красивый внешний вид наших кораблей — это одна сторона дела. Для советского моряка корабль — это больше, чем дом, больше, чем арена боевых действий. Это символ Родины. В дальнем заграничном плавании чувства моряка ко всему отечественному обостряются.

Встречи и расставания с боевыми друзьями по оружию вдали от Родины оставляют глубокий след в сознании каждого. Я это чувство впервые испытал лет десять назад, когда служил на дизельной лодке. После длительного плавания мы увидели встречный советский транспорт — сухогруз. Он отсалютовал нам флагом, дал басовитый гудок. Мы смотрели на своих соотечественников и махали им руками, а они всей командой высыпали на палубу и дружно, приветствуя нас, что-то кричали. Момент был весьма трогательный. Подводная лодка и транспорт удалялись друг от друга, а мы все махали, и на глазах кое у кого выступили непрошеные слезы.

При встречах в океане моряки советских экипажей стараются, если позволяет обстановка, побывать друг у друга. В этом случае они не жалеют ничего для своего собрата — делятся всем, чем богаты: литературой, кинофильмами, запчастями, продуктами и другими запасами.

Как-то к нашему кораблю подошел танкер заправить нас топливом, пополнить запасы. Произведя заправку, капитан танкера Исай Александрович — истинный моряк, проплававший по морям и океанам десятки лет, предложил нам показать концерт художественной самодеятельности. Мы охотно согласились. Как говорится, в океане вдвойне требуются музыка и песни. Вскоре на корабль прибыли самодеятельные артисты. Во главе их был помполит Юрий Михайлович Кочерженко и старпом, были среди моряков и две девушки; им, конечно, достались самые горячие аплодисменты.

Концерт всем понравился, и в знак благодарности мы показали артистам корабль, угостили чаем, а в заключение вручили каждому сувенир. Помполит пригласил нас посетить танкер. «Моряки наши с удовольствием бы послушали ваше выступление,— сказал мне Юрий

Михайлович.— Приходите, а?» На следующий день я был на танкере.

Если внешне танкер выглядел не так щеголевато, как, скажем, военный корабль, то на палубе, в кубриках, которые гостеприимно показывал мне капитан, виден был настоящий флотский порядок, а каюта капитана просто поразила своим уютом и, я бы сказал, комфортом. Просторный салон, шкаф с книгами («Много поэзии»,— отметил я про себя), удобный письменный стол, кресло-вертушка, приемник, торшер — все это создавало обстановку «домашности». Попадая в каюту капитана, совсем забываешь, что ты на судне.

Бесшумно ступая по мягкому ковру, Исай Александрович выставлял чашки для кофе и все время рассказывал, рассказывал... Он был рад случаю встретиться с новым человеком. Другим членам экипажа, в частности помполиту Юрию Кочерженко, его истории уже сказаны-пересказаны. Тот сидит смирно, крутит приемник и с улыбкой поглядывает на капитана.

Наслаждаясь неожиданным комфортом, я удобно устроился в кресле и внимательно слушал капитана. Нет, это не «морской волк», о каком писал Джек Лондон. Мне казалось, что он больше похож на скрипача или виолончелиста. Седая голова, тонкий профиль, длинные пальцы с почти прозрачной белизной кожи, манера говорить — все это как-то расходилось с тем, что он рассказывал. Слова «дрифтер», «топенанты», «крикнул им — майна помалу!» в его устах звучали как-то неестественно. Тем не менее чем больше я его слушал, тем большей симпатией к нему проникался. И он это чувствовал. Мой интерес увлекал его, видимо, и, как все люди подобного склада, он стремился рассказать, удивить, заставить слушателя поволноваться, попереживать. Кстати, ему было что рассказать. Проплавал он на разных судах около пятидесяти лет. Ему сейчас шестьдесят с небольшим. Из его слов выходило, что этот рейс для него последний.

— Вернусь на Родину — и на пенсию,— вздохнул капитан.— Хотя, честно говоря, не знаю, как это будет выглядеть...

Побывал моряк в ста пятидесяти портах мира. Много видел, много знает, и рассказчик превосходный. Исключительная наблюдательность и остроумие делали его рассказы весьма занятными. Особенно внимательно слушал я Исая Александровича, когда он говорил об острове Маврикий. Еще в далеком детстве я услышал, что есть такая страна где-то в Индийском океане. Помогла филателия — ведь даже начинающие собиратели марок знают историю двух марок, изготовленных на этом острове, ставших необычной редкостью из-за ошибки гравера, который вместо слов «почта оплачено» вырезал слова «почтовая контора». Сейчас, внимательно слушая капитана, я восхищался этим удивительным уголком нашей планеты.

— Вы не собираетесь туда? — спросил он меня. И, не дождавшись ответа, стал рассказывать:

— Это замечательный остров! Там все поражает: природа, растительность, люди. Красивые, статные, в основном креолы, их более трети всего населения. Они ведут свой род от европейцев-колонистов и африканских рабов, привезенных сюда двести лет назад. Когда гулял по городу, забрел в парк, который носит имя маврикийского поэта Роберта-Эдварда Харта. Великолепная растительность, удивительные птицы: ярко-красные кардиналы, черноголовые пик-пик, прекрасные конде... Бродил я в парке, наслаждался прохладой и вдруг среди тропической зелени на одной из центральных аллей увидел памятник Владимиру Ильичу Ленину, а кругом цветы! Я был буквально потрясен. Это здорово!

Капитан оживился, видно, ему самому было приятно об этом рассказывать. Поглаживая седые волосы, он сел против меня, но, услышав, что забулькала кофеварка, опять вскочил.

— А вы бывали на Маврикии? — спросил я Юрия. Тот улыбнулся, утвердительно кивнул головой.

— Был, и не один раз. Страна действительно интересная. Но, знаете, я не очень-то в птицах разбираюсь, — сказал тихонько, чтобы не услышал капитан, но скажу, что влияние, с позволения сказать, капиталистической цивилизации здорово видно, как говорят, невооруженным глазом. Представьте, на этом острове были великолепные леса с очень ценными породами

дерева — красным, черным, эбеновым... и еще бог весть какими! Все вырублено! Нет лесов совсем! А это сказалось на климате. Старожилы говорят: раньше никогда не было таких страшных ураганов, вернее, последствий этих ураганов. Деревья защищали. Да и сахарный тростник был выше, сочнее. А теперь что?...

Мы молчали. Помполит взглянул на часы и стал собираться: подошло время политбеседы.

Поздно вечером я перебрался на свой корабль. И память сохранила тот день встречи с моряками танкера, которые обладают замечательными качествами советского человека: гуманизмом, острой социальной восприимчивостью.

Много лет спустя мне вспомнился рассказ старого капитана о чудесном острове в Индийском океане, расположенном вблизи тропика Козерога. В 1975 году мировая печать заговорила о многочисленных страданиях, выпавших на долю маврикийского народа. «Жервеза» — так назвали синоптики страшный ураган, который пронесся над островом. Стране был нанесен огромный ущерб. Разрушены сотни домов. Повреждены линии электропередач, водопровод, дороги... Крейсеру «Дмитрий Пожарский» и экспедиционно-океанографическим судам «Ямал» и «Севан» было предписано прибыть в Порт-Луи — столицу государства — и оказать помощь населению, пострадавшему от стихийного бедствия. Более двух недель советские матросы, мичманы, офицеры бок о бок с маврикийцами трудились с утра до ночи, восстанавливая водопровод, линии электропередач, телефонной связи. Очищались от завалов дороги, восстанавливалась кровля жилищ, учреждений. Жители столицы восторженно встречали советских военных моряков. Каждому хотелось как-то отблагодарить русских за дружескую бескорыстную помощь. Много добрых теплых слов признательности было высказано в адрес советских моряков. Газета «Стар» («Звезда») писала: «Люди, так далеко живущие от Маврикия, оказались самыми близкими друзьями». Премьер-министр государства писал главе Советского правительства: «Я не нахожу слов, чтобы выразить Вашему превосходительству от себя лично и моего

народа восхищение, высокую оценку и благодарность за эту своевременную помощь».

Да, действительно, помощь была оказана большая. Наши люди поработали напряженно и много. Помогали, как говорится, не только потом, но и кровью в самом прямом смысле этого слова. Многие советские моряки стали донорами, они отдали свою кровь для того, чтобы оказать помощь раненым.

Медицинские учреждения Маврикия постоянно испытывают недостаток крови. Из-за религиозных убеждений население не хочет сдавать кровь. И если в условиях обычной жизни медики как-то ухитряются обходиться тем скудным запасом, который они получают из Европы за золото, то при массовом травматизме, какой был во время стихийного бедствия, жизнь многих островитян была бы в опасности, не окажись здесь русские моряки...

Ракеты стартуют в океане

Программа нашего плавания предусматривала проведение нескольких учений. Одно из них было особенно сложным. Командир отряда запланировал проведение ракетных и артиллерийских стрельб, ряд сложных маневров, которые потребовали от командиров большого искусства и высокой морской выучки.

Мы с Владимиром Сергеевичем на ходовом мостике флагманского корабля наблюдали за эволюцией ордеров, маневром каждого корабля. Контр-адмирал Кругляков, по радиосвязи давал указания то одному, то другому командиру. Наблюдая, я не мог согласиться со всем тем, о чем он говорил в микрофон. Мое замечание он воспринял с улыбкой.

— Видишь ли,— заметил он,— этого сразу и не уловишь. Подводники, так те действуют больше в одиночку, поэтому тебе, старому подводнику, не все ясно, но поверь мне, что в этих эволюциях, маневре много великолепия и красоты. Вот когда начнут они выполнять огневые задачи, тогда сам увидишь и поймешь...

И действительно. Загремели колокола громкого боя, возвещая о том, что «противник» обнаружен. Гулкой дробью по кораблю простучали тяжелые матросские ботинки.

— Товарищ адмирал, корабль к бою готов! — доложил командир.

— Хорошо,— коротко бросил Владимир Сергеевич, а сам внимательно, чуть наклонив голову, прислушивался к докладам по радио. Его сейчас больше интересовали те корабли, которые по условиям учения изображали «противника».

На «Строгом» — настороженная тишина. Спустившись на главный командный пункт, я надолго задержался у планшета обстановки в БИПе (боевом информационном посту). На экранах локатора высвечивались корабли, которых не было видно визуально с высоты ходовой рубки нашего ракетоносца. Здесь, на главном командном пункте корабля, производятся все расчеты на маневрирование, использование оружия. В любой момент, о чем бы ни спросил командир, отсюда идет на мостик короткий, четкий доклад. Я настолько увлекся работой операторов, что не заметил, когда подошел рассыльный:

— Вас адмирал приглашает на мостик.

Вышагивая по мостику, адмирал не задавал, а буквально штурмовал вопросами командира корабля. «Эге,— подумалось мне,— подошла и ваша очередь, товарищ Барабаш». Предстояла ракетная стрельба, и Владимиру Сергеевичу хотелось убедиться в том, что на флагманском ракетоносце все готово.

Я взял бинокль и стал осматривать горизонт, стремясь увидеть все наши корабли, которые я только что наблюдал на экранах локаторов.

— Ты не туда смотришь,— тронул меня за руку адмирал.— Вот куда смотри!

Носовая ракетная установка пришла в движение. Открылись щитки, легко вышли две остроголовые ракеты, застыв в готовности. Затем установка с ракетами развернулась, поискала по горизонту и замерла, уверенно двигаясь за невидимой для глаз целью. Я пропустил момент, когда стартовали ракеты: меня отвлекли артиллерийские залпы. По зенитной цели стреляли соседние корабли. Услышав гудение и рокот ракет, я успел заметить лишь уходящий вдаль факел двигателей и дымчатый шлейф.

Наблюдая за уходящими ракетами, я вдруг увидел маленькую точку — это была цель, и сразу рядом с

ней появились две вспышки. В ясном, безоблачном небе еще долго не растворялись две дороги серовато-голубого дыма ракет да густая россыпь гороха-шрапнели от скорострельных зенитных автоматов.

— Ну как зрелище? — спросил меня адмирал.

— Да, ничего не скажешь, здорово! Впечатляет,— ответил я с восхищением.

— Теперь соберемся все вместе, проведем разбор и начнем готовиться к ответственному визиту. Предстоит вояж в Эфиопию,— заключил адмирал.

С официальным визитом

Наш корабль взял курс на север. Надо было из Индийского океана пройти в Красное море и прибыть в военно-морскую базу Эфиопии — Массауа. У нас было достаточно времени, чтобы привести в порядок корпус, палубу и надстройки. Немножко подкраситься, помыть переборки, надраить медяшки, потускневшие от соленых морских брызг. Как любая хозяйка стремится создать уют в доме перед приходом гостей, так и моряки, когда идут в гости, тоже наводят порядок.

Ночью вошли в Баб-эль-Мандебский пролив, который разделяет Африку и Азию. Справа от нас Аравийский полуостров, слева — африканские берега. Темно. Только на горизонте заревом полыхает сильный свет маяка: какой бы ни был трудный день, все равно утром делаем зарядку, а перед сном — прогулку. Правда, прогулка — это слишком, может быть, громко сказано, тем не менее на небольшой площадке, размером десять на пятнадцать метров, мы ходим час, а то и больше. Эту привычку я вынес еще с лодок, там, правда, негде совершать моцион, но зарядку с многочисленными приседаниями, наклонами, велосипедным тренажером необходимо делать ежедневно.

Мы ходим молча, раздумывая каждый о своем. Во время подобных прогулок думается легко. Четко спланируешь свою работу на завтра, проанализируешь прожитый день — все это становится жизненной потребностью.

Настроение приподнятое. Радует итог учения. Корабли действовали слаженно, на разборе флагманом дана высокая оценка. Хороший разговор получился у нас и с политработниками. Радовало то, что многие молодые офицеры поняли значение соцсоревнования. При его организации проявили немало творчества.

Раздумывая о наших делах, я вспомнил о предстоящем визите. Всплыл в памяти 1935 год, когда весь мир говорил о героической борьбе абиссинского народа против итальянских фашистов. Тогда, при попустительстве некоторых стран, войскам Муссолини удалось растоптать свободу народа Эфиопии. Используя новейшее оружие, а также применив отравляющие вещества, которые запрещены были международными соглашениями, итальянские генералы уже тогда показали всему миру, что для фашистов нет ничего святого, если им надо достигнуть своих империалистических целей. Господству оккупантов пришел конец с разгромом фашизма. Но гнет и бесправие народа остались. Император и его семейство сосредоточили в своих руках огромные богатства страны, народ же влачил жалкое существование.

Владимир Сергеевич, видно, тоже размышлял о стране, куда мы держали путь. Он остановился и задумчиво сказал:

— Когда я был в Эфиопии прошлый раз, я просто поражался бедности этих людей. Сначала думал, что хоть армия, опора императора, содержится в более или менее приличных условиях. А оказалось, император даже на армию жалел средств.

Он помолчал, раздумывая, потом добавил:

— Действительно, все познается в сравнении. Мы у себя дома привыкли, что о нас кто-то думает, заботится. И знают люди, что их не оставят в беде, не позволят обидеть советского человека. А здесь,— он показал рукой вперед по курсу корабля,— человека за человека-то не считают... В прошлый раз я стал свидетелем дикого случая. Одному из солдат во время фейерверка оторвало два пальца. Может, пиротехник просчитался, делая ракету, а может, сам солдат допустил оплошность. Бедный человек буквально взвыл от боли, закричал, размахивая окровавленной рукой. Вместо того чтобы его в больницу или госпиталь... так

его в карцер, а потом, говорят, казнили, за то что омрачил праздник императору...

Утром на мачте рядом с красным флагом развевался эфиопский. Три разноцветные полосы — зеленая, желтая, красная, а посредине — лев. Вахтенный офицер пояснил:

— Час назад вошли в территориальные воды Эфиопии.

День выдался теплый, но не солнечный. Молочное марево скрывало горизонт. К полудню нас встретил катер. Мы приняли на борт двух морских офицеров. Это офицеры связи, высокие, молодые люди, одетые в белоснежную морскую форму. У обоих палаши. На время нашего визита им поручено решать все вопросы с советскими гостями.

Через сильную оптику приборов с волнением я рассматривал очертания незнакомого города, порта, ландшафт. Город небольшой. Белесые берега. А дальше такие же белесые высокие горы. Справа видны причалы, небольшие военные корабли типа сторожевых катеров. Это и есть военно-морская база.

Слева по кранам угадывался порт. Вплотную к нему подступают улицы города. Немного зелени, среди которой выделялось роскошное здание — дворец императора. Такие дворцы есть почти в каждом более или менее большом городе Эфиопии. Совсем близко — вход в огражденную молом бухту. С наших кораблей грянул первый залп салюта наций. За ним следующий. Когда отзвучал последний двадцать первый залп, стали палить пушки военно-морской базы. Огромная стая портовых голубей взметнулась и носилась над гаванью.

Нам определили самое крайнее место, это хорошо: удобней швартоваться. «Строгий» осторожно подошел к стенке. Небольшой эфиопский буксирчик суетился рядом, готовый прийти на помощь. Но мы отказались от его услуг. При швартовке за маневрами нашего корабля наблюдали сотни моряков других кораблей — американских, французских, английских, кроме того, портовые рабочие и представители нашего посольства во главе с Чрезвычайным и полномочным послом Советского Союза в Эфиопии.

Нелегко было нашему командиру. Он облегченно вздохнул лишь тогда, когда был заведен последний

швартов. Адмирал, человек весьма скупой на похвалу, все же заметил, будто про себя:

— Неплохо сработано.

— Молодец командир, хорошо подошел,— похвалил впоследствии посол.

Несмотря на свой возраст — ему было около шестидесяти лет — посол легко взбежал по трапу, принял доклад, отметил бравый вид почетного караула, который был выстроен в его честь. Тогда же стало известно, что наш корабль на сей раз считается старшим и на нем должен состояться обед, на котором будет император с семьей. Я видел, насколько это сообщение озаботило командира отряда. Хлопотное это дело — принимать на борту корабля и кормить обедом императора.

Как только была подана сходня, сразу началась на корабле иная жизнь. Прибыли военный атташе, представители посольств — наши советские люди приехали из Аддис-Абебы, столицы страны, расположенной высоко в горах, чтобы побыть среди своих соотечественников, походить по родной территории, этому маленькому кусочку Родины!

— Ах, какая прелесть наш черный хлеб! — говорила жена одного из сотрудников посольства. Она ела хлеб как лакомство, отламывая по кусочку и жмурясь от удовольствия.

— Приходите к нам обедать,— приглашал я их,— угостим флотским борщом...

— А на закуску, наверное, селедочку дадут,— перебил меня секретарь посольства и блаженно улыбнулся.

— Дадут, обязательно дадут.

Гости ходили по кораблю, засиживались в матросских кубриках, с интересом рассматривали графики соревнования, боевые листки, аккуратную заправку коек, стопочки книг в рундучках матросов. Они охотно рассказывали морякам об Эфиопии, о нравах ее народа.

Американцы прислали на торжества эсминец, англичане — сторожевик, французы — два небольших сторожевых кораблика, а Судан прислал на праздник катера.

Внешне все корабли выглядели неплохо, но всеобщее внимание привлек наш красавец «Строгий». Его современный вид — с антеннами локаторов, мачтами, острым, высоко поднятым форштевнем, аккуратность на палубах, надстройках — как бы подчеркивал высокую морскую культуру экипажа.

На берегу около «Строгого» всегда толпились люди, местные жители, но их немного, и видно, что это не простой люд. Больше всего матросов и офицеров с соседних кораблей. Группами стояли англичане. Они тихо переговаривались, показывая на нос и корму,— их интересовали ракетные установки.

Американцы, подойдя совсем близко к борту, громко говорили, смеялись. Часто повторяли: «Рашен шип, рашен шип, гуд». Им явно нравился наш корабль. По сравнению с их «Уодделом» наш «Строгий» выглядел современно, как бы подчеркивая последнее слово кораблестроения. Наши моряки гордились этим. Никто на палубе не стоял без дела, хоть и одеты были в парадную форму: белые брюки, форменка, белый чехол на бескозырке. Хлопотное дело — носить такую форму! Уж очень она маркая! Тем не менее моряк драит ветошью медяшку, и без того блестящую, или стирает пыль с переборки. Хочется, чтобы корабль был еще лучше!

Ожидая адмирала, я отмахивался от назойливых мух, которые, несмотря на ветерок, надоедливо кружились над кораблем. Мухи везде: в кубриках, на камбузе, даже в машинном отделении. Наш врач совсем извелся: могут ведь заразу занести.

В дверях показался адмирал, тоже весь в белом, золотые лавры на козырьке, мелодично позванивают медали, кортик... До чего же красивая морская форма!

— Поехали на прием,— сказал адмирал дежурному по кораблю,— будем к ужину.

Два офицера связи, переводчик и мы с Владимиром Сергеевичем еле поместились в тесном автомобиле какой-то иностранной марки. Проезжая через город, мы с любопытством разглядывали незнакомые улицы, строения, людей... Проехав дамбу, машина замедлила движение у КПП, где в красно-белых касках стояли солдаты. Жестом показывая направление движения, они что-то гортанно выкрикивали, притопывали и снова

замирали по команде «Смирно!». Мы въехали во двор, окруженный со всех сторон зеленью. Впереди было небольшое строение, и около него выстроен караул и оркестр. Как только мы вышли из машины, заметили у входа в штаб фигуру человека. Он, улыбаясь, двинулся к нам. Несколько гортанных выкриков, притопывание караула, оркестр заиграл марш. Командующий местным флотом подошел к нам. Он постоянно улыбался, обнажая ровные белые зубы. Был подвижен, но не суетлив. Держался просто и довольно-таки приветливо.

Проходим в просторный кабинет. Командующий флотом выразил удовлетворение тем, что командование сочло возможным послать для участия в празднике корабль. «Как мне доложили,— сказал он,— корабль очень красивый, новый, самый современный».

Мы пригласили его посетить корабль.

— Я с большим удовольствием воспользуюсь вашим приглашением, сегодня же, если для вас это удобно.

На «Строгий» командующий флотом прибыл с группой офицеров, видимо офицеров штаба и военно-морского училища. Бегло все осмотрев, он поинтересовался возможностями корабля для того, чтобы провести обед. Мы показали ему кают-компанию. Она его вполне удовлетворила. Раньше никогда мне не приходилось бывать на приемах, где бы собирались дипломаты, а тут случилось так, что посол Алексей Дмитриевич рекомендовал обязательно побывать на приеме, который давал итальянский посол. Учитывая, что в одно и то же время надо было быть на двух приемах, Владимир Сергеевич направился к англичанам: они принимали на своем корабле, а я с послом поехал в отель «Красное море» — самый фешенебельный в Массауа. В этом году итальянцы не присылали корабля — Суэцкий канал закрыт, а вокруг Африки идти слишком далеко. Вот и решило итальянское командование самолетом направить оркестр и подразделение моряков для участия в параде.

В отель меня доставил офицер связи. Шефство надо мной здесь взял приветливый молодой работник нашего посольства. Отведя в сторону, он тихонько рассказывал о гостях, которые важно расхаживали по холлу,

ожидая приглашения к столу. Меня поражала чопорность и напускная важность, с какой они ходили друг за другом, раскланивались. Среди них были графини, князья... Я смотрел на них и думал: «Попал, как в прошлый век».

Приемы, визиты, опять приемы. Поздно вечером, усталые, переполненные впечатлениями, мы собирались на корабле, на верхней палубе, обменивались мнениями. Я люблю вечерком побывать с командой на баке. Здесь в непринужденной обстановке можно поговорить с матросами и старшинами, почувствовать «пульс» жизни команды и самому сказать что-то полезное. Вечерняя прохлада располагала к отдыху. Приятно сбросить с себя мундир и в легкой походной корабельной курточке посидеть, выкурив сигарету, другую. Я заметил, что в такие минуты моряки охотно разговаривают на любые темы. Меня интересовало, какое впечатление осталось у них от города, людей, встреч.

— Мы видели, как работают на заготовке соли. Тут рядом, почти в городе, целые горы соли. Они соль добывают просто: заливают соленой водой такие большие квадраты, на солнце вода испаряется, а соль остается. Я только удивился, как можно без сапог работать, босиком. Мы еще заметили, что здесь много разных национальностей. Люди разного цвета кожи: одни совсем черные, аж синие, другие шоколадного цвета, а есть совсем как наши, вот как Федор Почтарь.— Моряк засмеялся, хлопнув по плечу высокого со смоляным чубом молдаванина.

Тот тоже улыбнулся и сказал:

— Правильно, есть и в Эфиопии мои земляки. Мы их встретили, когда бродили по городу. Ходили, ходили... Жара, разморило, пить охота. Хотели найти газировочки, как у нас, из автомата. Ничего подобного! Попытались спросить у одного, другого... не понимают! Смотрим, навстречу идут мужчина и две женщины. Только взглянул на них — сразу будто родных встретил! Лица совсем наши, такие милые, родные... Подходят они к нам. Мужчина молчит, улыбается, а женщины так радостно: «Мальчики, вы, что, пить хотите?» Оказалось, что это наши советские врачи. Они вместе с работниками посольства приехали из Аддис-Абебы, где работают в госпитале. Не советовали они нам пить ни воду,

ни пепси-колу. «Лучше потерпите немного». Мы так и не попили — перехотелось!

Он помолчал, а потом заметил:

— Они, оказывается, были у нас на корабле. Очень понравилось им. Так расхваливали чистоту, порядок, что даже неудобно слушать было.

— Были, и даже я их чаем поил,— вмешался в разговор вестовой кают-компании.

— Вы знаете,— обратился ко мне лейтенант Пошибайло,— когда мы были на «Протее», французском корабле, я разговаривал с их корабельным врачом. Рассказываю ему, что у нас школьники хорошо знают историю Франции, ее революционные традиции. Что у нас в Ленинграде есть улица Марата, набережная Жореса... Он удивился — не предполагал такого, а мне сказал, что в Париже есть музей Ленина и одна улица названа Сталинградской в честь нашей замечательной победы. Приятное впечатление осталось после такого визита и встречи с человеком, который по-доброму относится к Советскому Союзу.

На следующий день к нашему кораблю началось настоящее паломничество моряков с соседних иностранных кораблей. Они приветствовали наших матросов, предлагали поменяться значками или сувенирами. Особенно усердствовали американцы. Они подошли вплотную к кораблю и передавали на борт сигареты, зажигалки, значки. Наши дарили им открытки с видами Москвы, буклеты о Советском Союзе...

И вот настал день проводов. Команда построена по большому сбору. Оркестр играет марш «Прощание славянки». Вижу на берегу грустные лица. Руку в приветствии держит посол. Прослезилась его жена Мария Леонтьевна. Приветливо машут товарищи из посольства... Все дальше и дальше берег, все меньше становятся фигуры провожающих.

«Прощай, Эфиопия!» Мы снова взяли курс на юг. Плещется соленое Красное море. Жаром веет с африканского материка.

Прошло совсем немного лет, и снова жизнь привлекла внимание мировой общественности к Эфиопии, к Красному морю. Что касается событий в Эфиопии, то читатель знает о них. Народ недолго терпел тиранию самодержавия и его клики. Революционная буря

всколыхнула народные массы. В стране начались демократические преобразования. Революционный процесс продолжается.

Здравствуй, Родина!

За время долгого плавания нам втройне стало дороже все, что напоминало родной дом, город, край. Из рундуков, чемоданов моряки повынимали снимки, открытки, фотографии с изображением русского пейзажа, величавого разлива рек, одинокой березы на откосе зеленых просторов русских полей, широких проспектов наших городов. Душевный подъем вызывали радиопередачи, концерты русской музыки, советских песен. Когда по кубрикам разносилась песня о Родине, о Волге широкой, о дорогой столице, люди будто преображались. Они ощущали прилив сил и впоследствии трудились с утроенной энергией.

В конце нашего длительного похода моряки, следя за картой плавания, часто спрашивали командиров, куда держим курс. Не домой ли?

Как всегда, приказ о возвращении домой поступил неожиданно. Командир еще не успел объявить его личному составу, а уже эта весть облетела кубрики, каюты. Люди не скрывали радости. И в этом, думается, нет ничего предосудительного. После тяжелого длительного похода моряка тянет домой, как солдата на побывку.

Мы возвращались домой, а нам навстречу шли корабли родного Тихоокеанского флота. Встреча с ними вызывала у моряков бурю чувств. Нам желали: «Счастливого возвращения на Родину», а мы поднимали флажный сигнал: «Счастливого плавания».

Перед приходом корабля в базу командиры всех степеней все чаще приходили за советом — как отметить подчиненных, все трудились на славу и всех как-то надо поощрить... В те дни у офицеров были свои заботы: нужно было подвести итоги учебы за время похода, составить отчеты, списки на поощрение. Но это были приятные хлопоты.

Мы приближались к родным берегам в прекрасное время года — весной. В океане эта пора имеет свои приметы, правда, они не такие отчетливые, как, ска-

жем, на берегу, где тают снега, распускаются деревья, прилетают птицы, но и в океане ощущается дыхание весны: ярче стало светить солнце, запахло свежестью, над нами пролетали косяки птиц, направляясь, возможно, в наши края.

В ожидании встречи, в хлопотах время летело незаметно. И вот уже показались знакомые очертания берега, маяков, створов. Последний поворот — и перед нами открылись долгожданные сопки, причал и чуть в отдалении наш городок.

При подходе мы увидели на пирсе массу людей. На солнце поблескивали трубы оркестра. Над головами — ранние весенние цветы. Чье сердце останется спокойным при виде родных и знакомых, при виде родного причала!.. До нас донеслись берущие за душу звуки оркестра. Мы всматривались в улыбающиеся знакомые лица.

Родина тепло встретила своих сыновей. Я смотрел на волнующие объятия, крепкие рукопожатия и с радостью отмечал: на русском и советском флотах так уж повелось — тепло встречать возвращающихся с победой из дальних походов моряков. Так встречали эскадру Нахимова после битвы под Синопом, так встречали североморских подводников после успешных подводных атак, так чествовали нас, подводников, совершивших кругосветное плавание вокруг Земли. В незабываемое торжество вылилась и встреча отряда наших кораблей.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЕ ПОЛПРЕДЫ 3
ПОДВОДНАЯ ОРБИТА 12
ОКЕАНСКАЯ ОДИССЕЯ 77

Николай Витальевич Усенко

В ПОХОДАХ ОКЕАНСКИХ

Заведующий редакцией *Г. М. Некрасов*
Редактор *В. Н. Курбатов*
Художник *В. П. Мухачев*
Художественный редактор *Г. Л. Ушаков*
Технический редактор *З. И. Сарвина*
Корректоры *В. Д. Синева, И. С. Судзиловская*

ИБ № 952
Сдано в набор 19.03.79. Подписано в печать 18.07.79. Г—21831. Формат 84 × 108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл п. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,66. Тираж 100 000 экз. Заказ № 9-142. Цена 55 к. Изд. № 3/1549.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР
129110, Москва, И-110, Трифоновская ул., д. 34

Харьковская книжная фабрика «Коммунист» республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР. 310012, Харьков-12, Энгельса, 11.

55к